

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2011

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

экслюзивно
для
zutacker.org

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908—1912 гг. 3

СТАТЬИ

А.А. Искендеров — История и мифы 20

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

О.М. Морозова — Николай Федорович Гикало 37

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) 58

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Е.И. Фролова — Политический Красный Крест и советская Россия 71

СООБЩЕНИЯ

А.Г. Данилов — Ростовский период в истории Варшавского университета (1915—1917 гг.) 86

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

В.В. Пенской — Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV—XVI в.	98
А.Г. Горин — Об имперском государственном устройстве Древней Руси X—XI вв.	110
Ю.В. Лунева — Ближневосточный кризис 1895—1897 гг. и планы раздела Османской империи	117

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.А. Рогожин — Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов	132
--	-----

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

А.В. Тихонова — Швейцарские учителя в России в первой половине XIX в.	142
В.Н. Залепеев — Немецкая пресса в первый месяц Великой Отечественной войны	148
Н.Т. Абдимомынов — Кипчакский фактор в истории Золотой Орды и Египта	153
И.В. Крючков — Эдуард Таафе в политической истории дуалистической Австрии	158

ИСТОРИОГРАФИЯ

И.Н. Новикова — Российско-шведские отношения периода первой мировой войны в отечественной историографии	165
В.В. Шелохаев — В.Е. Воронин. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.); В.Е. Воронин. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х — середина 80-х гг. XIX в.)	172
Ш.М. Мухамедина — Р.Г. Буканова. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI—XVII вв.	174

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

В преддверии полного раскола.

Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908—1912 гг.

112. Заявление группы «Вперед» *155

[Последние числа июля 1911 года]

Ко всем членам партии

Несколько месяцев тому назад группа «Вперед» обратилась ко всем партийным товарищам с манифестом, выяснявшим ее взгляд на важность, способ организации и задачи общепартийной конференции *156. Главнейшие положения этого манифеста были следующие:

«Главнейшей задачей конференции должна явиться попытка создать наконец на деле единую партию с единой тактикой... Конференция должна сделать попытку выработать такую тактику, которая оказалась бы приемлемой для значительного большинства партии, не оскорбляя в то же время воззрений меньшинства. Пора покончить со стремлениями незначительного большинства замордовать почти равное ему меньшинство, как это бывало до сих пор... Самый распад прежних фракций, самая глубина кризиса, переживаемого нашей партией, рядом с сознанием лежащей на всех нас громадной ответственности, привели, наконец, к широко распространенному в различных кругах нашей партии стремлению к единству.

Только возникший из реальной практической работы в России Организационный комитет сможет в согласии с местными организациями окончательно выработать нормы конференции и осуществить ее. Дело созыва конференции должно, по нашему мнению, находиться всецело в руках Организационного комитета. Средства, собранные для этой цели, должны поступать в особый фонд, находящийся в его распоряжении.

Сторонники конференции всех направлений за границей могут, разумеется, оказать поддержку в трудной работе по ее организации. Ни в каком случае, однако, недопустима при этом организация какого-либо незаконного заграничного соперника нашему мнимому партийному центру, какого-нибудь комитета, который посягал бы на властное руководство делом созыва конференции. Эту задачу может выполнить только выбранный русскими организациями Организационный комитет. Но было бы весьма полезно создать за границей некоторую комиссию по содействию организации конференции».

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории, 2010, №№ 6, 7, 9—11; 2011, №№ 1—3, 5—8.

Другие течения партии не стояли в то время на этой точке зрения. «Правда», «Голос социал-демократа» возлагали надежды на коллегию ЦК в России; ЦО и большевики-ленинцы ответили инициатору идеи немедленного созыва конференции тов. Троцкому грубой бранью и обвинениями в авантюризме *157, стараясь в то же время выдвинуть в качестве организатора возможной конференции несуществующее и уставом не предусмотренное совещание членов ЦК, проживающих за границей *158.

Но время шло. Партийные центры за границей продолжали свою разрушительную работу. Большевики-ленинцы жаловались, что ЗБЦК и меньшевики препятствуют созыву Русской коллегии ЦК и пленума его; ЗБЦК жаловалось, что, находясь в материальной зависимости от большевиков, оно не в состоянии оградить себя и партию от их самоуправства. Особенно ярко сказалось оно в воспрещении большевиками выдавать установленную пленумом субсидию «Правде» под угрозой в случае слушания со стороны ЗБЦК лишить его вовсе средств *159.

Наконец конфликт большевиков и ЗБЦК дошел до разрыва в то самое время, как рухнули все надежды на возрождение Русского бюро ЦК. Тов. А. [Семашко] ушел из ЗБЦК, унеся с собою также его кассу и деловые бумаги. Политические единомышленники тов. А. покрыли его скандальный поступок и попытались революционным путем создать новые узкофракционные партийные центры в виде совещания пяти членов ЦК Технической комиссии¹, должностяущей заменить собою ЗБЦК, и Организационной комиссии по созыву конференции, по плану «пяти» состоящей из трех большевиков, двух поляков и по одному представителю от других течений.

Разумеется, присоединиться к этим искусственно подобранным центрам ни одно из течений партии, равно как Бунд и СДЛК, не пожелали. Для всех стало более или менее ясно, что при общем развале центральных учреждений партии — единственным выходом для нее является сделанное раньше группой «Вперед» предложение о созыве конференции автономным Организационным комитетом в России при подсобной ТК за границей.

Откликнулась и Россия. Василеостровский и Петербургский районы города Петербурга приняли следующую в высшей степени важную резолюцию:

«РЕЗОЛЮЦИЯ» *160,

принятая единогласно на расширенном собрании
Василеостровского районного комитета РСДРП

Обсудив выдвинутый в резолюциях различных заграничных групп и некоторых российских организаций вопрос об общепартийной конференции, районный комитет пришел к следующим положениям:

1. Временный экономический подъем, наблюдаемый за последнее время в российской промышленности, и значительное оживление в различных слоях русского общества вызвали быстрое возрождение на местах пролетарских ячеек, почти всецело обязанных своим возникновением самодеятельности рабочих.

2. Дальнейшее укрепление и расширение деятельности этих ячеек неизбежно ставит перед ними задачи идейного объединения всей партийной работы в одном направлении, восстановления общероссийского партийного аппарата.

3. Эти задачи могут быть успешно осуществлены только общепартийной конференцией, выражающей волю действительного большинства существующих в данный момент на местах партийных организаций.

4. На конференции должны иметь для этого достаточно полное представительство все значительные партийные ячейки, действительно ведущие местную партийную работу, и, кроме того, сама конференция должна также

суметь повести свою работу независимо от той фракционной склоки, которая совершенно заполнила за последнее время жизнь наших официальных центров и подорвала положительную работу.

5. Необходимой предпосылкой успешного осуществления подобной конференции является наличие на местах сравнительно жизнеспособных и достаточно оформленных пролетарских партийных организаций, доказавших свою жизнеспособность в самом процессе местной работы и сумевших в достаточной степени устранить в нем фракционную "грызню".

Исходя из подобных положений, районный комитет высказывается за созыв общепартийной конференции, не предрешая, однако, срока последней, и призывает всех партийных работников Петербурга энергично взяться за дело дальнейшего восстановления и укрепления местной партийной организации и за обсуждение в ее ячейках всех связанных с конференцией вопросов партийной жизни.

Принимая во внимание:

1. Полную оторванность от местной работы и полную неспособность проявлять положительное руководство последней наших официальных заграничных партийных центров — ЦК и ЦО, фактически представляющих одну литературную группу нескольких литераторов-эмигрантов, отличающуюся чисто сектантской, узкофракционной нетерпимостью ко всем инакомыслящим членам партии, что ясно доказано всей их деятельностью за последние три года;

2. Наличие, хотя и в меньшей степени, подобных же отрицательных явлений и в работе других партийных заграничных групп: "Голоса социал-демократа", "Вперед" и "Правды";

3. Несомненное стремление заграничных литераторов, особенно представителей официального центра, использовать эту конференцию для сведения в ней своих узкофракционных счетов путем искусственного подбора мандатов и механического подавления своих противников, —

районный комитет полагает, что созыв конференции может привести к положительным результатам лишь в том случае, если вся инициатива и подготовка этого дела явится результатом длительной работы местных, российских организаций и их областных и других конференций, причем заграничные группы могут оказать ему действительную помощь в организационном отношении лишь образованием денежного фонда и технического бюро, на обязанности которого лежало бы заведование этим фондом, переправа делегатов, выбор места конференции и другие чисто технические дела. Кроме того, с формальной стороны конференция должна организоваться на следующих основаниях:

1. Для обеспечения более полного фракционного беспристрастия Заграничного технического бюро в него должны войти по одному представителю от заграничных центров национальных партийных организаций: Бунда, польской и латышской социал-демократии и от прочно установившихся заграничных литературных групп: "Социал-демократа", "Вперед", "Правды" и "Голоса социал-демократа".

2. Правом решающего голоса на конференции должны пользоваться только представители местных российских органов вне всякой зависимости от какого-либо фракционного центра, причем они могут пригласить с совещательным голосом всех заграничных партийных работников, кого найдут нужным.

3. Во избежание представительства от фиктивных партийных ячеек, на конференцию могут быть допущены лишь такие организации, которые существуют не менее трех месяцев до ее созыва и могут представить ясное доказательство своей работы на местах.

4. Во избежание излишней громоздкости конференции делегаты посылаются по два от тех организаций, которые насчитывают не менее 250 членов, и по одному от тех, которые имеют не менее ста членов.

5. Организации, обладающие меньшим числом членов, объединяются для выбора с соседними.

6. Тем местным организациям, которые найдут это нужным, дается право посылки отдельных делегатов с совещательным голосом от вполне оформленных партийных групп в легальных рабочих обществах на основании пункта третьего.

7. Ликвидаторы могут принимать участие в выборах лишь в том случае, если, войдя в местную организацию, они достаточно покажут на деле, в самом процессе ее работы, свой полный отрыв от ликвидаторских взглядов, причем решение последнего вопроса должно быть всецело предоставлено на усмотрение самих местных организаций.

8. Конференция должна заняться разрешением общих задач положительной работы на местах, причем, по мнению районного комитета, в данный момент таковыми являются:

- а) отношение к выборам в Четвертую Государственную думу;
- б) отношение к петиционному движению;
- в) задачи революционной социал-демократии в легальном рабочем движении: профессиональных союзах, просветительных союзах, просветительных обществах, кооперативах и т.п.;
- г) задачи революционной социал-демократии по отношению к использованию буржуазных легальных возможностей: буржуазные съезды и общества и т.п.;
- д) задачи социал-демократической работы в войсках;
- ж) задачи кружковой систематической партийной пропаганды;
- з) создание популярной рабочей газеты и популярной брошюрной литературы;

и) выработка новых, приспособленных к современным условиям организационных норм и избрание новых партийных центров, временно действующих до будущего партийного съезда».

Газета «Правда» в № 21 высказалась также вполне в духе предложения группы «Вперед»^{*161}. Наконец, на ту же, приблизительно, точку зрения стал и ЗБЦК, принявший следующую резолюцию, несколько расплывчатую, но по духу тем не менее приемлемую, на наш взгляд, для всех, как исходный пункт соглашения^{*162}.

«Для обсуждения вопроса о содействии из-за границы созыву предусмотренной пленумом конференции, которую, согласно решению пленума, должна созвать Русская коллегия ЦК или особый Организационный комитет в России, ЗБЦК предлагает созвать совещание из *равного* числа представителей заграничных центров всех идейных течений и национальных организаций РСДРП и с этой целью обращается в Заграничный комитет Бунда, Заграничный комитет СДЛК, Главное правление социал-демократического центра Польши и Литвы, а также к редакциям «Дневника социал-демократа», «Голоса социал-демократа», «Правды», «Рабочей газеты» и «Вперед» с предложением делегировать на это совещание по одному представителю.

17 июля 1911 года».

Со своей стороны, польско-большевистская ОК предложила группе «Вперед», дорожа ее участием в своей комбинации, выставить ее требования: отдельные члены этой ОК заявляли, что важнейшие предложения группы приемлемы для них^{*163}.

Опираясь на эти факты, группа «Вперед» решила сделать шаги к соглашению враждующих и разрывающих партию сторон.

Приняв предложение явиться на официальное совещание с представителями ОК, группа «Вперед» через своих представителей *¹⁶⁴ внесла в нее следующее письменное предложение, которое было послано также и ЗБЦК:

«За последнее время для группы “Вперед” выяснилось, что сделанное ею несколько месяцев тому назад предложение о созыве конференции РСДРП через посредство автономного ОК в России в настоящее время принято более или менее всеми. Очевидно, что это положение должно и может стать основным пунктом общепартийного соглашения, хотя бы в такой форме: дело созыва конференции и средства для этого передаются в руки ОК, созданного в России из национальных, областных и крупнейших местных организаций. Инициатива по созыву ОК должна быть передана трем русским наиболее пропартийным организациям по соглашению с национальными организациями. Состав и функции ОК определены будут уже в России, причем все заграничные течения, без различия, могут лишь давать советы русским организациям, отложив всякую мысль об авторитетном вмешательстве.

Общепризнанным является в настоящее время второе положение: необходимость создания подобной ТК за границей. Здесь, однако, существуют разногласия. “Совещание пяти” пытается организовать Заграничную ОК с неопределенными правами в составе: три большевика, два поляка и по одному представителю от остальных течений. ЗБЦК, со своей стороны, предлагает создание ТК, подчиненной русскому Организационному комитету при равном представительстве всех течений.

Группа “Вперед” надеется, что в этом отношении легко будет достигнуть соглашения, например, на таких условиях: Заграничная техническая подсобная комиссия по созыву конференции созывается ЗБЦК из представителей всех литературных групп за границей. ОК, созданная совещанием пяти, в качестве организации, имеющей особые претензии и сделавшей уже некоторые шаги по созыву конференции, имеет право делегировать со своей стороны одного представителя в новую ТК.

По мнению группы “Вперед”, все течения, которые пожелают войти в ТК, должны принять на себя обязательства: подчиняться всем директивам ОК в России, добиваться по всем вопросам соглашения, а в случае недостижимости его предоставлять отдельным течениям право свободно выражать свои мнения, ибо все мнения, идущие из-за границы, все равно будут иметь для России лишь совещательный характер.

Группа “Вперед” подчеркивает, что течения, которые помешают общепартийной организации созыва конференции на подобных началах, возьмут на себя тяжелую ответственность перед партией».

В ответ на это предложение делегаты ОК товарищи Т[ышко] и В[ласов] заявили, что они передадут его для официального обсуждения ОК, но уже теперь могут сказать, что, пока комбинация ЗБЦК не осуществлена, они не желают считаться с нею, что, кроме того, двери их комбинации настежь открыты для всех, и организацию всякой новой комбинации они со своей точки зрения считают актом раскольным.

На это делегаты группы “Вперед” товарищи А. [Ф. Калинин] и Л[уначарский] ответили, что именно теперь, до возникновения двух параллельных организаций, преследующих одну и ту же цель, крайне необходимо договориться, и, во-вторых, что состав, намеченный ЗБЦК, весьма выгодно отличается своей беспристрастностью от состава ОК, выработанного совещанием пяти, явно неприемлемого для целого ряда течений, объявленных им неравноправными.

Делегаты ОК, оставив в стороне эти доводы, пространно разъясняли представителям группы, что она, будучи ближе к ним политически, должна, во всяком случае, сторониться комбинации оппортунистов.

Делегаты группы, признавая относительную близость ее в политическом отношении к польско-большевистскому блоку, энергично подчеркивали в то же время определенно раскольный характер его внутрипартийной политики. Считая своим долгом сохранить за конференцией объединительный, а не раскольный характер, группа будет энергичным образом бороться со всякой частной комбинацией за общепартийный состав конференции.

На этом переговоры были прерваны до официального ответа от комиссии. Из дальнейшего с очевидностью выяснилось, что официальный ответ комиссии может быть лишь отрицательным. В то же время польско-большевистская комиссия начала предпринимать шаги к спешному созыву своей раскольной конференции».

Что касается ЗБЦК, то он дал следующий ответ на запрос группы:

«Ваше предложение пригласить на совещание и представителя так называемой “ОК”, выбранной “совещанием пяти”, для ЗБЦК, конечно, не приемлемо, мы думаем, что само совещание, конституировавшись, сможет пригласить кого ему будет угодно.

Наконец, вопрос о том, как будет составлен Организационный комитет в России, в ЗБЦК не подымался и, вероятно, будет предметом обсуждения совещания.

С тов. приветом Секретарь ЗБЦК *Б. Игорев*».

Так фактически обстоит дело. Еще никогда партия не стояла перед такой непосредственной угрозой раскола.

Заграничная литературная группа «Вперед» сделала что могла для его предотвращения. Впрочем, средства заграничных сторонников сохранения партийного единства далеко еще не исчерпаны:

Известно, что *меньшевики-партийцы* совершенно определенно выступают против раскола. Ввиду этого они, конечно, не вступят ни в правую, ни в левую комбинацию, ибо такое вступление может лишь затруднить борьбу за единство. Надо надеяться, что и «Правда», всегда отстаивавшая партийность против всякого сектанства, также воздержится от прямого содействия тому или другому флангу и будет энергично бороться за сговор во что бы то ни стало.

Если СДПиЛ целиком примкнула к раскольникам левого крыла, то Бунд и особенно СДЛК, вероятно, поймут, что их прямым долгом является содействовать общепартийному соглашению.

Группа «Вперед» приглашает представителей всех этих организаций коллективно выступить с предложением созвать предварительное совещание представителей всех течений для выработки платформы общего соглашения. Но, само собой разумеется, главная ответственность лежит теперь на организациях в России, как русских, так и национальных.

Товарищи в России!

Конференция неотложно необходима партии, но она нужна для соглашения, а не для раскола.

Если во время выборов в Четвертую думу РСДРП явится разрозненной и дойдет до выставления двух параллельных кандидатур, это будет ее политическим самоубийством и позорнейшим преступлением перед пролетариатом. Между тем спешно налаживаемый ныне раскол либо приведет к этому неслыханному скандалу, либо к позднему, закуливному, темному сговору генералов вместо открытого, методического, общепартийного соглашения, возможного лишь при посредстве конференции, *на которой были бы представлены все течения нашей партии.*

Перед резолюциями активных организаций, действующих в России и энергично осуждающих всякую попытку раскола, заграничные сторонники его отступят несомненно.

Группа «Вперед» призывает вас, товарищи, немедленно и повсюду во-тировать резолюцию:

Конференция для соглашения — да!

Конференция для раскола — нет!

Не идите ни на какие зазывания! Выбирать представителей на конференцию, организуемую заграничным польско-большевистским блоком, — значит во всяком случае подписываться под расколом. Мы не говорим о комбинации ЗБЦК, так как всякому ясно, что при отсутствии специальных средств оно вообще не в состоянии созвать конференции помимо длительной работы организаций в России. Наоборот, польско-большевистский блок задался целью в кратчайший срок искусственно, опираясь на средства, принадлежащие в сущности партии, но находящиеся в его руках, созвать конференцию и закрепить распад партии.

Товарищи! Не идите на эту конференцию, заявляйте заранее, что не признаете ее партийности, что решения ее никоим образом не могут выразить воли всей партии.

Требуйте созыва конференции полномочным Организационным комитетом в России. Пусть инициатива по созданию его будет взята на себя представителями национальных центров и несколькими наиболее активными русскими организациями. Требуйте, чтобы средства, необходимые для самого создания Организационного комитета, были переданы созданной таким образом инициативной группе в России, а средства для созыва конференции — самому Организационному комитету. Требуйте сговора заграничных товарищей, выносите резкое порицание тем, кто сопротивляется ему.

Товарищи! Энергичнее боритесь за сохранение партии: раскольники не дремлют *165.

113. Ф.И. Калинин — Г.А. Алексинскому

31 июля 1911 года

Дорогой Григорий Алексеевич!

Группа решила собирать долги и обращаться по этому поводу к должникам, чтобы они возвращали долг в группу. Один из самых крупных должников — это В. Бурцев, и, кажется, один из малонадежных. К нему необходимо теперь обратиться с просьбой, чтобы он возвращал долг, хотя бы по частям. Вы, пожалуйста, обратитесь к нему.

У нас печатается отчет, на днях выходит *166. Вы, конечно, получаете всю литературу, которая здесь выходит. Я поручал это делать Борису [Траинину], который говорит, что все, что выходит, он высылает Вам. Наш листок *167 Вы, вероятно, читали. Как Вы его находите? Школа ленинцев развалилась совсем, пропущено лекторами 40 лек[ций]. Все слушатели без исключения ею крайне недовольны и признают, что она совсем не удалась. Власов [Рыков] предлагает ее сейчас же распустить, а слушателей превратить в агентов по/организации конференции.

Как Вы себя чувствуете? Как вообще идут Ваши дела? Привет Т.И. [Алексинской].

Сердечно жму руку. *Аркадий.*

1 августа (19 июля) 1911 года

Дорогой Ю.О.!

Я ужасно долго задержался в Петерб[урге] из-за сверхсметной неаккуратности сотрудников и всяких других дел. Еду — теперь уже это окончательно решено и билет в кармане — послезавтра, т.е. 21-го [ст.ст.] и почти безостановочно направляюсь в Ваши края, т.е. в Weggis. Итак — до скорого свидания... Рукописи две Ваши и одну Мартынова получил.

115. Д.З. Мануильский — Г.А. Алексинскому

[Начало августа 1911 года] *168

Дорогой Григорий Алексеевич,

Давно я Вам уже не писал, и Вы, вероятно, очень сердитесь за это на меня, но, правдо, Григорий Алексеевич, смягчите Ваш гнев на милость: много было причин моего молчания, а главное, это служба, отнимавшая у меня 12 часов, и масса неприятностей, связанных с нею, закончившихся тем, что я «подал в отставку» после «забастовки» и возвратился к своей прежней профессии «безработного». Но не буду Вам об этом распространяться, так как Вам, наверное, сие весьма малоинтересно, а перейду лучше к тому, что Вас очень занимает, а именно к групповым делам...

Перейду к другому вопросу, а именно, к тому партийному положению, которое создалось сейчас и которому посвящен выпущенный группой «Вперед» листок. Обсуждению этого вопроса и было посвящено последнее собрание группы. В наличности имелось три мнения: 1) одно А. [Аркадия — Ф. Калинина], высказавшегося за то, чтобы войти в комбинацию течений, группирующихся вокруг ЗБЦК; 2) Ст. [Вольского], настаивавшего на посылке нашего делегата в ОК. Это мнение поддерживал и представитель школьников (школы Ленина — впередовец) *169. 3) мнение мое и Луначарского, заключающееся в том, что пока не надо входить ни в одну из существующих комбинаций за границей. Мастер [Я. Страуян] уехал к морю, и потому мнения его мы не знали. После высказанных соображений сошлись на следующем: обратились к «держателям» с письмом, являющимся ответом на письмо тов. Каутского к группе «Вперед», с указанием на необходимость созыва съезда представителей всех идейных течений, вместе с «держателями», для выработки базы соглашения между двумя образующимися блоками, польско-большевистским и правым меньшевистским. Мы нашу задачу усматриваем в том, чтобы не допустить раскола партии, и в этом отношении уверены, что найдем поддержку в Каутском, тем более что он в своем письме, адресованном группе, высказывается в том же духе *170. Если удастся собрать такой съезд, мы думаем, что к соглашению можно будет прийти. Но допустим, что съезд заграничных течений почему-либо не удастся, тогда мы предъявляем ОК ультиматум: 1) желает ли она перестроиться на началах равномерного представительства всех течений и 2) намерена ли она перенести весь центр тяжести по созыву конференции в Россию.

Если этот ультиматум будет принят, тогда мы не видим повода для дальнейшего раскола и входим в ОК; если же он будет отвергнут, мы в каждую из заграничных ОК (как польско-большевистскую, так и ЗБЦК) посылает представителя для информации, не принимая никакого участия в голосованиях. В создавшийся же в России Организационный комитет будем рекомендовать вступать всем примыкающим к течению «Вперед».

Не стану Вам приводить аргументов за это решение, а также тех, которые приводились в защиту каждого из указанных выше мнений, так как по этому поводу пришлось бы писать очень много.

Такое в общих чертах то положение, которое наша группа заняла в настоящий момент. Кроме того, сейчас заняты подготовкой четвертого сборника. Пока намечены следующие статьи: 1) Передовица (последние мероприятия Кассо, развал самодержавия, развитие стачечного движения, укрепление социал-демократической работы). Эту передовицу мы хотели [Вас] просить написать, если только здоровье Вам это позволяет. Впрочем, подробнее об этом Вам напишет Луначарский. 2) О выборах в Четвертую Государственную думу. 3) О военной работе. Эти две статьи собираюсь написать я. 4) «Социалист Ленин в роли буржуазного политика», Аркадий [Калинин]. 5) Еврейский вопрос Маляра [Трайнин]. 6) Ваша заметка о депутатах. 7) Лондонская стачка — Станислав [Вольский]. 8) Международное положение — Луначарский *171.

Вот те статьи, которые пока имеются в перспективе. Само собой разумеется, что, вероятно, будут еще статьи. Детально могу Вам только сказать о своих статьях, так как пока еще детального разбора сборника не было. В частности, в статье о военной работе думаю осветить три положения: а) Последние ужасы казарменных застенков (такие факты, как, например, убийство солдата за неотдачу чести), затем кража и злоупотребления, в частности интендантский процесс; придется сгруппировать факты, чтобы нарисовать полную картину; б) Как на эти насилия «сверху» реагируют «снизу». Учащающиеся самоубийства среди солдат, массовые бегства и эпидемия дезертирства, отдельные террористические акты. Иллюстрировать все это думаю фактами; с) Необходимость направить протест в организованное русло. Уроки некоторых военных восстаний. Так в общих чертах мне рисуется эта статья. Повторяю, еще не обсуждали статей и потому все находится еще в состоянии хаоса.

Для подготовки конференции поедет С. [Вольский] в Россию, который собирался уже давно уезжать. Арк. [Калинин] пока останется, так как ввиду полного безлюдья в редакционной коллегии всякий человек сейчас дорог.

Вот пока все о «партийных делах». О себе, дорогой Григорий Алексеевич, нечего писать. Сейчас снова рыскаю за заработком. Собираюсь все венчаться, хотел бы, чтобы Вы у меня были с Татьяной Ивановной [Алексинской] на свадьбе. Напишите мне лучше о себе. Как Ваше здоровье? Мы все, вплоть до меньшевиков, хотим вас видеть здоровым. Вы в последнее время совсем замолчали, очевидно, рассердившись на меня за молчание. Но не сердитесь, право, Григорий Алексеевич, я себя неважно чувствовал во всех отношениях...

Вас любящий *Мутя*.

115а. Декларация большевиков-партийцев

[Начало августа 1911 года]

Ко всем членам РСДРП

Происходившее недавно совещание членов ЦК подвело итог периоду, протекшему со времени пленума, и [обсудило] вопрос о том, что же дальше, стоим ли мы перед окончательным расколом, сведены ли на нет все результаты пленума, какое значение имеют решения совещания, каков выход из создавшегося положения — все эти вопросы не могут не интересовать всякого, кому близка и дорога судьба нашей партии, и каждый член партии должен дать на них тот или иной ответ. Мы — большевики-партийцы — считаем гласный ответ на них тем более необходимым, что не разделяем организационных взглядов и организационной политики официального большевизма. А между тем, именно организационные вопросы, вопросы строительства и восстановления партии выдвигаются на первый план теперь, как и полтора года тому назад, во время пленума.

Мы вполне разделяем тот путь разрешения организационных вопросов, который был намечен пленумом и основные положения которого заключаются в разоружении и уничтожении обособленных фракционных организаций и организационном объединении всех партийных элементов на почве нелегальной социал-демократической партии с ее революционной программой и тактикой.

В противовес попыткам идейного объединения — выработки средней идейной линии, в противовес стремлениям путем фракционной борьбы и организационного подавления других течений добиться руководящего влияния в партии пленум стал на точку зрения организационного объединения различных течений и признания законности и необходимости идейной борьбы за влияние в рамках организационно единой партии.

И если, несмотря на правильность организационной политики пленума, подтвержденной всем тем, что произошло после него, решения его не привели к единству, а дали повод, по крайней мере, здесь, за границей, к новому разброду и новой «склоке», то на это были свои причины, по поводу которых мы считаем необходимым высказать свое мнение.

Ставя своей задачей укрепление нелегальной партии, пленум учитывал, однако, то, что проводить ее в жизнь придется при таких условиях, когда торжество реакции, разгром партийных и профессиональных организаций, поражение революции порождает в массах и внутри партии стремление к принижению лозунгов и задач нашей партии.

Можно не согласиться с тем, как понимал официальный большевизм и большинство редакции ЦО задачу борьбы с ликвидаторством, так ли оно проводило эту борьбу на практике, как этого требовали резолюции пленума, но что находится вне всякого сомнения для каждого, кто хотя раз прочел резолюции пленума, это то, что он признавал необходимость борьбы, что он раз навсегда отмежевался от ликвидаторства^{171а}.

Однако меньшевики, бывшие на пленуме, не исполнили принятых на себя обязательств. Проголосовав за резолюции, они не только отказались проводить их на практике, но на другой же день после пленума повели борьбу с той нелегальной партией, которую на пленуме они обязались восстановить, и в лице Мартова и Дана, выбранных на пленуме в редакцию ЦО, и других меньшевиков, выбранных на не менее важные партийные должности, стали вожаками того ликвидаторства, с которым только что обязались бороться.

Но была еще одна причина неудач пленума, имевшая громадное значение. Конечно, никто не мог надеяться на то, чтобы решения пленума могли разом покончить с фракционностью, так глубоко вкоренившейся в нравы нашей партии. Но вряд ли кто-либо мог ожидать, что именно после пленума эта фракционность дойдет до размеров, пожалуй, невиданных еще в нашей партии, ибо никогда в ней не было столько обособленных, изолированных друг от друга фракционных организаций, никогда фракционная политика не принимала такой острый, недопустимый ни в какой партии характер, как именно после пленума. Такая фракционная обособленность объясняется в первую очередь слабостью движения на местах и крупной ролью, которая выпадает поэтому на долю заграницы. Сами условия жизни заграничных кружков и групп, оторванность их от непосредственной практической работы заставляют их сосредоточивать свое внимание лишь на том, что эти группы и кружки разъединяет. Не испытывая влияния со стороны России, не встречая никакого противодействия со стороны организованных рабочих, ведущих в России совместную работу, каждая из этих заграничных групп стремится не только идейно, но и организационно руководить движением в

России и для этой цели создать для себя, и только для себя, самостоятельные организационные базы. Неудивительно, что при таких обстоятельствах решения пленума были приняты и поняты всеми течениями узко-формально, и каждое из них под эту форму вкладывало свое кружковое содержание.

Редакция «Голоса» социал-демократа» воспользовалась первым случаем и выпустила очередной номер в целях группировки фракции. Литературная группа «Вперед» превратилась в фракционную организацию. Без всякого серьезного повода ее представители вышли из школьной комиссии, и группа, не приняв участия в общепартийной работе, приступила к организации своей фракционной школы. Даже «Правда» этой зимой выкинула лозунг созыва конференции и приступила к этой работе помимо существовавшего тогда в России Бюро ЦК.

С особой горестью должны мы заявить, что официальные представители большевизма не только не отстали от всех этих групп, но, пожалуй, еще превзошли их в фракционных стремлениях. Задача строительства партии в борьбе с ликвидаторством была узко понята руководителями большевизма. Вместо того, чтобы в борьбе с ликвидаторством объединить все партийные элементы, вместо того, чтобы вести эту борьбу во имя партии, они повели ее во имя фракции. И в этой фракционной борьбе они не столько изолировали ликвидаторов от партии, сколько себя от других течений («Вперед», «Правда»), стоящих на почве нелегальной социал-демократической партии. Вместо того, чтобы теснее сблизиться с нашими ближайшими союзниками — меньшевиками-партийцами — на широкой партийной арене, руководители большевиков выдвинули лозунг «союз двух сильных фракций», за которым скрывалась острая фракционная борьба, но за которым нельзя было увидеть борьбы за организационное единство партии. Фракционная политика большевиков-ленинцев принесла тем больший вред, что они имели большинство в главнейших партийных учреждениях, благодаря чему их фракционная политика давала оправдание другим течениям в их собственной организационной обособленности и вооружала их против официальных партийных учреждений. Мы не говорим уже о том, что для нас, как для большевиков, имеет особое значение, что чем фракционнее была политика официальных представителей большевизма, тем меньше было их идейное влияние на партию, тем меньше могли они ее идейно вести за собой. Таким образом, перед нашей партией стоят те же задачи, как и полтора года тому назад, и с особенной настоятельностью требуют теперь своего разрешения.

События последнего года, оживление стачечной борьбы, забастовка и демонстрации по поводу смерти Толстого, студенческое движение, политическое оживление среди рабочих, наконец, приближение выборов в Четвертую думу — все это ребром ставит вопрос о восстановлении нелегальной РСДРП и об организационном объединении партии, как основным условием социал-демократического руководства развивающимся движением. Перенесение же фракционной борьбы в Россию, раскол на местах надолго лишит партию политического значения.

Он во много раз обессилит нелегальные, выросшие с громадным трудом и массой жертв, партийные организации и в то же время обесценит и легальные возможности, партийное использование которых дает в руки партии новое орудие политического руководства и социал-демократического воспитания широких масс. Настойчиво требующие разрешения, но не разрешенные задачи создали в партии кризис, партийно-формальное разрешение которого стало окончательно невозможным с тех пор, как меньшевистское Заграничное бюро ЦК из фракционных соображений и вопреки уставу отказалось созвать ЦК за границей и когда окончательно потерялась надежда на созыв ЦК в России.

Однако разрешение этого кризиса по существу не только диктуется, но и облегчается тем, что произошло в России со времени пленума.

Все работы пленума происходили в форме соглашения заграничных верхов.

Правда, его решения были в духе, диктовавшемся всей российской действительностью и потребностями российской работы, но заключившие соглашение верхи не были тесно связаны с этой работой и во всяком случае не находились от нее ни в какой организационной зависимости. Причина этого лежала не в доброй или злой воле, а прежде всего и главным образом в том, что сама российская работа находилась в то время в полном распаде: полный разгром организаций на местах, уныние у оставшихся в рядах партии.

Теперь не то: со всех сторон приходят известия о начавшейся вновь работе: оживление в массах оживило и работу. Всюду возникают нелегальные социал-демократические группы и организации. И это воссоздание партийной работы происходит с вполне сознательным учетом того, что произошло за последнее время. Отзовизм уже не находит себе открытых сторонников и защитников в нашей партии, и в полном сознании опасности ликвидаторства местные работники отмежевываются от него не только в партийной, но и в профессиональной работе. И в то же время всеми признается, что на почве этой нелегальной организации объединяются все партийные течения.

В таких условиях единственным выходом из создавшегося положения для всех; кто хочет единства партии, является созыв общероссийской конференции. Только собрание работников с мест может поставить и укрепить партию в настоящее время, только такое собрание может поставить на очередь вопрос о действительной работе и разрешить задачи, выдвинутые российской работой в последнее время, а процесс организации этой конференции сможет объединить существующие на местах нелегальные организации и тем дать толчок к активной работе на местах. Только собрание российских работников может связать Россию с границей и тем дать возможность этой последней оказывать России ту помощь, то содействие и то руководство, которые возлагаются на нее в силу сложившихся обстоятельств. Вот почему мы приветствуем решения совещания членов ЦК и вот почему решили принять участие в организации по созыву конференции.

Нам говорят, что этим мы нарушаем партийные нормы и производим раскол. Мы не думаем этого. Но если бы это было так, мы бы этого не побоялись. Мы дорожим формальным единством партии, но еще больше дорожим ее действительным единством, и мы сознаем свою ошибку лишь тогда, когда нам укажут на формальный выход из создавшегося положения. Но при отсутствии ЦК в России, при нежелании ЗБЦК, вопреки уставу, созвать пленум, при существующем положении, когда на ЦК ведут азартную игру, когда арест или удачный побег из ссылки какого-либо одного из его членов может совершенно изменить дело, — при таких условиях мы не видим этого формального выхода. Вот почему мы, нефракционные большевики (примиренцы, как нас здесь довольно неудачно называют), в течение долгого времени боровшиеся за формальное единство партии, убедившись, что партийные формы стали наполняться фракционным содержанием, что они начали служить не партийным, а кружковым интересам, что партийные учреждения стали игрушкой в раздирающей нашу партию фракционной борьбе (вспомним только, как стали голосовцы защищать *теперь* те партийные учреждения, против которых они еще так недавно боролись) — вот почему мы приняли участие в созыве всероссийской конференции — в полной уверенности, что только таковая сможет вывести партию из тупика и даст ей возможность организационного развития и широкой работы. Вот почему мы вошли в Организационную и Техническую комиссии.

Мы вошли в эти комиссии и начали в них работать, когда еще не знали, как отнесутся к ним другие партийные течения. Но мы будем продолжать в них работать и теперь, после того, как эти течения отказались войти в них по тем или другим причинам. Впрочем, мы и не надеялись на то, что так скоро сможет осуществиться общая работа в одной организации представителей всех заграничных фракционных организаций, не надеялись на то, чтобы можно было сразу покончить с той фракционной междоусобицей, которая царит теперь за границей. Мы вошли в эти учреждения, чтобы создать в них условия, необходимые для того, чтобы в них могли принять участие представители всех других течений, желающих укрепить и организовать нелегальную РСДРП. Отказ этих течений войти в настоящее время в эти комиссии не изменит того направления работы, которое мы себе в них наметили, не изменит нашего непреклонного желания созвать всероссийскую конференцию. И мы останемся в этих учреждениях до тех пор, пока не достигнем намеченной цели или пока не убедимся в том, что они к этой цели привести не могут.

Нам говорят, что, войдя в Заграничную организацию и ТК, мы тем самым сходим с почвы российской работы и вовлекаемся в те же заграничные распри. Это неверно! Всякая коллегия, состоящая из представителей различных течений, не имеющих в России правильно функционирующих организаций, при отсутствии или слабости местных организаций, — всякая такая коллегия, даже российская, состояла бы на первое время из лиц, назначенных за границей и находящихся с ней в тесных отношениях. В этом отношении нечего делать себе иллюзий.

Если потребность в конференции не назрела на местах в России, если конференция будет рассматриваться лишь как более широкая арена для той фракционной борьбы, которая велась до сих пор лишь за границей, тогда никакая, даже российская коллегия не спасет дело от развала. Но если не так, если местные организации имеют потребность в объединении, если чувствуют потребность в укреплении нелегальной РСДРП в противовес стремлениям создать легальную партию, если они хотят выступить действительной силой в предстоящей избирательной кампании в Четвертую Государственную думу и исполнить свою задачу по отношению к нарастающему движению, тогда не страшна и Заграничная коллегия, взявшаяся за дело созыва той конференции, которая только и сможет удовлетворить всем этим запросам. Эта коллегия сможет тогда исполнить свое *инициативное* значение, и по мере успеха ее деятельности ее работа будет переноситься и функции ее будут передаваться *соответствующим российским организациям*. Организации создаются в работе и для работы, а не бумажными постановлениями, и мы надеемся, что в работе по созыву конференции в России народятся работоспособные и энергичные коллегии, и в этой надежде и в работе для ее осуществления мы и входим в Организационную и Техническую комиссии и надеемся, что если не теперь, то в ближайшем будущем, если не в заграничных, то в соответствующих русских коллегиях по созыву конференции мы встретимся и будем работать вместе с представителями всех других течений, желающих укрепить и организовать нелегальную РСДРП.

Группа большевиков-партийцев.

Примечания

Б.И. Николаевского к документам №№ 112—115а

155. См. Библиографич. указатель Валка, № 1085 (перепечатана нигде не была). В этом указателе Валка эта листовка отнесена к августу 1912 г. (с. 211—212), но это явная ошибка. Из содержания ясно, что листовка относится не к 1912, а к 1911 году. Именно о ней говорится

в обращении ЗОК «Ко всем социал-демократическим партийным организациям, группам и кружкам» от 1 августа 1911 г. (Ленин. Сочинения, т. XV, с. 594) как о листовке «впередовцев», выпущенной за несколько дней перед тем, т.е. в конце июля 1911 г., причем в нем приводятся цитаты из нее.

156. См. док. № 63.

157. См. док. № 71 и примечание к нему.

158. См. док. № 59 и примечание к нему.

159. См. док. № 71.

160. Текст этой резолюции напечатан также в № 1 «Листка ЗБЦК» от 8 сентября 1911 г., с. 7, причем там указано, что на собрании Василеостровского районного комитета, которое приняло эту резолюцию единогласно, присутствовало 11 человек.

В корреспонденции из Петербурга, напечатанной в № 21 «Правды» от 8 июля 1911 г. явно в связи с данной резолюцией, сообщалось:

«В настоящее время наша организация [т.е., несомненно, по направлению примыкавшая к “впередовцам”. — *Ред.*] усиленно занята обсуждением вопроса об общепартийной конференции. Василеостровский районный комитет уже вынес по этому вопросу подробную резолюцию и решил организовать во всех ячейках своих подрайонов доклады по намеченным в этой резолюции вопросам для конференции».

В «Правде» это письмо из Петербурга, равно как и ряд других писем отсюда за 1911—1912 гг. (в №№ 20—25), напечатано за подписью «С.В.». Редакция Сочинений Ленина эти инициалы расшифровывает, как подпись Станислава Вольского (Ленин. Сочинения, т. XVI, с. 713, примеч. 45). Это неправильно. За этой подписью письма из Петербурга появлялись и тогда, когда С. Вольский был за границей. По-видимому, эту подпись ставили под своими письмами из Петербурга тогдашние руководящие «впередовцы», каковыми были М.В. Журавлева («Милаида») и Н.П. Богданов (провокактор). О них см. док. № 62 и примеч. к нему).

161. См. примеч. 115.

162. См. примеч. 134. Цитируемая здесь резолюция, озаглавленная «Резолюция о конференции», сопровождалась в листовке ЗБЦК второй резолюцией: «Резолюция о ЦО». Вот ее содержание:

«ЗБЦК доводит до всеобщего сведения, что газета “Социал-демократ”, начиная с № 23, издается и распространяется уже не ЗБЦК, как это постановлено прошлым пленумом по отношению к ЦО партии, а лицами, не уполномоченными на то никакими партийными учреждениями, и притом не на средства ЦК, которые могут расходоваться исключительно через посредство Заграничного бюро. И потому ЗБЦК не имеет больше к этой газете никакого отношения и слагает с себя за нее всякую ответственность перед партией.

17 июля 1911 года.

Заграничное бюро ЦК».

163. Это были А.И. Рыков, М. Владимиров и Тышко — см. док. № 93.

164. Этими представителями группы «Вперед» были Ф.И. Калинин и А.В. Луначарский. (см. док. № 102).

165. После этого текста в листовке напечатано петитом особое «Приложение», формулирующее внутриорганизационные споры впередовцев и ленинцев. Перепечатываем здесь полный текст этого приложения:

«Виновником грозящего партии раскола в настоящий момент является, несомненно, польско-большевистский блок. В самом деле, если бы его Организационная комиссия согласилась на комбинацию, предложенную группой “Вперед”, то нет никакого сомнения, что меньшевики в свою очередь вынуждены были бы уступить и общепартийность созыва конференции была бы обеспечена.

Допустим, что голосовцы сами тайно мечтают о расколе и предпочитают изолировать поляков и ленинцев, чем пойти на соглашение с ними. Однако, если бы последние отказались от нелепого желания навязать партии ОК за границей с неопределенными правами и пятью своими собственными представителями, то общественное мнение партии передвинулось бы на их сторону. Пожелай голосовцы в угоду ликвидаторам — если уж с этой стороны партии еще грозит какая-либо опасность — затормозить дело созыва конференции разными проволочками и фальсифицировать ОК в России, они натолкнулись бы на дружное сопротивление со стороны националов, меньшевиков-партийцев и “Правды”, не говоря уже о группе “Вперед”. Если бы даже все подозрения большевиков против меньшевиков были справедливы, то и тогда задача последних заключается в том, чтобы принудить правых либо волей-неволей идти с остальной партией, либо самим очутиться в изолированном положении. Своей политикой узурпации и непримиримости польско-большевистский блок, наоборот, всех толкает в правую комбинацию, формально более партийную.

Итак, сейчас ответственность за раскол лежит на нынешней ОК, созданной “совещанием пяти”.

Чем же объясняют свои раскольнические тенденции большевики-ленинцы? Они заявляют, что не могут идти дальше в ногу с ликвидаторами и оппортунистами. Так ли это? Действительно ли совместное существование в партии левых и правых стало в настоящее время невозможным?

Разногласия, резко делаящие партию, сводятся к организационным и политическим.

В организационном отношении, говорят ленинцы, ликвидаторы стремятся совершенно определенно устранить нелегальную партию.

Допустим, что подобные ликвидаторы действительно все еще имеются налицо. Нет сомнения, что кроме тех из них, которые попросту уйдут в либерализм, жизнь сама сурово принуждает их пересмотреть это легкомысленное положение. Даже такой публицист, как Изгоев, который, вместе со всем журналом "Русская мысль"³, постоянно агитирует в пользу самого бледного и реформистского социализма и которому ликвидаторство само по себе не может не быть приятным, вынужден сознаться, что столыпинский режим должен в самое короткое время разочаровать "легалистов во что бы то ни стало" и загнать их обратно в подполье.

Но предоставим поверхностных сторонников "легализма во что бы то ни стало" их судьбе. Отрицая нелегальную партию, они тем самым ставят себя вне ее рамок, и те условия, которыми, согласно общему мнению, должно быть обставлено представительство на конференции, гарантируют нас от проникновения туда ликвидаторов, если бы они, вследствие какого-нибудь парадоксального соображения, и желали присутствовать на конференции отвергаемой ими принципиально организации. Но кроме ликвидаторов у нас имеются еще и легалисты другого типа: лица, лучше приспособившиеся к легальной деятельности или принципиально считающие борьбу за расширение легальных возможностей в нынешнем режиме за самую важную задачу партии. Можно не соглашаться с этими легалистами, но нельзя стремиться выбросить их вон из партии. Напротив, гармонизация легальной и нелегальной партийной деятельности возможна только на почве полюбовного соглашения с ними. Каковы бы ни были отдельные заявления или обмолвки "голосовцев", они в последнее время не оспаривают важности укрепления нелегальных позиций партии и урегулирования подпольных ее организмов. Итак, при достаточных гарантиях равноправного выражения существующих в партии течений мы можем безбоязненно идти на конференцию, уверенные, что ни ликвидаторы, ни меньшевики не смогут исказить ее решения, что первые будут отвергнуты ею, а вторые органически войдут в то целое, которое явится результатом ее работ и заменит собою нынешний хаос. Мы отнюдь не думаем, конечно, что идилия всеобщего согласия заменит собою после конференции наши споры, но мы твердо верим, что над этими спорами подыметесь незыблемая единая партийная тактика, обязательная для всех, вплоть до грядущего съезда.

Если бы даже мы оказались оптимистами и соглашение с меньшевиками не было бы достигнуто на конференции, то и в этом случае попытка такого соглашения должна быть сделана, и никто в партии не смеет размежевывать ее на овец и козлиц⁴ до конференции.

Но, может быть, разногласия *в политическом отношении* стали столь чудовищными, что идея соглашения является уж чересчур, очевидно, иллюзорной?

Не странно ли, однако: мы — впередовцы, неуклонно защищающие основные точки зрения революционного большевизма, — не считаем иллюзорным такое соглашение, а правые большевики, устроившие блок с Плехановым, державшиеся за него так крепко, хватающиеся за него еще и теперь, несмотря на то, что политически меньшевик Плеханов — меньшевик очень правый притом — не сделал им никаких уступок, эти большевики-соглашатели, эти большевики-примиренцы внезапно оказались теперь столь непримиримыми.

Разве вы не помните, товарищи, как язгали зубами налево те же самые ленинцы, стараясь вышибить из партии более крайних, чем они; большевиков? Припомните наши разногласия.

Впередовцы утверждали, что Дума никоим образом не является центром всей политической жизни страны; что думская фракция еще менее того может стать фактическим центром социал-демократии; что переживаемый нами омерзительный думский период есть лишь неустойчивый момент, отнюдь не укрепивший позиции самодержавия и затянувшийся лишь благодаря внешним благоприятным для самодержавия обстоятельствам (поддержка мировой финансовой олигархии, ряд урожаев); что первое же экономическое или политическое потрясение выведет страну из состояния устойчивого равновесия и поставит нас перед теми же революционными задачами, какие стояли перед нами в 1905 году.

Меньшевики рассматривали, наоборот, нынешний период как затяжную и прочную эпоху реакции, в которой нашли себе отражение более или менее действительные соотношения сил в стране. В связи с этим они и выдвинули реформистскую тактику с Думой в ее центре и озлобленным глумлением встречали все напоминания о работе, которой партия готовилась бы к предстоящим ей решительным сражениям открыто революционного характера.

А ленинцы? Ленинцы политически деликом примкнули к меньшевикам. Продолжая с ними организационную грязню, они политически сдали им все позиции. Они оберегали возвеличенную ими думскую фракцию от всякой критики до того, что естественную во всякой партии идею ультиматизма, т.е. категорического подчинения фракции воле партии, они считали за недопустимую ересь. Они деятельно распространяли, как что-то новое и глубокое, идею о господстве у нас будто бы обновленного буржуазно-монархического строя, что, очевидно, могло иметь лишь один смысл: утверждение затяжного, органического характера нынешнего периода. В самой запальчивой форме они критиковали самую мысль о пересмотре и серьезной постановке работы в армии, или о теоретическом учете нашего боевого опыта, о подготовке материала для должествующих возникнуть в момент нового обострения борьбы боевых организаций пролетариата и крестьянства.

В чем же заключался их большевизм? Чем *практически* отличалась их политика от политики меньшевиков за этот период? Тем разве, что меньшевики вели по крайней мере легальную работу, а заграничные ленинцы по мере сил мешали ее вести, как мешали они и распространению газеты "Правда", и школам группы "Вперед", посылкой шедшей навстречу явлению колоссальной важности — самовыработке рабочей социал-демократической интеллигенции.

В недавнем прошлом мы находим единственный действительный конфликт между меньшевиками и ленинцами. Поводом к нему послужила петиционная кампания. В нашем третьем сборнике мы уже отметили, что ленинская вражда к петиции не вытекает из основных предположений того полуменьшевизма, который служил правым большевикам знаменем в их борьбе с нами. И старые уступки крепко схватили ленинскую фракцию за руки. Газета "Звезда", во многом столь единомышленная с ленинцами, внезапно, хотя и с разными ляганиями по адресу правых, *сдалась им по вопросу о петиции по всей линии*. Или, может быть, Ленин будет рвать теперь с теми течениями, представителями которых являются товарищи Дневничкий и Негоре[в] [Н.И. Иорданский]?

Полно! Еще недавно позиции чуть не смешались, и наше передовское возмущение перед беспринципным идейным соглашательством казалось столь неуместным и устаревшим! Теперь вдруг ленинцы политически прозрели и сразу перемахнули через лошадь, как пьяный казак в сказке: то было *идейное соглашение* с плехановцами, во всем политически оставшимися верными меньшевизму, а теперь оказывается абсолютно невозможным даже обязательное для каждой партии стремление к общеобязательному *единству действий*, и раскол стал необходим даже перед лицом недалеких выборов!

Впередовцы стоят как нельзя дальше и нынче, как и прежде стояли, от меньшевистского взгляда на судьбы русской революции и общие задачи партии в настоящее время; они стоят как нельзя дальше от всякой серой соглашательности, от всякой смеси правого с левым на болотной воле. На конференции, как и всюду, мы будем неуклонно проводить целиком наши идеи. Но в то же время мы считаем преступлением разрушать единство пролетарской партии и, если бы, вопреки нашим надеждам, на конференции восторжествовали большинством голосов неправильные, на наш взгляд, тактические принципы, мы практически подчинились бы им, продолжая, конечно, теоретическое просвещение партийного мнения в нашем духе.

Мы думаем, однако, что конференция сможет гармонизировать легальную и нелегальную деятельность партии и в широком синтезе дать место для всех законных тенденций, существующих в нашей партии.

Мы глубоко убеждены, что все обострение борьбы с правыми создано Лениным и ближайшей к нему группой лиц *искусственно*. Эта группа захватила правдами и неправдами власть в нашей полуразрушенной партийной организации и заслужила в партии всеобщее недоверие, более того, всеобщую ненависть своим заносчивым самоуправством и сектантской узостью, заключавшейся отнюдь не в верности каким-либо принципам, а в стремлении ворожать партией согласно капризам левой ноги отдельных зарвавшихся вождей, психопатически поверивших в то, что правоверие и их поверхностная и шаткая мысль — одно и то же. Для этой клики действительная партийная конференция есть конец ее мрачного господства над партией, ей во что бы то ни стало нужно по крайней мере снисходительное к ее волюющим проступкам большинство. И вот, прикрываясь остротой идейных разногласий, она стремится оторвать от партии хоть небольшой кусок, уйти с ним в сторону и продолжать руководить хотя бы кучкой верных. Раскол для них — спасение от контроля, от ответственности, от суда партии. Знайте это, товарищи, не позволяйте отводить вам глаз политическими фокусами, твердо держитесь лозунга:

Конференция для соглашения, для выработки единой тактики — да! Конференция для укрепления раскола — нет!

Группа "Вперед".

166. Это был отчет второй впередовской партийной школы.

167. Т.е. док. № 112.

168. Датируется по содержанию: это письмо написано явно позднее письма Калинина от 31 июля (док. № 113).
169. Речь идет о Георгии, см. примеч. 124.
170. Во исполнение этого решения группы Луначарский написал письмо К. Каутскому (ответ последнего от 8 августа печатается в следующем разделе).
171. Этот выпуск сборника «Вперед» (он должен был быть четвертым) никогда издан не был.
- 171а. Мы не можем обойти молчанием тот факт, что «Правда» не учла всей опасности ликвидации, что на открытые удары, наносимые им партии, она не отвечала решительной борьбой, предоставляя, очевидно, «преодоление» его лишь объективному ходу вещей. (Примеч. документа. — Ю.Ф., Г.Ч.)

Примечания

Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского к документам №№ 112—115а

1. Так в тексте.
2. В сб. «Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898—1913» это письмо не опубликовано.
3. «Русская мысль» — ежемесячный либеральный литературный и политический журнал. Выходил в Москве в 1880—1918 годах. Придерживался умеренного конституционализма, был связан с правыми кругами социал-демократов. Издателями являлись П.Б. Струве и А.А. Кизеветтер.
4. Использовано выражение из Библии (Матф., 25: 31—33): «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую». Иносказательное значение — отделить хороших от дурных, негодных и т.п.

История и мифы *

А.А. Искендеров

Невозможно переоценить значение мифов в истории и культуре Древней Японии. Изучение природы мифов и их роли в понимании и толковании древней истории этой страны всегда занимало исключительно-большое место в японской историографии. Во многом это объясняется тем, что на протяжении веков мифы и предания воспринимались древними японцами как явления, отражавшие вполне реальные исторические и культурные события, активно влиявшие на формирование у них мифологического сознания.

Известный российский философ и историк А.Ф. Лосев, уделявший большое внимание разработке теории мифа, призывал воспринимать мифологию так же серьезно и вдумчиво, как и науку, считая ее не каким-то хаотическим и бессмысленным собранием отдельных легенд и преданий, а достаточно стройной и логически точной диалектической системой. Теория мифа, рассматривающая его таким же реальным, как и само бытие, отвергает, по мнению ученого, идею заимствования, пытаясь обнаружить смысловую структуру мифа. «Надо вдуматься в самый миф и понять его, — подчеркивал Лосев, — а потом уже говорить о заимствовании его откуда бы то ни было или вообще проводить те или иные аналогии и сравнения»¹. Отказавшись от небывалого, по словам Лосева, поругания мифа, можно добиться возвращения его утраченной полноты и восприятия мифа таким, какой он есть, а он «есть сама фигурность и изваянность, сама выразительность и картинность»².

По интенсивности мифотворчества и конструирования мифов Древняя Япония не только не уступала другим странам мира, но даже превосходила многих из них. Для этого существовали объективные причины. Согласно одной из них, население Древней Японии, постоянно подвергавшееся действиям разрушительных сил природы, испытывало немалые жизненные бедствия и лишения. Не зная подлинных причин многих природных катаклизмов, древние японцы искали защиты у сверхъестественных сил, которых они наделяли высоконравственными чертами, например, добротой, отзывчивостью, справедливостью. В роли таких заступников, готовых прийти на помощь людям, спасая их самих и их жилища, неизменно выступали различ-

* Глава из готовящейся к печати книги «История и культура Японии».

ные, в основном местные, божества, олицетворявшие собой силы природы — солнце, ветер, дождь и т.д. Не случайно некоторые исследователи называли Древнюю Японию «землей богов»³: Так создавалась мифическая картина жизни или божественная действительность, занимавшая все большее пространство в сознании древних японцев, становясь частью их повседневной жизни. Поэтому старинные сказания, повествующие о жизни многих поколений богов задолго до появления людей, воспринимались вполне реалистично, без тени сомнения в их достоверности, убеждая в том, что все происходящее на земле есть проявление божественной воли.

Древние мифы Японии, уделяя, как и мифы других народов, большое внимание описанию жизни богов, отличаются тем, что их содержание сводится главным образом к анологетике культа японских императоров, которые изображаются прямыми потомками богов, ниспосланными на землю для того, чтобы установить на ней мир, спокойствие и порядок. Повествуя об «эре богов», предшествовавшей появлению их наместника на земле, составители мифов очень тонко и умело проводят четкую родословно-генеалогическую линию, чтобы связать воедино жизнь небесных богов и их земных воплощений в виде императоров как легендарных, так и подлинных. Таким образом, хронология императорского дома ведется не от реально существовавшего монарха, а от мистического — Дзимму Тэнно, который, согласно легенде, взшел на престол в 660 г. до н. э. Именно с этого времени идет отсчет «эры японских императоров». Нынешний император Японии официально, по счету, является сто двадцать пятым, хотя реальных представителей правящих императорских домов было значительно меньше. Термин «тэнно», которым именуются японские императоры, означает «Небесный владыка».

Мифы и предания Древней Японии наиболее полно и последовательно изложены в двух классических письменных памятниках — «Кодзики» («Записи о делах древности») и «Нихон сёки» или «Нихонги» («Анналы Японии»). Первая книга была составлена в 712 г., вторая — на восемь лет позже, в 720 году. Первоначальный текст рукописи «Кодзики» не сохранился. Самый древний ее текст был обнаружен лишь в 1375 г. в одном из храмов в Нагоя (центральной части Японии). Считается, что он был списан с более ранней рукописи, датированной 1266 годом. Так или иначе, но тексты «Кодзики», как и «Нихон сёки», которыми располагают в настоящее время японские и зарубежные исследователи, были составлены не ранее начала VIII века.

Обе эти книги, относящиеся к числу древнейших литературных памятников истории и культуры, на протяжении длительного времени оставались, в сущности, единственными источниками, на основе которых строилась официальная история Японии, изучались обычаи и нравы древних японцев, их уклад жизни, мировосприятие и мироощущение, а также формировалась ментальность японской нации. Этим книгам, составленным по высочайшему распоряжению императорского двора, со времени их появления была уготована счастливая судьба стать каноническими текстами, каковыми они, собственно, и оставались на протяжении многих веков. В течение всего этого периода японскому обществу внушалась мысль о том, что эти национальные литературные шедевры должны восприниматься как единственно правдивые сочинения, рисующие подлинную жизнь древнего японского государства. При этом строго пресекалась всякая вольность в трактовке содержащихся в них мифов, легенд и преданий, от кого бы она ни исходила. Любые попытки усомниться в правдивости изложенных в них событий и фактов, а тем более подвергнуть эти тексты критическому анализу, вызывали резкое неудовольствие властей, которые применяли к ослушникам строгие меры наказания, вплоть до уголовного преследования⁴.

Положив в основу мифов идею о божественном происхождении японских императоров и наделив последних правом на власть над всей страной и ее народом, составители «Кодзики» и «Нихон сёки» закладывали тот фундамент, на котором вплоть до окончания второй мировой войны строилась официальная концепция исторического и культурного развития Японии. Органическое соединение мифологии и подлинной истории должно было наделить Японию особыми признаками исторической и культурной исключительности, выделяющими ее из всех существующих стран мира. Крупный специалист в области японского языка и литературы английский профессор Базил Чемберлен, благодаря которому европейский читатель впервые получил возможность ознакомиться с «Кодзики» в переводе на английский язык, обращал внимание на наличие тесной связи между мифологией и реальной историей, что признавалось практически всеми ведущими японскими исследователями, которые, как и религиозные деятели, относились ко всему, о чем повествовалось в этих книгах, с полным доверием, принимая на веру рассказы не только о «жизни богов» и их чудодейственной силе, но и о людях, даже самых невероятных вещах.

«Кодзики» и «Нихон сёки» имеют много общих черт, касающихся их содержания, структуры, формы, подачи материала, удивительной схожести представленных в них событий и фактов. Однако главное, что объединяет «Кодзики» и «Нихон сёки», это четко выраженная идея о божественном происхождении японских императоров, изображенных в роли прямых потомков и законных наместников богов на земле, наделенных особыми правами и обязанностями по управлению страной, расположенной на многочисленных больших и малых островах. Уже одно это обстоятельство подтверждает «заказной» характер памятников. Желая придать главной идее необходимую логическую стройность и показать историческую преемственность перехода от всеобъемлющей вселенской власти богов к не менее основательной и устойчивой системе императорского правления, составители «Кодзики» и «Нихон сёки» начинают повествование с «эры богов», которой в обоих памятниках посвящены специальные разделы.

Главными богами, властвовавшими во Вселенной до отделения Неба от Земли, были брат и сестра с похожими именами: того, кто олицетворял мужское начало, звали Идзанаги, а представлявшего женское начало — Идзанами. Как повествует миф, только эти боги обладали способностью рожать других богов. Именно им предстояло и окончательно покончить с мраком и хаосом. Но для этого они должны были прежде всего превратить Землю, все еще представлявшую собой бесформенную массу, плавающую по морским волнам, словно жирные пятна, в твердь.

Находясь на небесном мосту, Идзанаги и Идзанами, охватив своим взором бескрайние водные просторы, опустили в морскую пучину копье, украшенное драгоценными камнями, и стали его вращать так, словно перемешивали что-то густое, похожее на тесто. Когда они вынимали копье из воды, с него постепенно стекали капли соли, которые, затвердевая, превратились в остров, названный Оногоро, то есть «Самосгутившийся».

Спустившись с небес на этот остров, божественная пара совершила брачный обряд, во время которого Идзанаги и Идзанами ходили вокруг красивого столба, стоявшего в центре острова, и вели нежные беседы. Вскоре на свет появились новые боги, но, к сожалению, с большими изъянами: первенец родился без рук и с одной ногой. Он был похож на пиявку. Родители положили его в лодку, сделанную из тростника, и отправили в свободное плавание по морю. Второй ребенок, родившийся от этой пары, тоже не был вполне здоровым, больше напоминал остров, состоящий из пены.

Опечаленные рождением нежизнеспособных детей, родители решили обратиться к небесным богам и выяснить, почему всякий раз роды заканчивались серьезными осложнениями. Им разъяснили, что во время совершения брачного обряда они допустили ошибку, заключающуюся в том, что первые слова произносила женщина, тогда как брачный диалог должен начинаться мужчиной, а именно Идзанаги. Пришлось вновь провести брачный обряд. На этот раз, обойдя столб, первые магические слова произнес Идзанаги, и к удовлетворению божественной пары на свет появился ребенок в виде острова, а затем родилось еще несколько островов. Всего их народилось восемь. Они и составили основу Японского архипелага.

Вслед за рождением целой страны от божественной пары стали появляться и другие божеества. Это были духи ветра, земли, моря, гор, равнин, тумана и другие. В общей сложности от божественной пары Идзанаги и Идзанами произошло 14 островов и 35 местных божееств-духов. Последним родился бог огня, появление которого на свет стоило жизни Идзанами, оказавшейся после смерти в царстве мертвых. Опечаленный столь трагическим исходом родов, Идзанаги сам отправился в царство мертвых, чтобы своими молитвами вернуть Идзанами к жизни. Он опустился в преисподнюю, освещая себе путь лучиной, сделанной из зубцов гребня. Там, в мрачном подземелье, перед ним предстала безрадостная картина: среди всякого мусора и гнилья восседали восемь божееств-громовержцев.

Не найдя Идзанами, Идзанаги покинул царство мертвых и возвратился ни с чем в свои владения на юго-западе страны, где совершил обряд омовения водами из чистого горного ручья. Из капель воды, которой он омыл свое тело, появились божеества: из воды, омывшей левый глаз, появилась солнечная богиня Амаэрасу Омиками, из воды, омывавшей правый глаз, — бог луны, а третий бог — ветра и морских просторов — появился из воды, которой он омывал нос. Идзанаги поделил между тремя своими детьми-божеествами все принадлежавшие ему владения.

В системе древних японских мифов особо почитаемое место занимает богиня солнца Амаэрасу Омиками, считающаяся прямой прародительницей императорского рода и главной фигурой в пантеоне синтоистских божееств. В одном из мифов, посвященных богине солнца, подробно описывается ссора, возникшая между нею и ее братом Сусаноо, закончившаяся уединением богини солнца Амаэрасу в гроте. К этому шагу ее принудил Сусаноо, творивший в небесных владениях, принадлежавших богини, греховные дела: он постоянно осквернял возделанные ею поля, издевался над небесными ткачихами, с которыми богиня занималась ткацким делом.

После того, как огорченная и разгневанная богиня, не пожелавшая больше терпеть проделки своего нечестивого брата, скрылась в гроте, вся Вселенная погрузилась во мрак. Всерьез обеспокоенные случившимся и опасаясь новых неприятностей, высшие боги-ками решили общими усилиями вызволить богиню из грота и тем самым вернуть миру свет и восстановить на земле порядок. С этой целью к гроту доставили священное зеркало, а перед входом в него вывесили магические ожерелья из яшмы. Сюда же доставили певчих птиц, которые должны были каждое утро возвещать о наступлении зари. В довершение ко всему одна из богинь, распустив завязки на своей одежде, устроила перед входом в грот пляски на бочке, чем вызвала взрыв смеха у богов. Удивленная столь шумным весельем и стремясь узнать, что же происходит снаружи, богиня Амаэрасу выглянула из грота и тут же была схвачена за руку самым сильным из богов, который извлек ее наружу. С вызволением из грота «Великой богини, сияющей на небе», как величали богиню Амаэрасу, над миром вновь взошло солнце, а на земле снова воцарились мир и всеобщая гармония.

Этот миф символизирует победу добра над злом, света над тьмой. В японской мифологии это, пожалуй, наиболее распространенный и во многих отношениях знаменательный миф, поскольку в нем добро, олицетворяемое Аматэрасу, торжествует над злом, представленным образом Сусаноо. Этот миф часто воспринимается и как рассказ о солнечном затмении, как символ борьбы всего светлого, чистого и радостного с разрушительными силами природы. Образ богини Аматэрасу, как он представлен в различных мифах, наводит на мысль о возможном существовании в Древней Японии в каком-то виде матриархата.

После благополучного, к удовлетворению всех богов-ками завершения столь драматической истории, богиня солнца решает передать власть над Японией своему правнуку — Ниниги-но Микото. Прадедом Ниниги японская мифология считает одного из трех первых богов-ками — Такамимусиби. Ниниги были вручены символы императорской власти — зеркало, способное передавать образ богини Аматэрасу Омиками, меч и выполненное из яшмы, изумруда и других драгоценных камней сокровище изогнутой формы. Ниниги покинул Равнину высокого неба (Такаманохара), где обитали небесные боги, и в сопровождении небольшого отряда совершил спхождение на землю, но не в районе Идзумо, где продолжал орудовать Сусаноо, а на вершину горы, расположенной на юге острова Кюсю. Оказавшись на земле, Ниниги-но Микото, не теряя времени, отправился в поход с целью покорения Японских островов и умиротворения их жителей. Вскоре он женился на девушке по имени Конохана-но Сакуяхимэ (что в переводе означает «Распустившийся цветок»). Правнук Ниниги, согласно японской мифологии, стал первым японским императором Дзимму Тэнно, от которого ведет свое начало японский императорский род, существующий и поныне. С этого момента земля Ямато, о которой до этого в древних мифах ничего не говорилось, стала частью страны, где разворачивались главные события древней японской истории.

Мифы, как они изложены в «Кодзики» и «Нихон сёки», несут на себе заметный отпечаток недосказанности, некоторой двусмысленности, а иногда и явных несовпадений при описании одних и тех же событий, фактов и отдельных эпизодов. На эти моменты обращали внимание как японские, так и зарубежные исследователи, считавшие, что не только мифические сюжеты в их символическом воспроизведении не дают достаточно полного и верного отображения исторической действительности, но и описание вполне реальных событий и личностей в данных хрониках часто вступает в противоречие с более или менее достоверными сведениями. Повествование в них прерывается, а герои так же неожиданно исчезают, как и возникают, заставляя читателя самого решать, как в дальнейшем сложилась судьба этих героев. Тем более, что повествовательная нить часто обрывается в самом неожиданном месте, не доводя рассказ до его логического завершения, что нарушает естественную связь между различными сюжетами, единую линию развития описываемых событий и явлений, их смысл и значение.

Японские и зарубежные исследователи не раз обращали внимание на то, что издание «Кодзики» и «Нихонги» не могло удовлетворить тех, кто отказывал Японии в самобытности и самодостаточности, рассматривая ее лишь как часть или как простой срез китайской цивилизации. Между тем японская цивилизация, при всей важности китайско-корейского влияния и заимствований, которым Япония действительно обязана своим формированием и развитием, имеет присущие ей одной особенности, признаки и черты, существенно отличающие ее от китайской, корейской и других континентальных цивилизаций. То, что указанные хроники составлены на классическом ки-

тайском языке, нисколько не умаляет национальной «чистоты» этого литературного памятника и того факта, что Древняя Япония развивалась по своему историко-цивилизационному пути.

Среди спорных вопросов, на которые до сих пор нет вполне убедительных ответов, выделяется вопрос о том, почему «Нихон сёки» была издана всего через восемь лет после «Кодзики», хотя мало чем отличалась от своего прототипа. На этот счет существует несколько предположений. Главное из них заключается в том, что первая хроника в основном предназначалась для использования внутри страны, то есть она была обращена к тем слоям древнеяпонского общества, которым необходимо было решать сложные внутренние проблемы, связанные прежде всего с движением за объединение страны и укреплением внутренней сплоченности государства. Вряд ли возможно принять версию, согласно которой изложенная в «Кодзики» идея «правильного» исторического развития страны, не вполне удовлетворила императорскую власть, требовавшую, очевидно, определенной корректировки, вызванной серьезным обострением внутривластной ситуации.

Что касается второй хроники, то причины ее успешного издания следует искать вовсе не в выявленных недостатках первой, а в том, что Япония стала уделять все большее внимание своей внешней политике, что было вызвано необходимостью налаживания более широких внешних контактов и связей. Эта линия четко прослеживается в «Нихон сёки», определяя тем самым ее внешнеполитическую направленность. Высоким темпам написания этой хроники способствовали два основных фактора: во-первых, составителями «Нихонги» были те же авторы, правда, на этот раз число составителей увеличилось, во-вторых, эта работа проводилась в то время, когда страной правил император Тэмму (622—686), который с большим интересом наблюдал за процессом работы как над первым, так и над вторым памятником истории и культуры.

Немало неточностей, в том числе хронологических, обнаруживают исследователи и в изложении реальных фактов и событий древней истории этой страны. Отсутствие определенного единообразия, в частности, в освещении годов жизни и правления японских императоров, а также расхождения между сведениями, содержащимися в «Кодзики», и датами, которые воспроизводятся в «Нихон сёки», достигающие порой десятков лет, воспринимаются как доказательство их едва ли не полной мифичности.

Объективные сложности, в том числе и языкового характера, не раз приводили к тому, что даже наука, по мнению Лосева, «не понимая существа мифа и сводя его на жалкие выдумки младенческого сознания», находила в античности «только такие теории, которые хотя бы отдаленно могли быть связаны с либерально-гуманистической клеветой на мифологию»⁵. С еще большими трудностями в понимании содержания и смысла древних мифов, а тем более их символической составляющей, сталкиваются обыкновенные читатели, не искушенные в мифологических тонкостях и зачастую знакомящиеся с мифами по переводам, далеко не всегда достаточно высокого качества, особенно в художественном отношении. Как отмечал академик В.М. Алексеев, трудности перевода проистекают от многих причин, из которых едва ли не главной, по его мнению, «является невозможность привести в полное соответствие стиль перевода стилю оригинала и, в частности, согласовать размер и ритм, хотя бы в общем принципе»⁶.

Не надо думать, что составители древних японских хроник были настолько малообразованными и малокультурными людьми, что не могли отличить мифологию от реальной жизни. Дело обстояло значительно сложнее. Выполняя задание императорского дома и его окружения, а, возможно, и

самого императора, составители этих сложных текстов прекрасно понимали, что общение и диалог с жителями Древней Японии — а без этого нельзя было всерьез думать об укреплении режима императорского правления и придании ему определенных черт народности — можно было вести, используя любовь народа к мифам. Отсюда их постоянное обращение к легендам и преданиям, которые, несомненно, были ближе широким слоям населения. К тому же это давало возможность правящей верхушке древнеяпонского общества использовать мифологию в своих собственных интересах. При этом не обошлось и без особого истолкования отдельных событий и явлений. Как отмечается в энциклопедии «Мифы народов мира», специалисты по античной мифологии, в их числе и Лосев, в отличие от некоторых этнографов, считают, что «миф есть непосредственное вещественное совпадение общей идеи и чувственного образа, они настаивают на неразделенности в мифе идеального и вещественного, вследствие чего и является в мифе специфичная для него стихия чудесного»⁷.

Между тем отношение к этим классическим книгам на протяжении многих веков было едва ли не таким же, как к каноническим текстам или к священному писанию, которые не должны подвергаться критическому анализу, от кого бы он ни исходил. Их содержание принималось исключительно на веру. Однако время шло, и властям становилось все труднее ограждать эти древние реликвии от объективной научной критики.

Первым из японских ученых, кто после серьезного и глубокого изучения древнейших письменных памятников «Кодзики» и «Нихон сёки» высказал ряд осторожных и весьма сдержанных замечаний относительно достоверности этих мифов и легенд, был Араи Хакусэки (1657—1725), которого за его блестящий ум и энциклопедические знания нередко сравнивали с Вольтером.

Араи Хакусэки относился к тому кругу ученых, интересы которых лежали во многих областях научных знаний, таких, как экономика, философия, религия, филология, география, антропология, ботаника, военное искусство и др. Но больше всего его привлекали две дисциплины: история и поэзия. Он и сам сочинял стихи. Широкие контакты с Западом подтолкнули его к освоению таких наук, как физика, астрономия и медицина. Он критиковал, главным образом, те разделы японских хроник, где рассказывается о божественном статусе японских императоров. В частности, он поставил под сомнение утверждение, будто японское государство ведет свою историю с 660 года до н. э. Власть в Древней Японии целиком принадлежала императору Дзимму Тэнно, которого Араи Хакусэки считал фигурой вымышленной от начала и до конца. Эти свои мысли он, верный учению конфуцианства, изложил в четырехтомном труде, названном «Постижение древней истории» («Косицү»), который был опубликован в 1716 году.

По мнению Хакусэки, чтобы познать древние японские памятники «Кодзики» и «Нихон сёки» и прежде всего содержащийся в них раздел, посвященный «эре богов», необходимо провести тщательный лингвистический анализ мифов и на его основе попытаться раскрыть их содержание с помощью логических умозаключений. При этом ученый исходил из того, что тексты мифов по своему содержанию гораздо шире и глубже, чем их истолкования. И хотя какую-то часть мифов он рассматривал как описание реальных исторических фактов и явлений, в целом же, опережая свое время, он действовал в верном направлении: подчеркивал значение и место этих памятников в познании древней истории Японии. По существу, это была первая серьезная попытка научного анализа древних японских мифов, основанная на скрупулезном лингвистическом подходе к тексту, глубоком проникновении в их сущность, а также на выявлении логической цепочки, выстраивающей мифологическое повество-

вание во внутренне целостную и стройную линию, позволяющую четко отделить мифы от реальности, а небесных богов от живых людей.

Именно эта сторона научного исследования древних японских мифов, проведенного Араи Хакусэки, вызывала у японских историков последующих поколений искреннее восхищение его аналитическим умом, упорством и терпением. Высоко оценивая вклад учёного в изучение древнеяпонской мифологии, многие японские и зарубежные исследователи считали проделанный Хакусэки труд научным подвигом, а его самого — первооткрывателем, которому удалось не только раскрыть загадочный смысл многих мифов и показать их реальную роль и значение в японской истории и культуре, но и критически подойти к анализу ряда спорных моментов, содержащихся в «Кодзики» и «Нихон сёки, не соответствующих исторической действительности, заложив тем самым фундамент для последующих научных исследований сложных проблем древнеяпонской цивилизации.

Следует при этом иметь в виду и то обстоятельство, что критическое отношение ученого к древним мифам объяснялось прежде всего тем, что они возвеличивали императоров и абсолютизировали императорскую форму правления, а автор занимал достаточно высокое социальное-политическое положение, входя в узкий круг особо приближенных к сёгунам дома Токугава, стремившихся всячески ограничить власть и влияние императоров, резко принизить их политическую роль в жизни страны.

Однако необходимо признать, что критические замечания Хакусэки в отношении «Кодзики» и «Нихон сёки», основанные на тщательном текстологическом исследовании данных литературных памятников, были сделаны в очень мягкой и осторожной форме, указывая на то, что не все описываемые в них события и факты можно воспринимать как реально существовавшие. Его выводы не слишком повлияли на общий настрой японского общества того времени и на отношение японцев к указанным памятникам. Более того, критика лишь повышала общественный интерес к хроникам, порождая создание различных научных школ и направлений, призывавших к еще более широкому распространению знаний об истории Древней Японии, к изучению классических образов японской культуры, к которым относятся эти творения японского народа.

Особенно преуспела в этом так называемая школа национальных наук (кокугаку), одним из основателей и блестящим представителем которой был Мотоори Норинага (1730—1801). В качестве главной задачи эта школа провозглашала необходимость глубокого изучения японской древности и повышения на этой основе у японцев чувства национальной гордости за то, что они представляют великую древнюю цивилизацию, а богом избранная страна Япония с ее богатой древней историей и культурой имеет все основания претендовать на особое место в этом мире.

Такая, по сути своей националистическая позиция, преследовала две цели. Во-первых, значительно ограничить, а по возможности и вовсе свести на нет увлечение китайской классической философией и культурой, которое приобрело в феодальной Японии все больший размах и влияния. Во-вторых, повернуть японскую общественную мысль в сторону изучения собственно-японских форм бытия, уклада жизни, религиозных и иных верований, системы государственной власти, национальных традиций, нравов и обычаев, освободив и очистив их от непомерно сильных внешних наслоений и заимствований.

Основное препятствие на пути к осознанию Японией самой себя и познанию своего идеального классического прошлого Норинага видел в буддизме и конфуцианстве. Он призывал своих многочисленных учеников и сторонников сконцентрировать свою интеллектуальную мощь на борьбе про-

тив навязывания Японии неприемлемых для нее и в чем-то даже чуждых ей конфуцианских и буддийских верований и воззрений.

Норианага остро критиковал конфуцианских и буддийских ученых за то, что они, по его словам, сознательно вводили людей в заблуждение своими чрезмерно оптимистическими, а потому и неоправданными оценками человеческого интеллекта. Он, в частности, обвинял японских государственных и политических деятелей в том, что они мыслили по-конфуциански и, по его мнению, слишком раболепствовали перед Китаем, недооценивая, а порой и полностью игнорируя свой отечественный исторический и культурный опыт. Вместе с тем, образцом идеального государства и общества Норианага считал японскую древность, те времена, когда в Японии существовала безупречная, по его убеждению, система государственного управления в лице института неограниченной монархии, потомков синтоистских богов. Религию Синто он считал не только источником возникновения древнеяпонской цивилизации, но и ее душой и опорой.

Делом всей своей жизни Норианага считал изучение древней японской мифологии, в основу которого он клал текстологический анализ японских хроник. Уяснение самой сути вошедших в их состав многочисленных мифов и преданий, подробное их толкование заняло у него целых 35 лет. В течение всего этого времени он опубликовал 44 тома различных работ, выходявших под общим и достаточно скромным названием «Комментарии к “Кодзики” (Кодзики дэн)». Это, пожалуй, самый обстоятельный среди опубликованных до него трудов по данной тематике. Норианага приступил к работе, когда ему было 34 года, а завершил ее за 3 года до своей кончины, когда ему уже исполнилось 68 лет.

По собственному признанию Норианага, своим исследованием он намеревался охватить все, что имеет хоть малейшее отношение к японской древности. При этом он неоднократно подчеркивал научно-исследовательский характер своего исследовательского труда, основанного лишь на тщательно проверенных фактах, и не позволял себе включать в работу материал, достоверность которого нельзя было бы доказать со всей определенностью. Однако объективности ради следует отметить, что методология научного познания, которой он следовал, далеко не всегда распространялась на его собственные убеждения и позиции. По широкому охвату событий и процессов, происходивших в Древней Японии, а также по глубине их изучения и научному подходу данный труд по праву можно считать энциклопедией древнеяпонской цивилизации. В то же время автор с гораздо большим доверием, чем Хакусэки и многие современники, относился к древним японским мифам, легендам и преданиям, верил в достоверность многих из них.

Взгляды и идеи Мотоори Норианага, как и вся его исследовательская деятельность, имели свою политическую подоплеку, заключавшуюся в стремлении защитить национальную религию Синто от нападков, которым она подвергалась со стороны пришлых религий, пользовавшихся активной поддержкой властей. Вместе с тем он хотел возродить в полном объеме систему императорского правления, порушенную военно-феодалными кланами, навязавшими стране деспотическую диктатуру в форме сёгуна, что, по мнению Норианага, оказало негативное влияние на духовное развитие японской нации и страны в целом. Революция 1868 г., ликвидировавшая власть последнего сёгуна из дома Токугава и провозгласившая реставрацию императорского правления, в определенном смысле явилась торжеством монархических идей, которые разделял и отстаивал Мотоори Норианага.

После возрождения императорской власти любая, даже самая, казалось бы, безобидная критика древних мифов, в особенности тех из них, в которых

говорилось о божественном происхождении японских императоров, воспринималась властью чуть ли не как посягательство на авторитет императорского двора, а в отношении смельчаков применялись крайне строгие меры.

В числе одного из таких смельчаков оказался профессор университета Васэда Цуда Сокичи (1873—1961), опубликовавший в 1919 г. книгу под названием «Новое исследование “Кодзики” и “Нихон сёки”»⁸. Ее появление вызвало настоящий переполох не только в стане высоких правительственных кругов, но и в научной среде. Многолетний подвижнический труд этого ученого заставил по-новому подойти к оценке письменных памятников Японии, объективно определить их роль в системе научных и духовных ценностей японского народа. Цуда в своих исследованиях пытался выяснить причины, вызвавшие появление памятников Древней Японии — «Кодзики» и «Нихон сёки», определить, насколько достоверен содержащийся в них исторический материал, каково их социальное и культурное предназначение.

Глубокий и всесторонний анализ текстов памятников, их сопоставление и сравнение, в том числе с более ранними хрониками, позволили автору сделать ряд принципиальных научных выводов, которые заставили по-новому оценить историко-культурное значение этих трудов. По утверждению самого ученого, проведенный им текстологический анализ показал, что значительную часть как «Кодзики», так и «Нихон сёки» составляют тексты, заимствованные составителями этих памятников из более ранних рукописей, в частности, таких, как «Тэйки» и «Кудзи». Неоднородность текстов классических памятников и содержащиеся в них разночтения, касающиеся в особенности годов жизни и правления императоров, были вызваны, по мнению Цуда, не просто ошибкой составителей этих хроник или тем, что они доверились малоубедительным устным рассказам, а явились прямым результатом заимствований из более древних письменных памятников⁹.

Именно этим в значительной мере объяснял Цуда наличие в текстах «Кодзики» и «Нихон сёки» многочисленных несовпадений и противоречий. Таких несовпадений оказалось особенно много там, где предпринимались попытки выстроить четкую генеалогическую линию японских императоров, определить продолжительность их жизни и время царствования. Одни и те же рассказы нередко существенно различались в зависимости от характера того или иного литературного источника. Наряду с прямыми текстуальными совпадениями составители «Кодзики» и «Нихон сёки» взяли из «Тэйки» и «Кудзи», по мнению Цуда, многие мысли, в том числе, очевидно, и саму идею о божественном происхождении японских императоров, которых изображали как прямых наследников небесных богов на земле. В сущности, эта мысль на протяжении всего повествования выступает как ключевая позиция, заложенная в основу понимания и толкования японской истории и культуры.

Очевидная двусмысленность и противоречивость некоторых мифов, представленных в «Кодзики» и «Нихон сёки», их явная недосказанность обусловлены, по мнению Цуда, прежде всего тем, что их создавали не как исторические сочинения в строгом смысле этого слова, а как своего рода политический трактат с четко выраженной целью изобразить существовавшую в Древней Японии систему императорской власти как самую лучшую и самую справедливую в мире, отвечающую коренным интересам японской нации. Политический смысл всей древней японской мифологии, по мысли Цуда Сокичи, в конечном счете сводился к трем основным направлениям: во-первых, к происхождению и характеру императорской власти; во-вторых, к образованию единого централизованного японского государства; и, в-третьих, к условиям формирования японской нации. Причем все эти три элемента

как бы соединены между собой и восходят к единому божественному началу, что должно было придать им особую значимость и ни с чем не сравнимую исключительность, выделяя тем самым Японию среди всех остальных стран мира и ставя ее в особое положение.

Цуда Сокити научно доказал, что даже в тех случаях, когда составители древних хроник повествуют об отдельных исторических событиях и эпизодах с участием реальных людей, нельзя эти рассказы полностью воспринимать как адекватное отображение всего хода исторического развития этой страны — настолько сильно переплетены в них мифы, легенды и реальная действительность¹⁰. Однако то обстоятельство, что автор рассматривал появление «Кодзики» и «Нихон сёки» в значительной мере как воплощение политической воли императорского двора, вынашивавшего планы создания этих памятников японской истории и культуры, вовсе не дает повода утверждать, что ученый не считал их важнейшими источниками при изучении древней японской истории, японской общественной мысли и японской литературы. Он неоднократно подчеркивал, что несмотря на наличие в древних памятниках многочисленных мифов, не имеющих прямого отношения к реальным событиям и носящим ярко выраженную политическую окраску, они представляют огромную историческую и культурную ценность, поскольку в них отражены традиции, нравы, сама система мировоззренческих взглядов и идей того времени, передан дух и ментальность японского народа. Все это давало ученому основание считать эти классические древние книги ценнейшей энциклопедией культурной и исторической жизни Древней Японии.

Поистине трудно переоценить научный вклад Цуда Сокити в изучение проблем древнеяпонской культуры и цивилизации. Обстоятельный текстологический анализ «Кодзики» и «Нихон сёки» позволил ему объективно оценить научную и духовно-нравственную ценность этих памятников, показать их исключительную историко-культурную значимость для понимания и толкования истории и культуры Древней Японии. Вместе с тем ему удалось приподнять искусственно создаваемую завесу над их содержанием, снять или по крайней мере приглушить их слишком подчеркнутую религиозно-мистическую таинственность и доказать научную несостоятельность некоторых из содержащихся в этих памятниках мифологических и исторических сюжетов, основанных на откровенной политической и идеологической ангажированности. Однако и после огромной исследовательской работы, проведенной ученым, многие вопросы, касающиеся роли и значения этих книг в процессе познания древней истории Японии, а также соотношения мифологии и историй, до сих пор активно обсуждаются в среде японских и зарубежных исследователей, выявляя все новые подходы и точки зрения, порождая порой весьма острое противопоставление различных взглядов.

Разумеется, время внесло существенные поправки в эти споры. В наши дни мало кто из серьезных исследователей стал бы, как это было еще относительно недавно, причислять «Кодзики» и «Нихон сёки» едва ли не к священным текстам, а любое «своеволие» в их толковании, а тем более отрицание исторической подлинности содержащихся в них мифов и легенд рассматривать как неуважение к собственной национальной истории или — того хуже — отвергать с порога, а тех, кто отваживался на такой шаг, обвинять в нелояльности к существующей власти и оскорблении императорских чувств, как это имело место в случае с Цуда Сокити, привлеченного за свои научные убеждения к судебной ответственности.

Изучение японской классики с целью определения ее места в системе исторических и культурных ценностей Японии продолжалось все последние десятилетия. Как в прошлом, так и в настоящем на пути научно-объективно-

го анализа возникала стена предубежденности и предвзятости, по большей части искусственно созданная теми, для кого появление этих памятников и многое из того, что напрямую было связано с ними, представляет собой неприкрытое отстаивание идеи сохранения и утверждения неограниченной власти японских императоров, за которыми по-прежнему признавалось бы основанное на их божественном происхождении право управлять Страной восходящего солнца и ее народом.

Такой подход всегда выглядел достаточно примитивным. Даже при самой высокой степени ангажированности составители этих книг вряд ли могли, без ущерба для самой этой идеи, закладываяемой в их содержание, легко и свободно выстраивать любую линию исторического и культурного развития страны, придумывая для этого различные исторические эпизоды, если бы все это носило исключительно умозрительный характер и не находило отклика в умах и настроениях древних жителей Японии, не отражало бы характера и особенности их представлений о самих себе и об окружавшем их мире, если бы все это не опиралось на реальные факты и события из их прошлой и настоящей жизни. Такой взгляд на роль и место данных памятников в процессе формирования японской ментальности, в сущности, не позволял глубоко вникать в содержание тех или иных мифов с желанием познать их природу и подлинный смысл.

«Кодзики» стали одной из наиболее значимых книг в послевоенной Японии. Как отмечал один из исследователей этого памятника, «Кодзики» являются древнейшей классической народной книгой, которую читают многие японцы, хотя она и крайне трудна для понимания заложенного в ней смысла. Содержание этой книги составляют и мифы, и сказки, и исторические рассказы, и повествования о жизни императорского двора, и популярные песни и стихи, и многое другое. Жанр этого сочинения довольно сложен. К тому же помимо изображения древнего императорского рода в этой книге широко представлены политика, религия, история, народные традиции, литература и другие области знаний, что придает ей разноплановый характер и порождает немалые трудности для ее понимания.

Кроме того, данному сочинению присущ весьма своеобразный стиль повествования, во многом сходный с устными традициями. Некоторые японские исследователи, как, например, Огихара Асао, очень высоко оценивали этот памятник, утверждая, что несмотря на определенную хаотичность и недостаточную стройность повествования, в нем заложено множество ростков, из которых, подобно тому, как это было в начале создания Вселенной, в будущем взойшли замечательные всходы¹¹.

Новые подходы к изучению древней японской классики, основанные на научно-объективном анализе характера и структуры «Кодзики» и других письменных памятников Древней Японии, имели целью четко разграничить мифы и подлинную историю, отделив одно от другого. Данному обстоятельству послевоенная японская историография придавала особое значение, поскольку от этого во многом зависело развитие и укрепление гуманистических и нравственных принципов в исторической науке, формирование исторического самосознания, освобожденного от откровенно мифических, а нередко и мистических взглядов. По мнению Исида Итиро, автора исследования «Мифы и история», самое большое влияние, которое вторая мировая война оказала на японское общество и прежде всего на историческое сознание японцев, а также возрождение исторической памяти японского народа, проявилось в разделении мифов и истории. Если «Кодзики», по утверждению автора, построены в основном на мифах и являются своего рода прародителями японских исторических книг, то легко себе представить уровень и характер исто-

рического мышления японцев, чьей судьбой стал неразрывный союз мифа и истории¹².

Вполне естественно предположить, что по мере все более углубленного изучения проблемы соотношения мифологии и исторической науки мифы не будут исключены из исторической канвы развития древнего японского общества, они станут неразрывной составной частью реального историко-культурного процесса. Очень важно при этом, чтобы достаточно четко обозначившаяся в современной японской историографии тенденция, связанная с движением исторической мысли от мифов к подлинной истории, не позволила вместе с водой выплеснуть из ванночки и ребенка.

Сравнительно-исторический метод, позволяющий полнее и глубже проанализировать широкий комплекс разнообразных источников, в том числе и мифологический материал, дает возможность преодолевать известную предвзятость при исследовании древних цивилизаций и более объективно оценивать литературные и культурные памятники Японии VIII в., их роль и значение в процессе выявления характерных признаков и особенностей древнеяпонской цивилизации. Вместе с тем возникает очень важная и достаточно сложная проблема, касающаяся определения критериев, на основании которых можно было бы более или менее четко и вразумительно различать факты и вымысел, подлинный ход развития событий и его мифологическое изображение и толкование.

Решение этой проблемы заставляет исследователей глубже погрузиться в тайны и таинства мифов, выявить глубинные причины и природу их возникновения, их главный смысл и характер. Дело вовсе не в том, чтобы затруднить процесс выявления главного, что определяет содержание и значение древней мифологии для науки, подлинные причины возникновения мифов и их предназначение в ходе становления и развития древнеяпонской цивилизации. Чтобы этого не случилось, необходимо, как писал Лосев, относиться к мифам «вполне серьезно»¹³.

Вскоре после окончания второй мировой войны в Японии стали одно за другим в достаточно большом количестве появляться исследования, посвященные классическим памятникам древности — «Кодзики» и «Нихон сёки», что было вызвано не только и не столько желанием развенчать содержащиеся в них исторические и культурные несуразности, в том числе и чрезмерно преувеличенный культ японских императоров, сколько стремлением как можно глубже проникнуть в содержание древних хроник, снять с них прежний ореол загадочной таинственности и на основе новых научных подходов решать сложные проблемы древнего японского общества и государства. Наряду с отдельными монографиями в те годы были изданы целые серии работ, в которых подробно анализировались различные аспекты древних памятников: историко-археологические, литературно-художественные, лингвистические, этнографические и другие.¹⁴ В те же годы двумя изданиями вышел капитальный труд Цугита Уроу «Новый курс лекций о “Кодзики”», впервые опубликованный в 1925 году¹⁵.

Однако проблема заключается в том, что многое из того, что составляет содержание мифов, их состав и структура остаются непонятными и неприемлемыми для современного читателя и даже профессионального исследователя в силу психологических различий между древними и современными японцами, которые по-разному воспринимают события далекого прошлого и настоящего.

При этом не стоит особенно обольщаться успехами исторической науки, которая пока, к сожалению, не достигла того уровня, который позволил бы ей глубже проникнуть в тайны древней мифологии, смелее раскрывать скры-

вающиеся за ее загадочной таинственностью истинный смысл и значение отдельных понятий, символов, терминов и даже особенностей склада ума и мышления древних людей. Нет сомнения в том, что по мере развития и накопления исторических знаний, совершенствования методов и приемов научного исследования многое из того, что сегодня воспринимается как нечто мифическое, не поддающееся пониманию, окажется реальной исторической жизнью древнего человечества в ее подлинном смысле. Для подобного умозаключения есть определенные основания. Достаточно сослаться на признание реальными все большего числа фактов, явлений и событий, в том числе библейских сюжетов, существование которых длительное время оспаривалось, а сами эти факты и события относились исключительно к области мифологических и мифических объяснений.

Однако было бы преждевременным утверждать, будто современная историческая наука уже научилась вполне четко отслеживать наложения мифов и верований, безошибочно отделяя их от исторической действительности. Иначе чем можно объяснить столь широкий разброс мнений по вопросу относительно природы, сущности и происхождения мифов. В какой-то мере это обусловлено, очевидно, отходом от принципа историзма в понимании и трактовке мифов, их значения как закономерного исторического явления древнейшего периода в истории человечества. Происхождение мифов, их состав и содержание часто напрямую связывают с религией и верой. По-видимому, не случайно слово «миф», состоящее из двух иероглифов — «син» (бог, божество) и «ва» (рассказ), в буквальном переводе с японского языка означает «божественное предание». Смысл этого термина вызывал у древних японцев необычайно сильную веру в правдивость повествований, которые, как им внушалось, исходили от самих небесных богов. Разумеется, связь между мифами и религиями, в том числе и особенно местными, несомненна, как несомненно и то, что мифология является существенной частью религиозных верований.

Однако из этого вовсе не следует, что основу мифов во всех случаях составляет религия и что именно ей они обязаны своим происхождением. Значение мифологии для исторического познания состоит прежде всего в том, что мифы как первоначальная форма общественного сознания древних людей, с присущими только им чертами, современному человеку кажутся незрелыми и наивными, выражающими духовное и культурное состояние древнего японского общества. В то же время они отражали и определенную систему ценностей, нормы поведения, а также степень восприятия древними японцами окружающего их мира и самих себя. В этом, пожалуй, прежде всего и заключаются культурно-историческая ценность мифов и значение мифотворчества как неразделимой части системы исторических и культурологических знаний.

Несмотря на тесную связь между древней мифологией и религией, в отличие от последней мифология вобрала в себя не только и даже не столько религиозные элементы, сколько зачатки донаучных представлений о мироздании, человеке и окружающей его среде. Кроме того, в мифах нашло отражение своеобразие мышления древних людей и специфические формы различных искусств, в том числе и особенности языка (как правило, мифам присущи метафоричность и необычайно яркая образность). Древняя мифология — такая же объективная необходимость в духовном и культурном развитии человечества, как и смена форм общественного развития.

Существуют мифы и мифы. Лейтмотивом многих, если не большинства, исследований, посвященных древней японской мифологии, служит представление о том, что появление мифов в Японии было продиктовано чуть ли не

исключительно желанием навязать обществу мысль о том, что только при монархической власти возможно установить на японской земле социальную справедливость, порядок и настоящую гармонию жизни. Трудно освободиться от мысли, что такое понимание проблемы мифов, их места и роли в жизни древнего японского общества навеяно искусственной политизацией и идеологизацией мифологии, стремлением придать мифам преувеличенный социально-политический оттенок, в том числе тем, смысл и содержание которых лежат на поверхности. Дело обстоит одновременно и проще, и сложнее. Если бы не существовало мифов, легенд и преданий, которыми так насыщена была духовная и культурная жизнь древних японцев, то древнеяпонская цивилизация была бы лишена своей чарующей красоты и притягательности, которые делают ее не только самобытной и уникальной, но и самодостаточной.

На происхождение мифов немалое влияние оказывают и внешние факторы: отдельные мифологические сюжеты, частично, а иногда и полностью, могли быть заимствованы у других народов. Что касается японской мифологии, то в ней достаточно четко прослеживаются сюжетные линии, характерные для древних мифов Китая и Кореи, некоторых стран Юго-Восточной Азии. Однако внешние заимствования только тогда обретают местные национальные черты, когда становятся неотъемлемой составной частью собственной национальной культуры, а заимствованные мифы воспринимаются как свои собственные. Для этого они должны были в полной мере отвечать условиям и нормам жизни данного народа, его духовным и морально-нравственным потребностям. Именно поэтому заимствованные мифы воспринимались не как что-то чужеродное, а как свое национальное, никоим образом не принижавшее самобытность «своих мифов» и собственной мифологии. Это важно иметь в виду, поскольку достаточно часто при оценке древних японских мифов подчеркивают их как бы неоригинальный, эпигонский характер.

Мифы и история не противостоят, а лишь взаимно дополняют и обогащают друг друга. Более того, само разграничение мифа и истории носит достаточно условный характер, ибо по мере развития исторических знаний и исторического мышления одни мифы превращаются в исторические факты, а содержание других становится более понятным и не столь таинственным. Поэтому формула «От мифов к подлинной истории», которую часто используют современные исследователи японской древности, с одной стороны, фиксирует наличие различий между ними, а с другой, — подчеркивает важную роль мифов в процессе исторического познания.

Тем не менее проблема взаимоотношения мифов и истории существует. Часто этот вопрос трактуется несколько произвольно и упрощенно, а сами мифы рассматриваются, как своеобразные завалы, затрудняющие продвижение по пути к исторической правде. Однако при таком подходе указанная формула теряет всякий смысл и превращается в пустую, мало что значащую фразу. Между тем стоит только поставить перед собой простой и естественный вопрос: могли ли древние люди, в их числе и древние японцы, обходиться без мифов, легенд, сказок, исторических преданий, как тут же сам собой напрашивается ответ: нет, не могли, поскольку мифы являлись необходимой частью их бытия. Отсюда следует, что возникновение мифов и мифологии — такое же закономерное явление, как и сам исторический процесс. В этом утверждении заключены две простые, но очень важные истины: не может быть истории без мифов, как и мифов без истории. И еще: древние мифы не только не препятствовали познанию и воссозданию картины подлинной истории Древней Японии, но в определенном смысле даже содействовали этому. Они не позволяют воспринимать ее слишком односторонне и прямолинейно, ибо предмет истории всегда значительно сложнее, проти-

воречивее, красочнее, чем это часто представляется. Поэтому проникновение в глубь этого предмета так же сложно, как и понимание природы мифов, их истинного смысла и значения.

Преувеличение чего-то одного и недооценка другого не способствуют поиску исторической истины, а лишь отдаляют от нее исследователя. И было бы уж совсем наивным полагать, будто бы составители «Кодзики» и «Нихон сёки» ради воплощения в реальный образ идеи о божественной святости японских императоров только тем и занимались, что подтасовывали и намеренно искажали исторические факты. При очевидной политической ангажированности составителей указанных памятников (что было бы странным отрицать) они, тем не менее, стремились не только изложить на бумаге сохранившиеся в народной памяти и передававшиеся из поколения в поколение устные рассказы о жизни и делах древних японцев, но и показать яркий колорит древнего японского общества, господствовавших в нем представлений, взглядов и убеждений, многие из которых до сих пор остаются непознанными и нераскрытыми ни современными учеными, ни тем более современными читателями.

Поэтому при всем желании составители древних хроник не могли, не нанеся серьезного ущерба своему авторитету и результатам порученного им дела, допустить, чтобы их литературное детище находилось в слишком большом отрыве от реальной политической и социальной обстановки, существовавшей в Древней Японии, и стали бы сознательно придумывать факты и события, не имевшие никакого отношения к реальной жизни. Именно этим можно объяснить позицию некоторых исследователей и переводчиков классических памятников японской древности, выражающих удивление, что даже в 60-х годах XX в. в Японии выходили книги, авторы которых были убеждены в том, что «Кодзики» — это никакой не миф и все изложенное в них необходимо принимать за чистую монету¹⁶. По данным японских исследователей, 99% образованных японцев не верят рассказам о богах. Вместе с тем один процент из числа опрошенных продолжают доверять мифам¹⁷. Между тем, даже в наиболее мифологизированных разделах древних японских хроник выдающиеся ученые (среди которых был и Арай Хакусэки) находили немало подлинного, касающегося некоторых сторон вполне земной жизни и вполне реальных исторических личностей.

Примечания

1. ЛОСЕВ А.Ф. Диалектика мифа. М. 2001, с. 454.
2. Там же, с. 481, 483.
3. MALCOM D. KENNEDY. A History of Japan. London. 1963, p. 1.
4. Б.Х. Чемберлен приводит в одной из своих работ такой пример: когда профессор одного из университетов Японии позволил себе усомниться в том, что первые японские императоры, упоминаемые в «Кодзики», были реальными людьми, а не вымышленными фигурами, он тут же был уволен с профессорской должности. См.: Chamberlain Basil Hall. Japanese Things. Being Notes on Various Subjects Connected with Japan. Tokyo. 1975, p. 230.
5. ЛОСЕВ А.Ф. Ук. соч., с. 467.
6. Цит. по: Беседы и суждения Конфуция. СПб. 1999, с. 1011.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М. 1987, стр. 19.
8. ЦУДА СОКИТИ. «Кодзики» оёби «Нихон сёки» но син кэнкю (Новое исследование «Кодзики» и «Нихон сёки»). Токио. 1919.
9. Речь идет о самых древних японских письменных памятниках, которые сохранились лишь отдельными фрагментами и представлены, как полагал Цуда Сокити, в достаточно большом объеме в «Кодзики» и «Нихон сёки». Если «Тэйки» представляли собой, в сущности, историю императорского рода, его генеалогию, то «Кудзи» включали в себя главным образом рассказы о древних богах, полумифических личностях, а также народные песни и сти-

- хи. Составители «Тэйки» и «Кудзи» скорее всего принадлежали к придворным кругам. Тем не менее отдельные списки очевидно попадали и в руки вождей тех или иных кланов, представители которых вносили в эти тексты поправки и изменения с целью возвеличивания собственного рода, как могли приукрашивали и прославляли историю своего клана. Именно поэтому существовало множество версий этих хроник. Кстати, на неоднородность текстов «Кодзики» и «Нихон сёки» обращал внимание и Араи Хакусэки, а также некоторые европейские исследователи, в частности, Чемберлен. См.: ЦУДА СОКИТИ. Ук. соч., с. 315.
10. Кодзики. Т. 2. СПб. 2000, с. 17.
 11. ОГИХАРА АСАО. «Кодзики»-э но таби (Путешествие по «Кодзики»). Токио. 1979, с. 5.
 12. ИСИДА ИТИРО. Синва то рэкиси (От мифов к истории). Т. 8. Токио. 1960, с. 5, 54.
 13. ЛОСЕВ А.Ф. Ук. соч., с. 468.
 14. «Кодзики» тайсэй (Структура «Кодзики»). Т. 4. Токио. 1956; Т. 2. Токио. 1957; Т. 1. Токио. 1956; Т. 3. Токио. 1962; Т. 5. Токио. 1962 и др.
 15. ЦУГИТА УРОУ. «Кодзики» синко (Новый курс лекций о «Кодзики»). Токио. 1958.
 16. На эту особенность древних мифов обращали внимание многие японские исследователи. Так, Иноуэ Мицусادا, много сделавший в области изучения древнеяпонской мифологии, полагал, что, если подходить к мифам как к единой и целостной системе с ярко выраженной политической целью, то легко обнаружить, что в ее основе лежат религиозные факторы. См.: ИНОУЭ МИЦУСАДА. Синва кара рэкиси-э (От мифа к истории). Токио. 1973, с. 108—109.
 17. Japanes Things. By В.Н. Camberlain. Tokyo. 1975, p. 230.

Николай Федорович Гикало

О.М. Морозова

Революционер по традиции предстает в образе человека, живущего только идеей, либо — прагматичным человеком, участвующим в выстраивании нового мира, конкретно приспособленного под его нужды, смело принимающего решения за других, но всегда в своих интересах. Он также отважен, умен и решителен, но отличается тем, что интерес в революции у него сугубо личный. Основная масса рядовых участников, искренне веря в лозунги и программы, также стремилась завоевать лучшую жизнь для себя. Герой этой статьи, в отличие от масс, которыми руководил, с самого начала готовил свой послевоенный карьерный рывок, хорошо понимая, что революция не может сделать счастливыми всех.

К 1937 г. Николай Федорович Гикало имел блистательную биографию героя гражданской войны и преуспевающего партийного функционера. Ее вполне могла украшать фраза: на всех участках работы, куда направляла его партия, он проявлял энергию, твердость и принципиальность. Прекрасный послужной список не спасал видных советских деятелей от репрессий. Попал под нож революционной гильотины и Гикало. Трагическая гибель придала ему ореол мученика и революционера-романтика, кем он, по-видимому, не был.

Связанные с его именем победы в гражданской войне на территории Северного Кавказа не были выдающимися, но ему повезло оказаться в одной связке с такими вождями терских большевиков, как С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе, так что слава не могла его миновать. С 1921 г. он начал подъем по ступеням партийной лестницы. Работал на руководящих постах в партийных органах Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии, Москвы (в 1931 г. — секретарь МК и МКК партии). С 1932 г. — первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии. С 1934 г. кандидат в члены ЦК ВКП(б). Был делегатом XII—XVII съездов партии. Награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Перед арестом в 1937 г. несколько месяцев был первым секретарем Харьковского горкома КП(б) Украины, куда был переведен из Белоруссии — с явным понижением. Текст его биографии содержит почти обязательный

Морозова Ольга Михайловна — кандидат исторических наук. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.

для партийно-советского руководителя 1930-х гг. итоговый рефрен: Расстрелян... Реабилитирован...!

Биографические данные не гарантируют понимания личности: движущие мотивы поступков исторического персонажа и его самобытность остаются непроясненными. Гикало отличается тем, что существуют документы, которые позволяют характеризовать его гораздо глубже, чем любой даже самый подробный рассказ современника. Это — документы штаба Терской областной группы красных повстанческих войск, относящиеся к первому полугодию 1920 г. и присланные в Москву, в редакцию издания «История гражданской войны в СССР». Сохранились не только штабные документы — приказы, оперативные сводки, донесения, протоколы отрядных собраний и заседаний военно-революционного трибунала, но и текущая переписка членов штаба между собой, с лидерами горцев, контактировавших с большевиками, и немного личных бумаг. Отрывочность сведений в этих документах требовала длительной подготовительной работы, восстановления недостающих данных; в результате картина гражданской войны на Северном Кавказе становится полнее, а схематичные образы людей, оставившие след в этих бумагах, обретают живые черты.

Николай Федорович Гикало родился в 1897 г. в Одессе: по версии официальной биографии — в семье мелкого служащего; но если сказать точнее, его отец служил фельдфебелем. В 1901 г. семья переехала в Грозный. Как сын ничем не выдающихся мещан, Николай обучался в двухклассном городском училище. Когда отец умер, мать получила место сиделицы в казенной винной лавке. За эту работу платили хорошо — в год 300 руб., а иногда и выше, при казенной квартире. У Николая были брат Павел и сестра Вера.

В 1915 г. он окончил трехгодичный курс обучения в Тифлисской военно-ветеринарной школе. О его участии в войне сведения разнятся. По одной версии, он добровольцем пошел в действующую армию, воевал на Кавказском фронте, был награжден Георгиевским крестом; по другой — служил ветеринаром при госпитале, и его обязанностью было наблюдение за санитарным состоянием мяса, поступающего для питания больных и раненых.

Официальной датой вступления в РСДРП(б) Гикало указывал июнь 1917 г., но эта дата в партийной учетной карточке вызывает сомнения. Летом 1917 г. Гикало продолжал находиться в армии. Кавказский фронт был наименее распропагандированным, и, по воспоминаниям кубанских большевиков, когда осенью 1917 г. они выезжали туда с целью агитации, то имели дело с совершенно девственной в политическом отношении солдатской массой; разве что в частях, расположенных в городах Грузии и Армении, сильны были симпатии к эсерам и меньшевикам.

Обстановка в Грозном, сложившаяся к концу 1917 г., отражала сложные политические процессы, в которые были втянуты рабочие нефтепромыслов, солдаты местного гарнизона и следовавшие в эшелонах с фронта, терское казачество и горцы.

Конфликт между русскими и чеченцами, спровоцированный в мае 1917 г. стычкой на базаре между солдатами и горцами, привел к тому, что летом начались нападения чеченцев на линию железной дороги, а после вывода из Грозного воинских частей — и на нефтепромыслы. Демократически настроенные чеченские интеллигенты, А. Мутушев, Т. Эльдарханов, А. Шерипов и другие, стремились сотрудничать с Грозненским советом депутатов и предотвратить межнациональные столкновения. Но выступления безземельных крестьян, требовавших решения аграрного вопроса любыми средствами, вызвали дезорганизацию всей общественной жизни и новую волну грабежей и разбоев. Влиятельные шейхи и муллы, чья общественная роль традиционно далеко выходила за сферу религиозной жизни, старались перераспределить

власть в свою пользу. Их возглавил шейх Дени Арсанов, избранный в конце июня комиссаром Грозненского округа. Его провокационная деятельность привела к самоустранению от общественной жизни влиятельного председателя Чеченского исполнительного комитета адвоката Ахмеда Мутушева, и с октября в регионе началась подлинная анархия².

В начале ноября 1917 г. в Грозном была провозглашена советская власть. Грозненский совет рабочих депутатов потерял контакт с Чеченским комитетом, во главе которого встали офицер Чеченского конного полка поручик Муса Курумов, шейх Дени Арсанов, при участии нефтепромышленника Абдул-Меджида Чермоева. В этом же месяце на ст. Грозная были убиты два офицера и несколько всадников Чеченского полка. Началась борьба между Чеченским комитетом и Грозненским советом. Бронепоезда грозненских рабочих обстреливали аулы³.

Рассказ грозненского пролетария Никиты Лукьянова-Никитина, записанный позднее, показывает, что конфликт в момент обострения осенью 1917 г. благодаря усилиям мулл и шейхов приобрел черты национально-религиозного. Никитин воспроизвел разговор со знакомым чеченцем, который ему заявил: «Всех русских надо отправить на Дон, Кавказ принадлежит нам». — «А мы, русские, куда?» — и услышал в ответ: «[Вы] у нас нажились, это все наше». Увидев толпы, направляющиеся к нефтяным промыслам, Никитин спросил, куда идет этот народ. Ему ответили: «Будут сейчас разбивать промысла». — «Зачем?» — «А вот зачем — то русские вверху были, а теперь чеченцы». — «Почему?» — «А вот почему: вас сюда никто не просил, и идите назад в Россию». — «А что будет с нами?» — «Всех уничтожим, кто нашу религию не примет»⁴.

7 декабря 1917 г. подразделения Чеченского полка захватили Грозный. Город покинули тысячи русских беженцев. Весь советский актив — председатель Грозненского городского совета рабочих и солдатских депутатов Ф.Д. Агапов, Н.А. Анисимов, А.Ф. Носов и др. — убыл в Ставрополь. На станции Прохладная эшелоны беженцев роковым образом оказались в одно время с поездом, в котором ехал терский атаман М.А. Караулов. Среди беженцев прошел слух, что вот в вагоне едет Караулов — начальник области и главный виновник несчастий грозненцев, вооруживший чеченцев против них⁵. Это вызвало вспышку ненависти и расправу с атаманом и его спутниками.

Но в это время уже были установлены отношения между грозненскими большевиками и казачьими ревкомками. И 13 января 1918 г. (н.ст.) революционные отряды вошли в Грозный; власть в городе перешла к ВРК, созданному в первую же ночь после возвращения в город на собрании представителей населения и организаций города и близлежащих станиц. Председателем ВРК вскоре стал большевик Г.З. Иоаннисиани. Вокруг военревкома стали создаваться отряды рабочей самообороны. Постепенно на первые роли стали выходить новые лица, среди них возвращавшиеся с фронта солдаты.

21-летний Гикало вернулся домой с группой солдат Турецкого фронта в декабре 1917 — январе 1918 года. В феврале он стал председателем городского совета рабочих и солдатских депутатов; в марте — председателем Грозненского комитета РКП(б); в апреле он прибавил себе еще одну должность — председателя горисполкома, а в мае еще и пост командующего гарнизоном Грозного. Эта должность освободилась после отъезда во Владикавказ «ответственного организатора Красной гвардии» эсера штабс-капитана М.К. Левандовского, который получал пост народного комиссара по военным делам Терской советской республики.

Все это время Грозный находился во враждебном окружении. Чеченский национальный совет, созданный в конце января 1918 г. и располагавшийся в селении Старые Атаги, придерживался линии невмешательства в

«русские дела», но горские массы считали себя в состоянии войны с русскими. Ситуация изменилась в апреле 1918 г., когда левая фракция совета, выступавшая за признание большевиков, во главе с Эльдархановым и Шериповым образовала альтернативный Чеченский народно-трудовой совет, получивший по месту нахождения название Гойтинского совета. Между Гикало и Шериповым установились товарищеские отношения. Гикало стал бывать в доме Шерипова в селении Шагой.

Во время «стодневных боев» с белоказаками Лазаря Бичерахова Гикало руководил ополчением грозненских рабочих (11 августа — 12 ноября 1918 г.), выступившим единым фронтом с армией Шерипова, собранной из жителей горной Чечни. Город был окружен белыми с трех сторон, но с южной — через предгорья, контролируемые чеченцами, он имел сообщение с внешним миром. Отсюда же поставлялись на фронт закупаемые у горцев боеприпасы и продовольствие.

В феврале 1919 г. Гикало, как и другим большевикам Грозного и Владикавказа, пришлось уйти в горы. Это отступление в ряде советских работ было представлено как дальновидный стратегический замысел по созданию советского анклава в тылу противника. В действительности руководство Терского совнаркома оказалось запертым в крае, потому что упустило время для отхода на север из-за неожиданного конфликта с ингушами, преградившими железнодорожную ветку из Владикавказа на Грозный⁶. Комендант г. Грозного, бывший рабочий Старых нефтяных промыслов большевик И.И. Сафонов не препятствовал эвакуации, но сам считал, что враг не войдет в город надолго и что скоро советская власть восстановится. Он был схвачен белыми в окрестностях Грозного и повешен на базарной площади, прямо в рядах, где торговали дешевым мясом и ливером⁷. Уроженцы Северного Кавказа покидать родные места не стремились. Они укрывались в родовых селениях. Чеченец Шерипов остался в Шатое, кумык Д. Коркмасов — в Кумторкале; И. Зязиков и Х. Орцханов обосновались в ингушских горных аулах.

Из воспоминаний рядового участника боев за Грозный февраля 1919 г. Л.А. Чикалина можно узнать, что Гикало сопротивлялся в Грозном до последнего. Без его приказа уходили на север целыми отрядами, но он продолжал держать оборону с оставшимися. После сильных боев под Михайловской и Асиновской стало ясно, что нужно отступать, но дорога на Кизляр и Астрахань была уже отрезана. Взорвав бронепоезда и орудия, участники обороны Грозного шли колонной на Ачхой-Мартан, но чеченцы преградили им путь. Было очевидно, что Гикало растерялся и был обескуражен поведением недавних союзников. Чикалин спросил у него, что делать. Тот ответил, что не знает сам. Потом он приказал бойцам не нервировать горцев и небольшими группами кто как может пробираться в горы⁸.

Затем наступил период, который в официальной биографии Гикало был прикрыт фразой: «В 1919—1920 возглавлял вооруженную борьбу с войсками Деникина на территории Терской обл. и Дагестана»⁹.

Али Митаев, влиятельный чеченский шейх, в 1920 г. в ответе на статью, обвинявшую его в антисоветской деятельности, так охарактеризовал деятельность Гикало в начальный период белогвардейской оккупации Чечни: «Кто такой Гикало? Если он такой герой, почему он не возглавил в 1919 г. Чечню, оставшуюся без руководства? Чеченцы знают его отлично. За целый год, когда чеченцы вели смертельную борьбу с деникинцами, он был только в двух местах: в боях под Чечен-Аулом и Воздвиженской. Теперь, по прошествии времени, все боевые заслуги других он приписывает себе»¹⁰.

Не только свидетельство Митаева, но и архивные материалы из архива штаба Терской группы подтверждают: не только Гикало, но и другие боль-

шевистские руководители с февраля по осень 1919 г. не проявляли решимости в борьбе с белыми. Но и борьбу чеченцев с деникинцами не следует воспринимать в интерпретации Митаева. Как вспоминал поручик Николай Станюкович, в бою под Чечен-аулом действительно насмерть стояли тавлинцы (тавли, так называли чеченцы жителей Нагорного Дагестана, состоявших в армии Узун-Хаджи) и чеченцы, но после падения аула «чеченцы почти без сопротивления переходили на сторону белых. Вскоре из них была даже сформирована целая дивизия, которая воевала с красными в Украине и в Крыму». То же подтверждают воспоминания Д. де Витта, эскадронного командира одного из полков Чеченской конной дивизии¹¹.

Итак, в феврале 1919 г. с маленьким отрядом Гикало отступил в горы. Весну и лето этого года он провел в состоянии политического небытия. Осенью 1919 г. он пошел на службу к Узун-Хаджи, аварскому шейху, имаму и эмиру, главе Северокавказского эмирства со штабом в крепости Ведено.

Гикало 22 года, но он не по летам мудр. Знает, когда молчать, когда говорить; когда требовать подчинения, когда благодарить и кланяться. Он добился благорасположения Узун-Хаджи, делая ему подарки от имени Кавказского краевого комитета РКП(б) — К.К.К., и получил в командование 5-ю армию эмирства. Он использовал преимущества, вытекающие из этого союза: брал «имамских» сопровождающих в поездках по горам, так как его собственные мандаты не признавало местное население¹². Отношения с командирами отрядов, которые входили в его армию, были весьма либеральные. Давая им указание, делал приписку: если это не входит в ваши планы, дайте знать. Когда эмирство совершало недружественные действия, например, изъело пулеметы, которые гикаловцы везли через Ведено в Воздвиженскую, терпел, понимая свою уязвимость. И в то же время он четко понимал временный характер ситуации. Он отчитал командира ингушского отряда Заама Яндиева, когда узнал, что тот поддерживает отношения и с его штабом и со штабом армии Узун-Хаджи: «Я теперь не знаю, какие у вас войска: эмирские или советские?»¹³

Сильной его стороной была гибкость. Когда он еще не имел реальной власти (до начала 1920 г.), Гикало шел на компромиссы и соглашения с влиятельными местными лицами. Если для Узун-Хаджи были нужны рабочие разных специальностей, он находил их среди русского контингента, которым располагал, и посылал к нему¹⁴. Зная о неприязни к себе великого визиря эмирства Иналука Арсанукаева-Дышнинского, он стремился с помощью чеченца Мазлака Ушаева сохранять видимость нормального взаимодействия с визирем: Он был мастером восточной политики. То, что в таких условиях нужны лукавство и хитрость, понимали многие. «Мы, большевики... [должны] постараться провести свою хитростью хитрость восточных людей, визиря, имама и присных»; — выразился один из сотрудников гикаловского штаба¹⁵.

Горскую ментальность Гикало хорошо знал. Чечня, не имевшая феодалных владений, была разделена по другому принципу — на зоны влияния мулл, шейхов и т.д. Гикало и его штаб использовали их взаимную ревность. Завести дружбу можно было, заверив шейха, что являешься врагом его врага, подкрепив слова услугой или подарком. Гикало сотрудничал с шейхами и мюридами накшбандийского тарриката, мстившими казакам за убийство своего лидера Дени Арсанова в декабре 1917 г., их усилиями были созданы подпольные сельские советы, вокруг которых шла организация желающих вступить в отряды.

Узун в свою очередь держал возле себя большевиков, потому что они ему были полезны как источник наличности, с которой у него случались постоянно проблемы. Чеченцам, в домах которых стояли тавлинцы, нужно

было платить деньги за содержание этой личной гвардии Узуну. Иمامу было что продать большевикам. На его складах пылилось оружие, боеприпасы, обмундирование.

Реввоенсовету XI армии 1 января 1920 г. Гикало докладывал о существовании натянутых отношений между штабом повстанцев и эмиром Узун-Хаджи¹⁶. В действительности же они были не столь уж плохими. Но Гикало улавливал, что всякое полезное, но политически сомнительное сотрудничество — дело домашнее, которое лучше на люди не выносить. В то же время степень своего влияния на горцев — основу его повстанческой армии, он любил в отчетах преувеличивать.

В 1919 г. деньги от К.К.К. из Баку приходили к отрядам, расположенным в горных районах Ингушетии и Чечни, тоненьким ручейком. Основным объектом финансирования был Дагестан, как кратчайшая дорога к бакинской нефти. Неоднократно по рекомендации РВС Каспийско-Кавказского фронта повстанцы, располагая малыми силами, пытались готовить и предпринимали выступления в тылу белых — летом, в начале осени, в начале зимы 1919 года. Но все они заканчивались провалом. Каждый раз после неудач приходилось все начинать с начала. Для этого командиры партизанских отрядов имели свой мотив — сохранить влияние на население и на бойцов отрядов, которым обещали близкую победу. Заам Яндиев, командир ингушского отряда, писал Гикало, что настроение бойцов беспокоит его, что обстановка в отряде заставляет его думать о начале активных действий или о прорыве через фронт. Дело в том, что родные села членов его отряда были сожжены белыми, жители отступили далеко в горы и бойцы стремились последовать туда же. Единственное, что могло их удержать, это поход в расположение регулярной Красной армии с богатыми интендантскими складами или заманчивость военной добычи. После серии безуспешных выступлений Гикало волевым решением наложил запрет на новые выступления и ориентировал ревкомы на подготовительную работу и сохранение боеспособности, при этом рекомендуя не гнаться за численностью отрядов¹⁷.

К концу 1919 г. центр решил поддержать деньгами укрывшихся в горах. Гикало, докладывая в центр о настроениях горцев, тенденциозно подавал сведения о массовом ожидании прихода Красной армии: «Здесь у нас имеется со всеми связь, но нет средств — денег на работу по подготовке восстания». Он знал, что только хороший отчет сопровождается хорошим финансированием. О настроениях горцев он доносил: «Сколько бы ни уверяли и ни говорили, что горцы восстают движимые национально-религиозными побуждениями — неправда. Все эти чувства переживаются и даже пережиты. Одно стремление, одна цель горцев — советская власть... Все почти воинские части (мобилизованные из крестьян и рабочих) также ждут не дождутся восстановления советской власти»¹⁸.

24 января 1920 г. он был назначен командующим Терской группой красных повстанческих войск¹⁹. Свою политику Гикало соизмерял с возможностями, и реальные обстоятельства влияли на стиль его поведения. Когда пошли деньги, изменилось и поведение Гикало. Его дремавшая до поры до времени амбициозность проснулась, и, собрав силы повстанческой армии, из лица незначительного он стал ведущей политической фигурой в регионе.

Как свидетельствует штабная переписка с полевыми командирами, мотивы сотрудничества простых горцев с большевиками имели не идейный, а прагматический характер. Любое изменение соотношения сил вызывало изменение симпатий местного населения. С начала 1920 г. большевистский штаб выглядел в горах Чечни наиболее существенной силой, как в организационном плане, так и в силу материальных возможностей — небольших, но

превосходящих возможности противника. Поэтому обеспечить себе место вблизи нового лидера стремились многие. В борьбе за это они доносили друг на друга, сплетничали, шпионили за Узун-Хаджи и его визирем; старались выслужиться перед Гикало, оказывая мелкие услуги.

От горцев он получал уверения в искренней приверженности большевизму; это запечатлено в полученных им письмах; вероятно, то же он слышал и в их речах. Однако Гикало понимал, что ими двужут в значительной степени соображения выгоды, стремление получить доступ к материальным и денежным ресурсам. Сотрудник его штаба Михаил Киришенко жаловался 6 февраля 1920 г.: «Каждая сволочь предлагает свои услуги только с целью алчной наживы, пользуясь сложившимися обстоятельствами. За услугу отвезти письмо в Шатай и привезти ответ просят ПЯТЬ ТЫСЯЧ чистый деньга»²⁰.

О том же сообщали Гикало и наиболее приближенные к нему горцы. Интеллигент из местных, цитировавший стихи Надсона, писал ему 24 января: «Сделаю все, что будет возможно... но за блестящие результаты не ручаюсь. Нужны средства, которые главным образом будут являться приманкой». Чеченец Мазлак Ушаев подчеркивал, что есть идейные сторонники большевиков, а есть «попутчики», которых можно купить: «Мы работаем в пользу нашей советской власти», писал он 4 марта 1920 г., но есть люди, которые «стараятся столкнуть меня с моего поста потому, что теперь все знают, что я имею дело с вами. Вы не думайте, [что] если я прошу от вас что-нибудь, то это для себя, но нет, я прошу для общего дела». Без этого нельзя обойтись. «Наш народ продаст за деньги свою жизнь». Аббас Гайсумов, духовное лицо, подтверждал действенность такого метода: «Я считаю правильным и первой задачей назначить денежное вознаграждение некоторым муллам и даже уплатить им наличными сколько-нибудь из наших средств... Вам известно, как Узун-Хаджи назначил своему товарищу по 10 000 руб. и даже 15 000 руб. в месяц. Казаки также последнее время отпускали большие суммы для агитаторов. Народ темный, большей частью идут за деньги». Начальник отдела снабжения Николай Гусев, отвечавший за закупку продовольствия и военного снаряжения для создающейся армии, 26 января просил штабное начальство: «Денег присылайте сюда побольше. Не скупитесь, потому что наличие средств увеличивает престиж, а самое главное кредит»²¹.

Получаемые из Астрахани деньги шли на закупку у горцев различного имущества и вооружения; на выплаты горцам, выразившим желание вступить в отряды большевистской ориентации. Считать это вульгарным подкупом и отношениями наемничества в форме, известной европейской культуре, нельзя. Оплата, на которую рассчитывали «мюриды революции», вытекала из адатного представления о том, что лидер, вожь берет на себя содержание каждого наиб-мюрида, включая оружие, коней, снаряжение и обеспечение семьи²². Обещания, щедро раздаваемые большевиками, встречали благодарное понимание.

Хаджи-Мурат Магометович Мугуев, начальник политагентуры экспедиционного корпуса XI армии и будущий советский писатель, рекомендовал Гикало для укрепления позиций следующее: «Необходимо оповестить в самом срочном порядке все трудящиеся массы горского населения о том, что все разоренные аулы, все в конец обнищавшие от рук деникинцев горцы, активно выступившие за Советскую власть, с приходом ее на Кавказ не будут забыты, а наоборот, каждый аул, и не только аул, но и пострадавший горец будет широко возмещен за нанесенные ему белыми убытки»²³.

Понимая, что с пустыми карманами никого долго не удержишь, командующий Терской группы давал обещания такого рода: «Все ваши люди, сколько бы их ни было, будут удовлетворены. Приложите все усилия и всю свою

энергию на то, чтобы дело было сделано, а мы со своей стороны можем сказать, что тов. Исаев и его ближайшие помощники никогда не будут забыты. А что мы говорили, то и делаем»²⁴.

Пустить пыль в глаза удавалось, но с большим трудом. В слободе Шатой, где находились основные силы гикаловской армии, продовольствия временами не хватало. Гикало пенял командиру 1-го Сводного красноармейского отряда Красноплахтину, что солдаты его батальона «ходят на слободу и просят у жителей хлеба», чем дают повод распускать «провокационные слухи о недостатках отряда»²⁵. Это происходило после того, как за неделю до этого в неудачном бою у станицы Воздвиженской отряд потерял свой обоз, а прибытие новой партии денег задерживалось из-за больших снегов.

Выбор в пользу большевиков был сделан чеченцами, разумеется, не только из-за денежных возможностей Терской армии, значительная доля которых заключалась в обещаниях рассчитаться за содействие после победы над белыми. Ведь отказывались же они вступать в отряд, сформированный добровольческим командованием, с окладом 4 тыс. руб. в месяц. Значит, ключевым фактором стала возникающая уверенность в том, что победа будет за большевиками и что этот выбор приблизит конец войны. Изменилось поведение большевиков: из несущих меч и огонь, они стали более гибкими. Как рекомендовал Мугуев, начальник политагентуры: «Пишите воззвания, летучки, листовки, но только не в духе 1918 года. Сейчас более новый воздух, избегающий всяких репрессий и угроз»²⁶.

С малых лет Гикало жил в Грозном и, знал, как здесь меняются настроения и склонности. Он целенаправленно формировал такой свой образ, который будет наиболее значим в глазах горцев. Он использовал слабые места мулл и шейхов. Знал, как можно нейтрализовать уязвимые стороны местного ополчения. Хорошо читал язык горского поведения.

Для горцев ревность и открытое соперничество были естественными свойствами характера. Быть первым — в этом тоже проявление джигитства. Движимые этими чувствами, горцы в годы Кавказской войны отказывались подчиняться приказам командиров, назначенных руководить боевыми операциями; вступали в сношения с противником и выдавали ему военные секреты²⁷. Древний дух соперничества заставлял командира Гойтинского отряда Х. Дорлиева сообщать Гикало, что якобы до него дошли слухи о намерении отправленных за деньгами людей стовориться с абреками об инсценировке ограбления. И Дорлиев просил расследовать это дело²⁸. Ясно, что это был способ напомнить о себе, продемонстрировать лояльность. Если бы была и ему возможность принять участие в похищении денег, Дорлиев пошел бы на это.

Горцы были не так уж просты и наивны. Гикало отлично знал местную манеру поведения. Обратимся к комплексу писем некоего Мухтара Эсенбаева²⁹ (какие-либо сведения о котором в источниках отсутствуют), кумыка из села Старые Атаги. Оказавшись в октябре 1919 г. без работы, а прежде он, по-видимому, служил в аппарате правителя Чечни генерала Эрисхана Алиева, Эсенбаев стал искать новое применение своим силам. Первым, к кому он обратился 13 января 1920 г., был Гикало. Они еще не были знакомы, и Эсенбаев отрекомендовал себя как сочувствующего идеям социализма, примкнувшего к движению еще при старом режиме, и просил позволения стать доверенным лицом лидера большевиков. Он готов стать агитатором за советскую власть, так как «с психологией Чечни хорошо знаком». Эсенбаев подчеркивал свою принципиальность и твердость выбора: несмотря на материальные трудности, на компромисс с «деспотами казаками» не пошел.

Через пять дней Мухтар написал еще два письма — в связи с тем, что Гикало сообщил ему об отсутствии в штабе вакансий. Одно письмо, с выражением обиды, адресовано Гикало: «Пользуясь полным авторитетом среди чеченцев и бедноты Чечни, [которая] относится ко мне с полным вдохновением и уважением, это я завоевал в то время, когда никто не представлял себе, что беднота и пролетарий увидит свое торжество... Играя такую решающую роль среди психологии, я предложил свои товарищеские услуги, [чтобы] оказывать всевозможные содействия. Вы, не поняв меня, отвечаете, что не можете дать нам ответственное место. Социалист место не достает, а должен завоевать себе».

Одновременно он написал почтительное, велеречивое послание к «великому визирю Северокавказского эмирата Иналуку-Касимбеку Арсанукаеву-Дышнинскому», своему давнему знакомому. Мухтар напомнил Арсанукаеву о том, что предрекал ему «первенствующие роли среди той психологии», которая была недовольна царской властью. О своем социализме Эсенбаев на время забыл и стал правоверным мусульманином.

«В деле великом и святом — торжестве мусульман, направленном к осуществлению Великих идеалов панисламизма, к чему стремились наши предки и немало принесли жертв... Вы счастливы, что... являетесь и полным властелином этого мира, за короткое время завоевав симпатии народа, и проводите идеи свои в жизнь, на защиту панисламизма... Прошу принять от меня салам и маршалла... Меня Вы знаете отлично — моих личных и нравственных качеств... Готов к услугам... и ожидаю от Вас предложение принять какую-либо ответственность на себя. Сделайте милость. Пребываю корнет Мухтар Эсенбаев».

Второе письмо отличается от первого не только идейными основаниями, но и некоторыми внешними признаками. Во-первых, это переход на старорежимную лексику: «сделайте милость», «корнет Эсенбаев»; во-вторых, обозначение даты написания писем к Гикало — по недавно введенному большевиками григорианскому календарю, а к Дышнинскому — и по новому и по старому стилю, «18(5) января».

Факт обнаружения в архиве гикаловского штаба, располагавшегося тогда в Шатое, письма, адресованного Иналуку Арсанукаеву в Ведено, свидетельствует о том, что оно не дошло до адресата, а было изъято из входящей корреспонденции кем-то из агентов Гикало и переправлено ему. Это характеризует ситуацию в аппарате Северокавказского эмирства.

Третье письмо Эсенбаева на имя Гикало (от 26 января) состоит из оперативной информации разной степени достоверности, слухов, хвастливых напоминаний об уже оказанных повстанческой армии услугах.

Новую попытку найти себе место при новой власти Эсенбаев сделал в июне 1920 года. Он не нашел ничего лучшего, кроме как разоблачение опередивших его братьев Шериповых, в частности Заурбека, который стал заместителем Т. Эльдарханова. Близость Шериповых к большевикам он объяснял заслугами их брата Асланбека и его героической гибелью, но не убеждениями представителей этой семьи. О Заурбеке писал, что он ни к чему хорошему не способен «как теоретик — диалектик, критик и подлец». Свое право кри-

тиковать Шериповых Эсенбаев объяснял идейными мотивами, выражая готовность взяться за работу и доказать на деле свою верность революции. Следующая фраза из его письма действительно идет от сердца: «Я, откровенно говоря, служил честно при старом режиме, служил при Доброармии и буду служить, бог даст, на благо народу советской России; идея и честная служба, одна не мешает другой, потому что я не офицер и не чиновник, а канцелярист, владеющий пером, но не винтовкою».

С одной стороны, Гикало не доверял горцам в полной мере, о чем свидетельствует его обмен мнениями с русской частью сотрудников штаба. Но, с другой — он не мог обходиться без их посредничества, когда требовалось войти в контакт с Узун-Хаджи или турками. Например, горное орудие, которое Узун отказался продать начальнику административного отдела гикаловского штаба М.С. Мордовцеву, было обещано Мазлаку Ушаеву после его разговора с имамом, в котором чеченец упомянул о якобы существующей неприязни между Сугаип-муллой Гайсумовым и Гикало, чему имам обрадовался и сказал, что будет работать с Гикало, и «в этот момент он разрешил взять орудие», как отметил Ушаев описывая эту встречу (чеченцы Гайсумовы, лидеры соперничающего накшбандийского вирда, находились с аварцем Узун-Хаджи во вражде). В действительности Гайсумовы тайно сотрудничали с Гикало: выполняли роль информаторов, прятали людей, которые оказались в опале у Узун-Хаджи³⁰. Ушаев сказал Узуну неправду, зная, что это поможет выполнить поручение.

Подобная практика использования местных конфликтов для решения собственных задач нашла широкое применение у большевиков. Киров в докладе «Текущий момент и международное положение» на 3-й Астраханской губернской партконференции в ноябре 1919 г., подводя итоги, заявил: «На Северном Кавказе... мы действовали умело. Мы создали там анархию, возбуждая одну группу [населения] против другой — и старались в это время организовать рабочих. И это нам удалось»³¹.

Чечня, не имевшая феодальных владений, была разделена по другому принципу — на зоны влияния мулл, шейхов и т.д. Их соперничество умело использовали большевики — и во время войны, и после ее окончания. После возвращения советской власти на Северный Кавказ назначенный заместителем председателя Чеченского облисполкома осетин Н.М. Саламов во время восстания аварского шейха Нажмудина Гоцинского сумел поднять против него Гайсумова, сыграв на его самолюбии. Он передал ему привет от В.И. Ленина и заверил, что «если советская власть решит дать горцам духовного главу, то это будет не толстобрюхий Гоцинский, а уважаемый Сугаип-мулла»³². Мулла проехал по селам, а с ним ехал Саламов с переводчиком-ингушом, и местное население клялось в верности советской власти и выносило соответствующие решения. Саламов называл свое поведение маневром и гордился проявленным искусством политика.

Чеченцы признавали главенство шейха, главы вирда, видя в нем духовного и военного вождя. Соответственно, его авторитет базировался не только на личном мужестве, военном искусстве, но и знании мистических обрядов. Проявленные в нужный момент, они доказывали подлинность его власти. В связи с этим в принципе правдоподобно выглядят анекдот, рассказанный А.И. Микояном. Гикало, усвоив особенности психологии горцев, так же, как и шейхи, практиковал производство чудес. В сложный момент совещания с командирами чеченских отрядов он им заявил, что должен посоветоваться с Лениным, отошел в сторону, воткнул палку в землю и, поговорив с ней, изрек, что тов. Ленин полностью на его стороне³³. Такое поведение было обусловлено тем, что тип отряда, привычный горцам, соответствовал религиозной об-

щине (вирду), в которой дисциплина, основанная на безоговорочном подчинении шейху, создавала высокий мобилизационный потенциал.

Как воины горцы обладали особенностями, которые нужно было учитывать командирам, принадлежащим к другой этнокультурной среде. Офицеры, воевавшие против горцев в Кавказскую войну и вместе с горцами в первую мировую, писали, что те мастерски владели холодным оружием в конном бою, но не знали штыкового боя, оказались не приученными к огневому бою и в окопах сидеть не умели, в бою не слушались команд, были также неаккуратны и в боевом охранении³⁴. Судя по рекомендациям Гикало, которые он давал полевым командирам, все эти черты горские воины сохранили и в его время; но он научился воевать с такими бойцами. Это объясняет причины его в целом успешной работы в горах. Показательно его письмо от 25 января 1920 г. Абдул-Рашиду Исаеву, надежному командиру, отличившемуся еще в «стодневных боях» 1918 г., которому он давал отряд из новобранцев: «Отряд состоит главным образом из бывших чеченских абреков-головорезов. Дабы умирить грабительские инстинкты этого отряда, в случае крупной провинности действуйте репрессивно, вплоть до расстрела. Поддерживать в отряде дисциплину можно только строгими мерами»³⁵. Гикало считал, что отряд в боевых действиях сможет себя проявить, но не следует доверять ему фланги; там должна находиться русская часть отряда; патроны рекомендовал выдавать только накануне боя — и не иначе.

Но не со всеми ему удавалось ладить. Например, между Гикало и командирами ингушских отрядов существовала взаимная неприязнь; но они ему были нужны как воздух. Они контролировали Военно-грузинскую дорогу и перевалы, через которые поступали деньги от Кавказского краевого комитета, располагавшегося сначала в Тифлисе, а потом в Баку, что и создавало им известную независимость; иногда они перехватывали курьеров с деньгами. Поэтому общение с ингушами Гикало поручил Алексею Евграфовичу Костерину, начальнику оперативного отдела штаба. Это был человек другого склада, он общался с горцами в другой тональности, более искренне и заинтересованно. Во всех случаях, когда требовалось установить доверие со стороны чеченцев и ингушей, это возлагалось на него. В частности, именно Костерин вел переговоры с Узун-Хаджи о публичном признании советской власти. Взамен этого он обещал шейху невмешательство большевиков в религиозную жизнь горцев. Костерин был искренен, и Узун ему поверил.

Длительное время в подчинении Гикало состояло две сотни бойцов. И тогда, когда этот отряд назывался 5-й армией Северо-Кавказского эмирства, и тогда, когда приказом РВС XI армии стал именоваться Терской группой красной повстанческой армии. Эта воинская «масса» значилась в документах и как 1-й отдельный сводный батальон Красной армии, имея своим непосредственным начальником Красноплехтина. Таким образом, армия состояла из одного батальона; батальон считался трехротного состава, но в наличии была, по сути, лишь одна рота, в которой состояло 180 рядовых красноармейцев.

Отряд был собран из разношерстной публики. Кроме красноармейцев, оставших от X и XI армий при их отходе с Северного Кавказа, а также дезертиров из местных русских, скрывавшихся от мобилизации в деникинскую армию, и горцев (чеченцев, ингушей, кабардинцев) среди гикаловских партизан были китайцы, бывшие военнопленные австрийцы и даже индийский офицер Муртузалли, служивший ранее в английском экспедиционном корпусе в Северной Персии³⁶. Штаб и основные силы отряда находились в селении Шатой. Личный состав размещался в казармах, питался централизованно: Гикало строго следил, чтобы его люди не побирались по дворам, нанося тем самым урон его личному престижу.

Отряды чеченской Красной армии, формально находившиеся в ведении Гикало, были «расквартированы» в аулах, то есть продолжали жить по домам. Такова была тактика Гикало. Большой отряд в Ведено или Шатое держать не следует, считал он, чтобы не вызвать недовольства Узун-Хаджи. Лучше иметь по аулам небольшие отряды из вполне надежных и преданных людей; запись в них проводить секретно, а списки передавать в штаб.

В условиях полного отсутствия мануфактуры обносившиеся горцы стремились записаться в повстанческую армию хотя бы для получения обмундирования. За это Гикало взимал с добровольца треть стоимости, а остальные две трети полагалось уплатить после установления Советской власти³⁷.

По всему видно, что Гикало был хорошим организатором. Штабная переписка показывает его способность наладить снабжение растущего отряда: кормить и обмундировывать людей, закупать оружие. Денег, поступавших из Астрахани и из Баку, все равно было недостаточно, и приходили они с задержками. Поэтому требовалось убедить горцев-поставщиков в собственной надежности как торгового партнера. Нужно было установить дисциплину среди разношерстного пополнения — дезертиров и беженцев; заставить соблюдать чистоту в казармах во избежание возникновения болезней; создать пошивочные мастерские для производства обмундирования и амуниции; найти сырье для них, обеспечить поступление продовольствия. Это были непростые задачи в тылу врага и в чужеродном окружении.

У него были помощники — опытные в торговых делах люди: вышеупомянутый Никита Лукьянов-Никитин, его торговый и политический агент в Грозном, и Николай Гусев, начальник отдела снабжения. Гусев вел переговоры с местными чеченцами, у которых были запасы оружия и продовольствия. Своим происхождением запасы вооружения были обязаны эпохе грабежей железнодорожных эшелонов и пакгаузов 1917—1918 годах. Гусев оббегал крупных торговцев, торговался с ними о цене и курсе «валют». Наиболее высоко ценились «николаевские» деньги, потом шли «керенки» и лишь после них — денкикинские «колокольчики» и советские дензнаки. Курс купюр, пущенных в оборот Узун-Хаджи, котировался очень низко. Некоторые купцы брали всякие деньги, полагая, что при советской власти все деньги будут иметь одинаковый вес. Они отпускали товар частью за наличные, но многие давали в кредит на срок до месяца или даже до победы советской власти. К лету 1920 г. денег у купцов Шатоя было столько, что они в мешках валялись прямо на полу и люди ходили переступая через них³⁸.

Гусев старался покупать товары централизованно, тогда выходило дешевле. Он также ведал мастерскими и складами в Шатое, которые обеспечивали нужды отряда. 26 января 1920 г. он отчитывался, что через день-два будет готов «взвод красноармейцев, одетых почти с иголочкой с ружьями с 60 патронами в патронгашах и с несколькими тысячами патронов на подводе»³⁹. Разнообразие продуктов, которое хранилось на складах отряда, могло поразить воображение, поскольку речь идет о зиме 1920 г.: мясо, хлеб белый и пшенично-кукурузный, рис, фасоль, картофель, масло, капуста и свекла, чай, сахар, сухофрукты, яйца; поступало и молоко свежее и кислое, хотя и не в достаточном количестве. При складе выгуливалось стадо коров из 20 голов. По сравнению с голодающей армией, находившейся на иждивении Узун-Хаджи, это была хорошо организованная воинская структура.

Кирисенко и Лукьянов-Никитин выполняли самые разнообразные поручения по работе в тылу: вели агитацию, собирали и переправляли в отряд прячущихся по одиночке дезертиров, добывали сведения о положении противника. Пожилой рабочий грозненских промыслов Лукьянов-Никитин имел многочисленные знакомства среди чеченцев и пользовался среди них авто-

ритетом. Например, он как-то разрешил (!) им забрать для нужд своего хозяйства шпалы с железнодорожного полотна. В итоге транспортное сообщение между Терским краем и Дагестаном было на некоторое время прервано.

Дисциплину в своем отряде Гикало поддерживал строгими, но не крайними мерами. Организованный при штабе военно-полевой суд проводил дознание и следствие по преступлениям и дисциплинарным проступкам. Документы о деятельности отрядного суда, который в разное время именовался по-разному (военно-революционный трибунал, товарищеский суд), свидетельствуют о его вполне профессиональном уровне. Например, обвинения в провокаторстве проверялись с помощью свидетельских показаний и отвергались, не получив должного подтверждения; трупы и мародеры приговаривались к суровым наказаниям, которые решением командующего заменялись переводом на низшие должности с испытательным сроком. Все трофеи должны были передаваться в распоряжение штаба. Постепенно удалось добиться такого состояния дисциплины, когда бойцам проще было согласовать с командованием получение трофеев, чем потом оказаться под судом. Федоров, начальник подотдела связи, в донесении от 25 февраля 1920 г. просил: «Тов. Гикало, сегодня отобрано на поезде один полушубок, две пары ботинок, 7 пудов кишмишу и много другого. Разрешите взять полушубок, 2 пары ботинок и 1 пуд кишмишу и винтовки, так как люди раздеты и обезоружены»⁴⁰.

К марту 1920 г. в плоскостной Чечне и в Грозном практически не осталось белогвардейцев. Крохотная, но образцово-показательная армия Гикало беспрепятственно заняла город 17 марта. В советскую историю эта дата вошла как день освобождения Грозного от деникинцев.

18 марта 1920 г. в связи с победой над белогвардейцами Гикало объявил полную амнистию всем находившимся под следствием отрядного суда, а все сочувствующие коммунистам переводились в «действующие члены» РКП(б)⁴¹. Последний пункт приказа свидетельствует о степени партийно-политической грамотности командира.

В Гикало сочетались понимающий значение официальных бумаг бюрократ и человек дела — прагматик и циник. Находясь в дебрях кавказских гор, он заботился о впечатлении, которое его деятельность будет производить на командование, от которого его отделяли полтысячи километров.

В историю гражданской войны в Чечне бой 31 января 1920 г. под Воздвиженской вошел как крупное событие⁴². Однако штабные документы объединенного отряда гикаловцев и красных чеченцев, приказы и протоколы судебного заседания военно-полевого суда свидетельствуют, что бой не просто был проигран, он был организован неумело, паниковали не только рядовые, но и командиры среднего звена; Мордовцев даже применил плетку к отлынивавшему от выполнения своих обязанностей командиру роты. Давая свидетельские показания в ходе разбирательства по его делу, участники боя прямо говорили о всеобщей панике и неразберихе, из-за чего отряд потерял почти все свое имущество, в том числе и вооружение, которое было закуплено на деньги, присланные из центра в январе. Мордовцев как начальник административного отдела своим приказом 8 февраля объявил большинство частей чеченской Красной армии распущенными по причине небоеспособности, которую они показали 31 января⁴³.

Начало оценке этого боя как героического положил приказ от 4 марта 1920 г., где в п. 1 сказано: «1-й сводный красноармейский батальон покрыл себя незабываемой славой в истории революции на Северном Кавказе. Пусть знают черные генералы, офицерство и казачество, как дорого защищает свои права революционная беднота!». Формулировка п. 2 должна была затуше-

вать оглушительное поражение осуждением «единичных случаев» бегства с поля боя: «Мною замечено, что некоторые ответственные работники: командиры рот и бойцы в единичных случаях в бою вели себя самым постыдным и позорным образом».

Командование предало военно-полевому суду одного из командиров роты и нескольких бойцов и сменило комиссаров в 1-м отдельном батальоне⁴⁴. Но оно постаралось сделать так, что этот бой стали помнить как шестичасовое героическое сражение в плотном кольце постоянно наступающих денкинцев и многочисленных атак, отбитые партизанами.

Историк, интересовавшийся более поздней деятельностью Гикало во главе республиканской партийной организации в Белоруссии, отмечает его стремление быть первым. Во время работы он подавал себя как крупного регионального функционера, «мудрого руководителя большевиков Белоруссии» и «последовательного проводника указаний т. Сталина». Он использовал те же методы работы, что и главный вожь страны. Благоклонно наблюдал за появлением его собственного культа в республике. Свое окружение он формировал из людей, с которыми работал ранее в Средней Азии и Закавказье⁴⁵.

Признаки именно такого жизненного стиля вырисовываются уже в начале 1920 года. Бросается в глаза ревнивое отношение к своей власти и полномочию. Гикало занимался усиленной саморекламой. В донесениях в Астрахань и в Кавказский краевой комитет партии он приукрашивал обстановку и подчеркивал свои заслуги организатора: то, что революционная борьба горцев приняла централизованный характер, связано с его деятельностью по созданию ревкомов, которые находятся под его командованием⁴⁶. Линия авторитарного поведения прослеживается и в отношениях с другими командирами и присланными представителями центра.

Направленный штабом XI армии в начале февраля 1920 г. для помощи партизанским отрядам полк под командованием Лаврова не успел соединиться с ними в районе Кизляра, потрепанные в боях с белыми партизаны ушли в горы. Полк получил приказ взаимодействовать с отрядом Гикало. Видимо, он не желал терпеть пребывание рядом с собой более опытного командира, поэтому через неделю отослал его назад в Реввоенсовет XI армии «для доклада и связи», но уже без полка. Присланного Кавказским краевым комитетом в Шатой Назира Катханова штаб Гикало сначала игнорировал: Катханова (и прибывшего вместе с ним Б. Карачаева) даже не поставили на довольствие. Через две недели он был отправлен в Кабарду для организации восстания⁴⁷. Возможно, это объяснялось военной целесообразностью, но ряд других примеров свидетельствует об амбициях Гикало, связанных с острым нежеланием делиться полномочиями. Это качество, дремавшее до поры до времени, проснулось и расцвело с опорой на получаемые из центра мандаты, приказы и деньги.

Уже тогда Гикало не останавливался перед оговором соратников по борьбе. Воспользовавшись тем, что Заам Яндиев преподнес эмиру Узун-Хаджи от имени ВЦИКа подарки, Гикало написал в Реввоенсовет XI армии: «Он, на основании фактов утверждаю, определенный авантюрист. Он был комендантом Добармии во Владикавказе, потом агентом Добровольческой армии в Баку»⁴⁸.

Неприглядная история произошла у Гикало с заведующим агитационным отделом Т.Е. Гордиенко (наст. фамилия Нацвин, 1882—1962), командированным к его штабу Кавказским краевым комитетом. Первоначально между ними существовали товарищеские отношения, во всяком случае Гордиенко обращался к нему в письмах: «Дорогой т. Гикало» и подписывался: «Твой Гордиенко»⁴⁹. Но 5 февраля разразился кризис. Гордиенко, как сказано в приказе, скрылся из штаба «неизвестно куда» и Гикало объявил его

дезертировавшим, но не 5–6 февраля, а неделей раньше — 31 января во время боя под Воздвиженской⁵⁰. Гикало, может быть, и не знал куда скрылся Гордиенко, но почему тот скрылся, знал точно, так как 5 февраля Гордиенко написал ему несколько писем. В них он возмущался тем, что Гикало и его окружение игнорируют его и мешают вести работу по политико-агитационному отделу. Суть претензий изложена так: «Не желаю разыгрывать роль Курбского и писать упреки и обвинения, от этого нас должна избавить общность наших партийных взглядов и интересов. Нигде, никогда и нисколько я врагом Вам и нашему делу не буду. Я удаляюсь от Вас безо всего. Куда? Не все ли Вам равно. Зачем? — работать. Как? Как сумею. Ухожу после того, как убедился, что партии у Вас нет или, вернее, она в таких надежных руках, что беспокоиться мне совершенно излишне. Мое дальнейшее пребывание у Вас могло только породить раскол среди партийных людей и обострить еще больше мои и Ваши отношения. В Баку и Тифлисе я сообщу, что из Вашего отряда выехал. Считаю себя Вам нисколько не подчиненным, потому и действую так самостоятельно. Маленький совет: 1) поставьте на должную высоту партийный коллектив и опирайтесь на его избирательное право, как и на него самого и 2) вышлите Ваших помощников...»⁵¹. Гордиенко считал, что в отряде развели недопустимую групповщину: окружение Гикало держится «тройкой» — сам он, Мордовцев и Носов. Фамилию последнего Гордиенко написал прописными буквами, видимо, он — главный его гонитель как начальник политического отдела штаба и председатель партийной ячейки.

Склонность Гикало к образованию сплоченных групп, проводящих единую линию и противостоящих конкурентным силам, заметил и абхазский большевик Е.А. Эшба, наблюдавший методы его работы после возвращения в Чечню советской власти⁵². Также и кадаритский шейх Али Митаев в период обострения своих отношений с большевиками утверждал, что «гикаловская группировка» «отличалась своей напористостью и пробойностью»⁵³.

Желая подчеркнуть свою независимость, Гордиенко подписал свое письмо «делегат К.К.К.», но Гикало распорядился его задержать как дезертира. Из протокола заседания президиума отрядного комитета от 30 февраля известно, что Гордиенко был арестован комендантской службой «как контрреволюционер» и «бывший агент контрразведки», но затем отпущен. Комендантом штаба был чеченец Осман Ахтаханов, известный своим прямодушием и идейностью; вероятно, он и дал приказ об освобождении, не поверив в предъявленные Гордиенко обвинения, ведь тот читал бойцам замечательные лекции по марксизму!

Случай с Гордиенко вызвал обострение борьбы за полномочия. На бланке командующего Терской областной группой красных повстанческих войск Гикало представил в Кавказский краевой комитет такой доклад: «Некоторым партийным товарищам, направленным на партийную работу в Терскую область, Кавказским краевым комитетом выданы манданты, где не указывается, что они должны находиться в распоряжении моем, как члена Кавказского краевого комитета, а наоборот, [что они прибыли] просто для ведения партийной работы на Северном Кавказе. Владелец такого мандата определенно может думать (что и наблюдалось), что он здесь, в Терской области, должен работать как представитель Кавказского краевого комитета и кроме Кавказского краевого комитета признавать никого не может. Например, дезертировавший от опасности и преданный военно-революционному трибуналу Гордиенко, делегированный Бакинским Кавк[азским] краевым комитетом»⁵⁴.

Незадолго до этой истории Гикало весьма нервно отреагировал на попытки вывести из-под его власти отряды, располагавшиеся на территории Чечни, Ингушетии, Кабарды. В октябре 1919 г. в дагестанском ауле Леваша

был образован Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана. В начале 1920 г. до Гикало дошла весть о том, что члены Дагестанского комитета, представители ревкомов Ингушетии, Кабарды и Осетии создали Терскую областную секцию Совета обороны, которая стала раздавать чрезвычайные мандаты лицам, которых Гикало привык считать находящимися под своею дланью. В соответствии с полученными мандатами они теперь должны были быть подотчетны Совету обороны, но не его штабу. Например, председатель Совета обороны Султан-Саид Казбеков выдал Таштемиру Эльдарханову удостоверение о том, что он есть чрезвычайный уполномоченный от «Временного Совета обороны Северного Кавказа», командированный в Чечню для организации власти по инструкции, выработанной Советом обороны. Ему было поручено ведение переговоров с Узун-Хаджи на территориях, которые находились под влиянием последнего, то есть в восточной Чечне. Бетилгерю Берсанукаеву — удостоверение о том, что он ответственный организатор комитетов революционных горцев в горной части Веденского округа 2-го района⁵⁵. Это как раз те полномочия, которые Гикало считал закрепленными за собой.

Он обратился с протестом в Совет обороны, указывая, что двоевластие создает серьезные проблемы, что возникающие недоразумения удастся ликвидировать только «благодаря тому влиянию и уважению, которое здесь существует ко мне и штабу, но так долго продолжаться не может». Объединенное руководство над Дагестаном и Северным Кавказом ошибочно: нельзя объединять народности с различным экономическим, политическим и иным укладом жизни. Но главная причина его беспокойства в том, что штаб Терских красных войск остается в этом случае «за бортом», о чем он откровенно и пишет. Вторая часть направленного им в Совет обороны письма не случайно посвящена денежному вопросу. Гикало посылает дагестанцам 1 млн 100 тыс. руб. из сумм, доставленных из Астрахани, и обещает прислать еще⁵⁶.

Несмотря на то, что он рассматривал территорию Ингушетии как находящуюся под своей юрисдикцией, с командирами ингушских отрядов он не ладил. Между Гикало и Идрисом Зязиковым существовала взаимная неприязнь; уже упоминался случай доноса на Заама Яндиева, а командующему партизанскими отрядами в Ингушетии Хизиру Орцханову в донесениях в Кавказский краевой комитет были даны нелестные характеристики. Из контекста ясно, что конфликт с Орцхановым происходил по причине его нежелания подчиняться штабу Гикало: ингуши пользовались известной независимостью и держали под своим контролем Военно-грузинскую дорогу и перевалы, через которые поступали деньги от комитета. Гикало предпочитал посылать туда тех своих сотрудников, которые сумели договориться с ингушами.

Способностям Гикало нашлось применение после восстановления советской власти в Грозном. Командир экспедиционного корпуса Смирнов и военком Елецкий 28 марта подписали приказ об образовании Владикавказско-Грозненского революционного комитета вместо Грозненского Военно-революционного совета. Реорганизация была поручена Гикало. Начальник гарнизона становился военным комиссаром, а его управление — комиссариатом. На следующий день штаб Терской группы красных повстанческих войск со всеми отделами был упразднен, а в документах должность Гикало с этого числа обозначалась как «ответственный военно-политический организатор [советской власти]» в Грозненско-Владикавказском районе. Новый ревком он «сконструировал», по его собственному выражению, из старых соратников. В тот же день, 29 марта, Гикало был назначен командиром 437-го стрелкового полка — ревкому нужна вооруженная сила. 6 апреля РВС Кавказского фронта поставил его также и военкомом Терской области, «командующим в военкомате по всем вопросам военно-оперативного характера»⁵⁷.

Но вскоре развернулись иные события, потребовавшие его участия.

В мае 1920 г. командующий Волжско-Каспийской флотилией красных Ф.Ф. Раскольников с разрешения центра вторгся на территорию персидской провинции Гилян под предлогом возврата военного имущества и флота, уведенного белыми в Персию. Затем, мотивируя свое дальнейшее присутствие борьбой с английским империализмом, командование экспедиционного корпуса стало расширять свою деятельность на территории сопредельного государства. Была создана Персидская красная армия. Сформировалась она из романтиков-авантюристов, выкатившихся с территории Закавказья вслед за матросско-партизанским отрядом Раскольникова. Первого главнокомандующего «Персармии» генерал-майора царской армии Василия Каргалетели, служившего меньшевистской Грузии, а потом мусаватистскому Азербайджану, сменил в сентябре 1920 г. Николай Гикало, формально сохранивший за собой пост заместителя председателя Исполнительного комитета Терского областного совета. Его вызвал и назначил на этот пост Орджоникидзе. По мнению В.Л. Гениса, «бакинцы» (Орджоникидзе, Н.Н. Нариманов) саботировали решение московского руководства о немедленной ликвидации революционного правительства Эхсануллы и отводе всех советских войск с территории Персии⁵⁸.

С осени 1920 г. военные действия приобрели позиционный характер. Ближе к зиме 1921 г. Гикало вызвал в Персию свою команду: Костерина, братьев Александра и Николая Носовых, также работавших в штабе; Оскара Пиллера, председателя Грозненского совета в 1918 году. Все они вместе не видели разницы между Узун-Халджи и Эхсаноллой, между Грозным и Тегераном, и готовили народное восстание.

Судя по воспоминаниям А.М. Ворожевой, жены Костерина, это было сделано чуть ли не частным порядком: от Гикало пришла телеграмма с предложением ехать в Персию⁵⁹. Много лет спустя ставший писателем Костерин в рассказе «Русские дервиши» описал этот персидский поход, царившую тогда там странную атмосферу всеобщего эксперимента — социального, политического, культурного. Реввоенсовет и армия пытались пробудить гилянских крестьян от феодального оцепенения, а представители авангарда литературного — Велимир Хлебников и художественного — Мечислав Доброковский курили в чайхане терьяк и творили непонятные командованиям новые формы искусства. Зато персы почитали этих русских как святых.

Вместе с мужчинами в Персию отправились жены и подруги. Вслед за Костериним поехала его беременная жена. В воспоминаниях она писала, что при подходе парохода к Энзели увидела на борту встречного судна много знакомых лиц, в том числе и казаков, служивших при белых в Грозном, а теперь прибывших в Персию делать революцию. С собой она привезла из Баку двоюродную сестру Костерина — девочку лет пятнадцати. Она также упоминает Веру Гикало, сестру Николая Федоровича, которая последовала в Персию — не столько за братом, сколько за Пиллером, от которого там родила дочь. Борис Мугуев тоже приехал с семьей. Вся эта родственно-товарищеская компания жила в Реште во дворце падишаха. Анна Костерина устроилась письмоводителем в штаб «Персармии». Питались все они довольно скромно из армейского котла, но зато ели много апельсинов. Это было во всяком случае лучше, чем переживать голод 1921 г. в России.

Осенью 1921 г. Гикало и другие участники гилянской экспедиции вернулись на родину. Затем он работал на различных руководящих постах в Северо-Кавказском крае, а в 1922 г. окончательно перешел на партийную работу. В 1926—1927 гг. Гикало прошел обучение на курсах марксизма-ленинизма при Коммунистической академии, после чего стал еще более уверенно

подниматься по карьерной лестнице. Около двух лет (1927—1929) он работал в Средней Азии — сначала как член Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б), потом первым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана.

Это назначение не было случайным. Если обратиться к брошюре тюркского деятеля национально-демократического толка Мустафы Чокая «Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата)» (1928 г.), то становится очевидным, что это была среда, хорошо знакомая Гикало по Северному Кавказу. Чокай писал, что в 1927 г. в главном партийном издании Туркестанского края всерьез обсуждался вопрос о Ленине — не послан ли он аллахом. При этом приводились «самые серьезные доказательства» со ссылками на коранические толкования в пользу признания Ленина пророком. В этой связи Чокай цитировал книгу «Колониальная революция. Опыт Туркестана» большевика Г. Сафарова, армянина по национальности, написанную в 1921 г., в которой тот обобщил свой опыт работы в качестве члена Туркбюро ЦК РКП(б). Сафаров критиковал политику отстранения национальной интеллигенции от участия в управлении, шовинистическое высокомерие и колониаторскую психологию политически неграмотных и малокультурных представителей центральной власти⁶⁰.

Работая затем на Северном Кавказе, Гикало вел борьбу со сторонниками председателя правительства Горской АССР Симона Токаева, которые считали необходимым сохранять внутреннюю самостоятельность национальных регионов, относительную свободу вероисповедания, выступали против разжигания классовой борьбы в деревне, то есть фактически отстаивали принципы мусульманского социализма⁶¹. Победа осталась за «гикаловцами», среди них были не только его русские соратники, но и представители горских народов — чеченцы: председатель Чрезвычайного ревкома Халид Ошаев и чекист Мазлак Ушаев, а также Николай Саламов, заместитель председателя Чеченского облисполкома, осетин.

Только как доказательство успешной с точки зрения центрального аппарата работы можно расценивать назначение Гикало в 1929 г. первым секретарем ЦК КП(б) Азербайджана и перевод в 1930 г. в Москву в аппарат ЦК ВКП(б), а затем в Московский комитет ВКП(б).

В течение пяти лет (1932—1937) он возглавлял партийную организацию Белорусской ССР. С его именем связаны проведение индустриализации республики, ликвидация массовой неграмотности, строительство в Минске крупнейших зданий — Дома правительства, Театра оперы и балета, Дома Красной армии, Дворца пионеров. Приехав в Белоруссию как «специалист» по национальной интеллигенции он взял под личный контроль ее творческую часть. В 1930-е годы практически на всех белорусских писателей спецслужбами был собран компромат. Ни один политический процесс не обходился без ареста и осуждения писателей; их включали во все крупные «контрреволюционные организации». При Гикало в республике прошли чистки партактива. Он входил в состав «троек», выносивших в основном расстрельные приговоры. В рамках идеолого-политической кампании по разоблачению троцкизма, начатой в январе 1935 г., подверглись арестам заместитель председателя СНК БССР, председатель Госплана республики М.С. Галенда; уполномоченный Наркомвнешторга СССР при СНК БССР И.И. Флиор; вице-президент Белорусской академии наук, член ЦК КП(б)Б и ЦИК БССР, в прошлом видный деятель польского крестьянского и коммунистического движения Т.Ф. Домбаль; белорусский писатель Янко Неманский (И.А. Петрович) и многие другие видные общественные и культурные деятели. Архивы сохранили свидетельства сотрудничества партийного руководства республики и лично Гикало с местными и центральными органами НКВД.

В январе 1937 г. начался спуск с политического Олимпа — перевод на должность первого секретаря Харьковского горкома, а в октябре последовал арест. Историк Э. Иоффе обнаружил в Национальном архиве Беларуси докладную записку находившегося под следствием 13 месяцев бывшего редактора газеты «Звезда» Н. Стернина, выпущенного в 1939 году. По его свидетельству, от него добивались признания того, что Гикало был организатором в Минске «боевых террористических групп», которые готовили покушение на К.Е. Ворошилова. Следователи также хотели найти доказательства, что бывший первый секретарь возглавлял в Белоруссии троцкистское подполье и был агентом английской разведки⁶². В апреле 1938 г. Гикало был приговорен к высшей мере наказания, приговор был приведен в исполнение незамедлительно.

Так закончился жизненный путь Николая Федоровича Гикало, человека сколь харизматического, столь и несимпатичного; энергичного и амбициозного прагматика, умевшего ждать, а дождавшись не упускать своего шанса. Совершенно неожиданные черты его личности, однако, отражены в воспоминаниях Анны Михайловны Ворожевой-Костериной. Они познакомились в Грозном в 1918 г. и вели переписку вплоть до его ареста в 1937 году. Оказалось, что его в те молодые годы посетило сильное чувство. Он полюбил чеченскую девушку Айшу, по-видимому, сестру Асланбека Шерипова. Гикало посватался, но ее отец заявил, что согласится при одном условии: Николай должен принять ислам и жениться в соответствии с шариатом. Гикало, очевидно, как коммунист, не мог на это пойти, и разразилась романтическая драма — влюбленные стреляли в себя, но оба выжили. Гикало увезли в Грозный. По-видимому, этот эпизод относится к лету 1920 г.; после выздоровления Гикало принял участие в персидском походе Красной армии. Позже он женился на Наталье Евгеньевне Чижовой, которая относилась к категории жен-партиек — работала зав. отделом агитации и пропаганды Минского горкома, затем старшим научным сотрудником Украинского музея революции в Харькове. Она стала его верной спутницей и была репрессирована вместе с ним, но ей посчастливилось дожить до реабилитации.

Живые штрихи содержит и стенограмма выступления Гикало на вечере Северокавказского Истпарта в августе 1925 года. Он говорил о том, что есть много личного в деле революционной борьбы; у каждого есть воспоминания, которые не отпускают; что даже для него это тема трудная, почти невозможная. Но он все же вспомнил одного красноармейца, раненного в бою под Воздвиженской 31 января 1920 года. Пулей ему разворотило нижнюю челюсть и оторвало язык, но, истекая кровью, он продолжал стрелять, пока товарищам не удалось, с трудом, вырвать из его рук винтовку. Фельдшер-ветеринар (вероятно, сам Гикало) сделал ему без наркоза операцию: простым ножом обрезал разорванные ткани. Через неделю боец умирал в полном сознании и обрубком языка пытался петь: вы жертвою пали в борьбе роковой⁶³. Выступавшие на подобных мероприятиях участники гражданской войны нечасто обращались к столь травмирующим воспоминаниям. Из рассказа Гикало видно, что и этот жесткий человек вкладывал в революцию много личного.

Столь противоречивая фигура и в дальнейшем не могла не вызывать двойственные оценки. Когда-то воевавшие вместе с ним чеченские красные партизаны и после возвращения из ссылки находили теплые слова, вспоминая его. В сегодняшней исторической памяти чеченцев Гикало чаще отводил место в ряду тех, кто был причастен к подавлению их национальной идентичности. Насколько справедливы эти упреки — тема отдельного разговора, где речь должна идти не только о нем, но и о его политических соперниках — национальных лидерах широкого политического спектра, и о состоянии вайнахского этноса в первой четверти XX века.

1. ШИПУЛИН Н.Г. Главком Треча. Грозный. 1970; ЗАЛЕСКИЙ К.А. Империя Сталина. М. 2000.
2. Он вырван был из жизни тесной... В кн.: Знаменитые чеченцы: исторические очерки. Кн. 2. М. 2005, с. 285—291.
3. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия — Алания (ЦГАРСО-А), ф. 852, оп. 1, д. 5, л. 1.
4. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ), ф. 21, оп. 1, д. 886, с. 26—27. Записано в 1921 году.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5881, оп. 2, д. 527, л. 12—15.
6. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 125, л. 20об., 40; ЦГА РСО-А, ф. Р-60, оп. 1, д. 785, л. 79.
7. Записки Костериной-Ворожевой А.М. (1964 г.). Рукопись, с. 29. Семейный архив Алексея Олеговича Смирнова, Москва.
8. Государственный архив Ростовской области, ф. Р-2993, оп. 1, д. 22, л. 169.
9. Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 6, с. 517.
10. АКАЕВ В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов-н/Д—Грозный. 2004 (URL: http://ippk.edu.mhost.ru/elibrary/elibrary/authors/aut_02/aut_02_04.htm).
11. ТИНЧЕНКО Я. Чеченский след Михаила Булгакова. — Чеченское общество сегодня, 2007, № 6(14), с. 19; ДЕ ВИТТ Д. Чеченская конная дивизия. 1919 год. — Звезда, 2005, № 10, с. 146—149.
12. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 228.
13. Там же, л. 327, 231.
14. Там же, д. 88а, л. 25.
15. Там же, д. 886, л. 327.
16. Там же, д. 340, л. 1.
17. Там же, д. 886, л. 82, 452, 447.
18. Там же, л. 2; д. 340, л. 2.
19. Там же, д. 886, л. 374.
20. Там же, л. 160.
21. Там же, л. 430, 37, 90, 331—335.
22. ГАММЕР М. Шамиль. М. 1998, с. 309.
23. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 437—438.
24. Там же, л. 86. Гикало — Абдул-Рашиду Исаеву, 16.III.1920.
25. Там же, л. 188.
26. Там же, л. 438.
27. ГАММЕР М. Ук. соч., с. 326.
28. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 81.
29. Там же, д. 88а, л. 23—24, 105; д. 886, л. 38, 68—69, 411—413.
30. Там же, д. 886, л. 79, 89—90, 105.
31. Цит. по: ЕФИМОВ Н.А. Обратная сторона легенды. — Фигуры и лица, 15.III.2001.
32. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 113, л. 16, 17.
33. МИКОЯН А.И. Так было. М. 1999, с. 214.
34. ГАРФ, ф. 5881, оп. 2с, д. 728, л. 12; МАТВЕЕВ О.В. Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX в.). Краснодар. 2005, с. 184; Русская армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М. 2003, с. 631—632.
35. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 431.
36. ТАМАРИН В. Пустыня. — Красная новь, 1921, № 3, с. 74.
37. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 218.
38. Записки Костериной-Ворожевой, с. 53.
39. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 331.
40. Там же, л. 497.
41. Там же, л. 124.
42. ОШАЕВ Х. В сердце Чечни. Грозный. 1928.
43. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 146—147, 263, 254.
44. Там же, л. 345.
45. ИОФФЕ Э. Трагедия Николая Гикало. — Вечерний Минск, 26.III.2007.
46. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 463—466.

47. Там же, л. 456, 466, 473, 237, 338.
48. Там же, д. 340, л. 1.
49. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), ф. Р-1774, оп. 2 д. 324, л. 2.
50. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 92, 132.
51. ЦДНИКК, ф. Р-1774, оп. 2, д. 324, л. 5.
52. ЦГА РСФСР-А, ф. Р-1, оп. 1, д. 120, л. 20.
53. Цит. по: АКАЕВ В.Х. Ук. соч., с. 99.
54. ЦДНИКК, ф. Р-1774, оп. 2, д. 324, л. 6.
55. НА СОИГСИ, ф. 21, оп. 1, д. 886, л. 176, 181.
56. Там же, л. 484, 109, 487, 488.
57. Там же, л. 324, 365—366, 504, 505.
58. ГЕНИС В.Г. Большевики в Гиляне. — Вопросы истории, 1999, № 1.
59. Записки Костериной-Ворожевой, с. 58.
60. ЧОКАЙ-ОГЛЫ М. Туркестан под властью Советов. Алма-Ата. 1993, с. 53, 69.
61. Он вырван был из жизни тесной..., с. 298.
62. ИОФФЕ Э. Ук. соч., с. 99.
63. Центр документации новейшей истории Ростовской области, ф. 12, оп. 3, л. 248, л. 18—20.

Письмо В.М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.)

Следующий вопрос, возникший у меня при рассмотрении проблемы мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем, можно сформулировать так — *ослабляются ли с ходом истории противоречия между социализмом и империализмом?*

Мне кажется, что уяснение этого вопроса также важно для установления самой возможности мирного сосуществования социализма с капитализмом.

Программа КПСС гласит:

«...Ныне мировой капитализм вступил в новый... этап кризиса. Отпадение от капитализма все новых стран; ослабление позиций империализма в экономическом соревновании с социализмом; распад колониальной системы империализма... — в этом находит свое выражение общий кризис капитализма.

Ликвидация капиталистического строя в большой группе стран, развитие и укрепление мировой социалистической системы, распад колониальной системы и крушение старых империй, начавшаяся ломка колониальной структуры экономики освободившихся стран, расширение экономических связей между этими странами и миром социализма — все это усугубляет кризис мирового капиталистического хозяйства».

Мы совершенно справедливо замечаем, что

«страны империализма утратили свою былую монополию на снабжение мирового несоциалистического рынка средствами производства, а также в области кредита, займов и технических услуг» (Хрущев. Отчет ЦК XXII съезду КПСС).

В.И. Ленин доказал, что рост государственно-монополистического капитала, территориальный раздел всей земли между отдельными империалистическими державами, борьба за сферы влияния, за сферы приложения капитала, за рынки сбыта, их передел, их сужение — ведут и не могут не вести «к гигантскому обострению всех капиталистических противоречий, как внутри капиталистических стран, так и между ними». В.И. Ленин доказал, что все эти факторы, все эти противоречия империализма ведут и не могут не вести к империалистическим войнам, экономически неизбежным.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории, 2011, № 1—6, 8.

А что означают слова Программы КПСС об «усугублении кризиса мирового капиталистического хозяйства», «ликвидации монополии капиталистических государств на поставки оборудования и кредиты» и т.д.? Они означают не только усиление и обострение внутренних и внешних противоречий империализма — *они означают усугубление и обострение противоречий и между социализмом и капитализмом.*

Я уже обращался к письму В.И. Ленина VIII съезду Советов, в котором он указывал, что «ряд самых ужасных столкновений между Советской Республикой и буржуазными государствами неизбежен». Теперь я должен добавить, что мирное существование социалистических государств с империалистическими «продолжительное время немыслимо» не только потому, что с точки зрения марксизма-ленинизма немыслимо мирное сосуществование двух друг другу классово враждебных, антагонистических лагерей, но и потому, что «продолжительное время немыслимо» мирное сосуществование двух противостоящих друг другу *экономических конкурентов.*

С точки зрения марксизма-ленинизма, сужение империалистического рынка сбыта, сужение сфер приложения капитала, а следовательно, и сфер политического влияния, *в результате активного вступления на мировой рынок такой мощной ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОНОПОЛИИ, как объединенный социалистический лагерь,* — ведут и не могут не вести к дальнейшему обострению *экономических* противоречий между социализмом и империализмом. По-моему, по мере роста экономического могущества и экономической конкурентоспособности социалистических стран, выступающих на мировом рынке как единая политико-экономическая монополия, неизбежно должны будут приходить во все большее столкновение экономические, а значит и политические, и военные интересы социализма и капитализма, неизбежно будут обостряться и накаляться экономические, политические и военные антагонизмы между социалистическими и капиталистическими государствами.

Вспомним выступление Хрущева на XXI съезде КПСС, где он говорил:

«В капиталистическом мире широко развита конкуренция. Когда два конкурента ведут между собой борьбу за покупателя и покупатель идет в конце концов к одному из них, к тому, кто дешевле и лучшего качества предлагает товар, то ведь другой конкурент не умирает, его не лишают жизни, физически не уничтожают. Мы обращаемся к капиталистическим странам: давайте действовать по этому, доступному для вашего понимания, способу. Вы не хотите называть отношения между странами мирным соревнованием. Вам больше нравится слово конкуренция. Пожалуйста, мы согласны» (Стенографический отчет XXI съезда, т. II, стр. 402).

Хрущев сказал «пожалуйста», но он забыл добавить, что, хотя в конкурентной борьбе побежденного и не уничтожают физически, — его разоряют, оставляют нищим и полностью покорным воле победителя. Хрущев забыл добавить, что законы капиталистической конкурентной борьбы, не брезгающие никакими средствами для удушения своих экономических противников, давным-давно, без призыва к тому Хрущева, являются законами не только внутренней, но и внешней политики капиталистических государств.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу *о мирном экономическом соревновании социализма и капитализма, о революционизирующем влиянии примера.*

В докладе на февральском Пленуме Центрального Комитета КПСС 14 февраля 1964 г. М.А. Суслов говорил:

«Марксисты-ленинцы... видят революционизирующее значение побед социализма в экономическом соревновании в том, что они стимулируют классовую борьбу

трудящихся, делают их сознательными борцами за социализм. Мирное экономическое соревнование не только не обрекает массы на пассивное ожидание, а, напротив, побуждает их революционную активность».

И еще, —

«Вопрос о мирном экономическом соревновании по своей сути далеко не только экономический. В нем заложен глубокий политический смысл: победить капитализм экономически — это значит серьезно облегчить всем революционным силам их борьбу против империализма».

М.А. Сулов прав. Взятый *сам по себе* вопрос о революционизирующем влиянии примера целиком и полностью отвечает ленинскому указанию на то, что главное воздействие на ход мирового революционного движения социализм должен оказывать своими хозяйственными успехами. Но что означает это ленинское указание?

Мне кажется, что оно, по сути дела, означает, что социализм должен наглядно продемонстрировать трудящимся массам капиталистических стран, что только социалистический строй обеспечивает подавляющему большинству населения более высокий жизненный уровень, чем строй капиталистический, ибо, и в этом смысле Сулов также прав, «в наше время о достоинствах социализма судят не только по теоретическим трудам, но прежде всего по делам, по тому, как коммунисты практически решают задачи строительства нового общества».

Ясно, что только *победив* (уже победив!) капитализм экономически, мы можем конкретно говорить о революционизирующем влиянии примера.

Эту важнейшую нашу задачу — победить капитализм экономически — мы пока еще не решили. И я думаю, что это мое утверждение не нуждается в доказательствах. Ну, а если найдутся сомневающиеся, — пусть послушают Хрущева, который на XX съезде вещал:

«Только несправимые хвастуны могут закрывать глаза на то, что в экономическом отношении мы еще не перегнали наиболее развитые капиталистические страны, что уровень производства у нас пока что недостаточен для обеспечения зажиточной жизни всех членов общества» (Стенографический отчет XX съезда, стр. 196).

А в 1964 г. Хрущев повторил эту мысль еще красочнее и определеннее:

«Если мы на деле не покажем преимуществ нашего социалистического строя, преимуществ в быстром подъеме экономики страны, в неуклонном росте материальных и духовных благ, если советские люди не будут жить лучше, чем они жили до революции, тогда многие скажут: слушайте, говорят, что коммунисты строят социализм, а зачем он нам? Вот русские, говорят, живут при социализме, а ходят без штанов, так что — вы хотите их примеру следовать? А мы и при капитализме носим не одни штаны, а штаны, да еще пиджак в придачу» (Речь на митинге советско-германской дружбы 12 июня 1964 г.).

Я позволю себе немного задержаться на этой цитате, ибо она — еще один характерный пример того, что после октябрьского 1964 г. Пленума ЦК КПСС принято именовать теоретической «беспечностью» Хрущева.

Что означает употребление *будущего* времени в этой цитате?

По прямому смыслу слов Хрущева оно означает, что *до настоящего* времени, мы, то есть социалистический строй, еще *не показали* преимуществ

нашего строя и, больше того, что мы, советские люди, пока не живем лучше, чем жили до революции.

Ничего себе «теоретическая беспечность»! Мне кажется, что это именно такая беспечность, по поводу которой В.И. Ленин говорил:

«Я спрашиваю, допустимо ли говорить в коммунистической партии в таком тоне? Это контрреволюционно» (т. 31, стр. 223).

Да простят мне это лирическое отступление...

Но факт остается фактом — о революционизирующем влиянии нашего примера как о стимуляторе классовой революционной борьбы трудящихся масс против капитализма нам говорить пока что рано. Выражаясь словами Хрущева, для этого нам хотя бы следует надеть штаны.

Мы признали реальным и правильным положение о том, что «в наше время о достоинствах социализма судят... прежде всего по делам, по тому, как коммунисты практически решают задачи строительства нового общества». Если сопоставить это положение с тезисом Программы КПСС о мирном экономическом соревновании и с нашими многочисленными заявлениями о том, что нам еще довольно далеко до уровня жизни в передовых капиталистических странах, *то спрашивается, разве подобное сопоставление не означает весьма прозрачного и недвусмысленного обращения к трудящимся массам развитых капиталистических стран с призывом не спешить с революциями, воздержаться от решительных действий до того момента, когда им, этим трудящимся массам, не станет ясно, что социалистический «продавец» предлагает им только дешевле и лучшего качества, чем «продавец» капиталистический?*

Мне кажется, что мы можем сколько угодно кричать «да здравствует социалистическая революция!», но [если] наряду с этим поучать, именно поучать, что покуда эта самая революция не дала трудящимся массам в материальном смысле больших благ, чем капиталистический строй, — подобная наука и подобная агитация за социалистическую революцию ничего, кроме лицемерных фраз не содержит и объективно преследует совершенно противоположные цели.

Это — одна сторона вопроса о мирном экономическом соревновании социалистических и капиталистических государств.

Но есть еще и другая сторона. М.А. Суслов прав, когда заявляет, что «вопрос о мирном экономическом соревновании по своей сути далеко не только экономический», что «в нем заложен глубокий политический смысл». Но, поднимая вопрос о мирном экономическом соревновании социализма с капитализмом, о революционизирующем влиянии примера, Суслов направляет наше внимание только на одну сторону этого политического вопроса, обходя стороной сам тезис о возможности МИРНОГО соревнования социализма с капитализмом.

Социализму нужен мир. В условиях мира с наибольшей полнотой раскрываются все преимущества социалистического способа производства над капиталистическим. Мирное экономическое соревнование несет с собой в конечном итоге победу, экономическую и политическую, над капитализмом. Все это — ясно. Все это — бесспорно. **НУЖЕН ЛИШЬ МИР.**

И вот тут-то снова во весь рост всплывает основная проблема войны и мира.

И вообще, нельзя не сказать, что теоретики и составители Программы КПСС страдают странной забывчивостью. Эта забывчивость наглядно проявляется и в существующем, по Программе, *отрыве внешней политики от политики внутренней*, в стремлении разъединить их друг от друга, представить *независимыми* друг от друга.

В разделе, посвященном общему кризису империализма, Программа КПСС называет в числе фактов, в которых находит свое выражение этот кризис, и следующие:

«Небывалое усиление политической реакции по всем линиям, отказ от буржуазных свобод и установление в ряде стран фашистских режимов; обострение противоречий империализма с ростом государственно-монополистического капитализма и ростом милитаризма».

Во многих материалах по Программе КПСС дается более широкая и впечатляющая картина *развернутого наступления реакции* по всему фронту общественно-политической жизни *внутри капиталистических стран*. И если мы марксисты-ленинцы, вряд ли нам к лицу забывать указание В.И. Ленина на то, что

«выделять “внешнюю политику” из политики вообще или тем более противопоставлять внешнюю политику внутренней есть в корне неправильная, не марксистская, не научная мысль» («О карикатуре на марксизм и об “империалистическом экономизме”»).

Если это так, если и это указание В.И. Ленина не относится к догме и действует и в наше время, то не значит ли это, что все попытки теоретиков и сторонников Программы КПСС совместить утверждения о *развернутом наступлении реакции внутри капиталистических государств* с утверждениями о возможности проведения этими государствами *нереакционной внешней политики, политики мирного сосуществования*, — не значит ли это, что они выглядят карикатурой на марксизм?

Конечно, и с этим не спорят, мировая война, тем более термоядерная, была бы страшным бедствием для человечества. И коммунисты должны приложить все силы и средства для предотвращения новой мировой войны, которая, с точки зрения марксистско-ленинского учения о классах и классовой борьбе, НЕИЗБЕЖНА ДО ТЕХ ПОР, ПОКА НА ЗЕМЛЕ СУЩЕСТВУЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ В ЛИЦЕ КРУПНЕЙШИХ И ПЕРЕДОВЫХ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ.

В качестве главного опорного пункта идея мирного сосуществования государств с противоположным общественным строем предполагает отказ от войны как средства решения спорных межгосударственных вопросов. Программа КПСС провозглашает, что

«КПСС и весь советский народ будут и впредь выступать против всех и всяких захватнических войн, в том числе против войн между империалистическими государствами, против локальных войн, направленных на удушение освободительных народных движений, и считают своим долгом поддерживать священную борьбу угнетенных народов, их справедливые освободительные войны против империализма» (стр. 62).

Это положение Программы КПСС, несмотря на его внешнюю красоту, на мой взгляд, также противоречит марксизму-ленинизму.

Говоря о противоречиях между капиталистическими государствами, В.И. Ленин указывал:

«Можем ли мы остаться равнодушными и только сказать, как коммунисты: “мы будем пропагандировать коммунизм внутри этих стран”. Это правильно, но это не все. Практическая задача коммунистической политики есть задача использования этой

вражды, ставливая их друг с другом... Не совершаем ли мы преступления против коммунизма? Нет, потому что мы делаем это, как социалистическое государство, ведущее коммунистическую пропаганду и вынужденное использовать каждый час, дарованный ему обстоятельствами, чтобы укрепить с максимальной быстротой» (т. 31, стр. 415).

В.И. Ленин постоянно возвращался к этой мысли. Он говорил:

«Вести войну мы не можем... Политически мы должны использовать разногласия между противниками, и только глубокие разногласия, объясняемые глубочайшими экономическими причинами» (т. 31, стр. 419).

На основе марксистского анализа В.И. Ленин вскрыл существовавшие в его время непримиримые противоречия между империалистическими странами. Ленин указал на противоречия между Японией и Америкой, между Антантой и Германией, между Америкой и всем остальным капиталистическим миром.

Как известно, ленинский анализ блестяще оправдался. И именно потому, что партия в своей внешней политике неуклонно следовала ленинским указаниям, первому в мире социалистическому государству удалось на 20 лет растянуть завоеванную мирную передышку.

Без всяких прикрас, открыто и громогласно, не боясь обвинений в «людоодедстве» и «антигуманизме», в тяжелейшие и напряженнейшие годы существования советской власти, великий реалист заявлял:

«Еще больше спасло бы нас то обстоятельство, если бы империалистические государства оказались в войне. Если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как капиталистические воры, из которых каждый точит нож против нас, прямая наша обязанность двинуть эти ножи друг против друга» (т. 31, стр. 419).

Я допускаю, что слова Программы КПСС о «борьбе» КПСС и советского народа с войнами *между империалистическими государствами* сказаны для красного словца. Но последую дальше.

Что означает отказ от войн *вообще*, от всех и всяких войн? Мне кажется, что правильно ответить на этот вопрос можно, лишь снова возвратившись к той работе В.И. Ленина, в которой он писал, что *«если мы вынуждены терпеть таких негодяев, как капиталистические воры...»*

В подчеркнутые мной слова В.И. Ленина вложен огромный смысл, в них — принципиальная, коренная противоположность марксистско-ленинского учения о войнах с точкой зрения на этот вопрос Программы КПСС.

В этой же речи, несколькими словами выше, так же открыто и громогласно, на весь мир, как он провозгласил, что война между империалистическими государствами очень помогла бы нам, В.И. Ленин заявил:

«Как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить весь капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот» (т. 31, стр. 413).

Программа КПСС, ее теоретики и сторонники торжественно провозгласили, что ныне не империализм, а социализм определяет судьбу мира, что в нашей стране социализм победил окончательно и бесповоротно, т.е. что ныне нам не страшны *никакие* военные и прочие поползновения империализма.

В.И. Ленин учил (я уже обращался к данным цитатам):

«Внешняя политика Советской власти никоим образом не должна быть изменена. Наша военная подготовка *еще* не закончена...».

«Наша точка зрения такова: пока большие уступки и величайшая осторожность...»

«Пока остались капитализм и социализм, они мирно жить не могут...»

«Только *после того*, как мы низвергнем, окончательно победим и экспроприруем буржуазию во всем мире, а не только в одной стране, войны станут невозможными».

«Окончательная победа в одной стране невозможна».

Если мы сопоставим все эти высказывания В.И. Ленина одно с другим, то мы со всей очевидностью увидим, как неразрывно связаны все они в одно целое. Вопрос об окончательной победе социализма в нашей стране, вопрос о пролетарском интернационализме, вопрос о мировой революции — все эти вопросы окажутся нерасторжимыми от вопроса и о *революционных войнах*.

По В.И. Ленину, социализм может окончательно победить только в случае победы социалистических революций в ряде крупнейших, передовых капиталистических стран. Социализм и капитализм мирно жить не могут. Война между ними неизбежна. Войны между империалистическими государствами неизбежны. Войны несут неисчислимые бедствия для человечества.

И, *отсюда* — как только мы станем сильнее империализма, — «мы немедленно схватим его за шиворот».

Ясное, последовательное, марксистское мышление В.И. Ленина давало ему право с полным основанием заявлять:

«Мы не пацифисты. Мы противники империалистических войн из-за раздела добычи между капиталистами, но мы всегда объявляли нелепостью, если бы революционный пролетариат зарекался от революционных войн, которые *могут* оказаться необходимыми в *интересах социализма*» (т. 23, стр. 361).

«Говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож, когда вопреки сотням наших предложений и при неслыханных уступках, на которые мы идем... — говорить это нам — значит повторять... фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами, должны были бы дать зарок, как это нам предлагают, что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военном-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками. Вот к чему нас ведут эти пацифистские фразы и резолюции. Они приводят к тому, что Советскую власть, окруженную врагами, хотят связать по рукам и ногам и отдать на растерзание мировым капиталистическим хищникам» (т. 31, стр. 488).

Программа КПСС провозгласила, что

«КПСС и весь советский народ... считают своим долгом поддерживать священную борьбу угнетенных народов, их справедливые освободительные войны против империализма».

Будем поддерживать... А чем, как? Морально, материально?

Мы обвиняем империалистов в «одностороннем, классовом подходе к идее сотрудничества социалистических и капиталистических государств» (см., например, книгу «Некоторые вопросы теории и практики строительства коммунизма», 1961 год). Любопытно, а какой другой подход хотели бы мы видеть у империалистов? Внеклассовый? «Общечеловеческий»?

Империалисты заливают кровью землю социалистического Вьетнама, а мы — мы отделиваемся громкими фразами...

Провозглашая поддержку священной борьбе угнетенных народов, Программа КПСС между тем совершенно игнорирует ленинское указание на то, что когда

«мы говорим о защите нами союза с угнетенным классом, с угнетенными народами», — мы должны «оставаться верны этому союзу... Эта задача нелегка. Эта задача не дает забывать того, что при известных условиях без революционной войны не обойдемся. Ни один революционный класс от революционной войны зарекаться не может, потому что иначе он вынуждает себя на смешной пацифизм... Зарекаться от этой войны нельзя. Это значит впасть в толстовство, в мешанство, забыть всю науку марксизма» (т. 25, стр. 25).

Как раз это и сделала Программа КПСС, провозгласив отказ от войн вообще в качестве первоосновы политики мирного сосуществования.

Основной довод теоретиков и защитников политики мирного сосуществования заключается в том, что они считают, —

«...хотя природа империализма, его хищническая сущность остаются неизменными, но изменилось *соотношение сил* на мировой арене, другими стали место и роль империализма в мировой экономике и мировой политике, уменьшается возможность его воздействия на ход событий. Все это и *вынуждает* империалистов идти на мирное сосуществование» (Суслов, доклад на Пленуме ЦК КПСС 14/II-64 г. Подчеркнуто — ГМ).

Соотношение сил на мировой арене вынуждает империалистов идти на мирное сосуществование — вот основной аргумент теоретиков и составителей Программы КПСС в защиту тезиса о возможности мирного сосуществования социалистических и империалистических государств.

Что можно сказать по этому поводу? Бесспорно, что ныне не 1924 год, а год 1964. Бесспорно, что соотношение сил в мире изменилось, и изменилось в пользу социализма. Но разве, говоря об изменении соотношения сил в мире, мы вправе забывать, не учитывать того факта, что речь при этом не идет о *превосходстве* сил социализма над силами империализма, что речь пока что не может идти и о простом *равенстве* экономической мощи социализма и капитализма? Или мы хотим оказаться на месте тех «неисправимых хвастунов», о которых говорил Хрущев на XX съезде КПСС?

По самым последним официальным данным (см. журнал «Коммунист» № 8 за 1965 г., стр. 51) на долю всех социалистических стран в мировой промышленной продукции приходилось в 1963 году около 38%. Что же касается военной мощи лагеря социализма и лагеря империализма, то, по моему, и здесь, если мы хотим опираться в своей политике на реальную базу, мы не вправе забывать, что, несмотря на отпадение от лагеря империализма ряда стран Европы и Азии, с появлением ядерного оружия и современных средств доставки этого оружия к цели чисто военные возможности империализма *не уменьшились*.

Мне кажется ясным, что коль скоро мы признаем, что природа империализма, его хищническая сущность *не* изменилась, столь же скоро мы должны признать, что *мы не можем заставить империализм, не уступающий нам по силам, перестать быть империализмом*.

Больше того. С точки зрения марксизма-ленинизма, даже полное превосходство — экономическое и военное — сил социализма над силами империализма вовсе не означает, что в таком случае можно предотвратить войну между ними *без предварительного низвержения власти капитала в главнейших империалистических государствах*.

Это — не фатализм, не гегельянство. Война — не вечный и не необходимый элемент развития человеческого общества. Как гласит Программа КПСС, —

«с уничтожением империализма на земле не будет самого источника возникновения войн».

В.И. Ленин никогда не питал иллюзий насчет того, что превосходящие силы социализма *сами по себе* принудят или могут принудить империалистические государства спокойно взирать на то, как рушится их строй. Я уже неоднократно приводил слова Ленина о том, что

«мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской Республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо».

В словах В.И. Ленина нет и намека на то, что военное превосходство сил социализма над силами капитализма (а таковое Ленин, будучи великим марксистом-диалектиком, несомненно имел в виду, рассматривая *период* «существования Советской Республики рядом с империалистическими государствами») способен принудить капитализм к сдаче своих классовых позиций.

Страх перед силой ядерного оружия, сознание превосходства сил социализма, «сознание своей ответственности за судьбы человечества» и т.д. — не могут заставить *класс капиталистов и его* правительства, «вопреки их желаниям», следовать принципам политики мирного сосуществования, пока и поскольку природа империализма остается природой империалистической в марксистско-ленинском понимании этого слова.

Говоря о полной и окончательной победе социализма в нашей стране, В.И. Ленин прямо и категорически учил, что

«мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах, — и в том числе в самых передовых, богатых и цивилизованных, — не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы или, быть может, меньше... *Мы знаем, что у них будут ничтожные шансы, мы знаем также, что у нас военные силы будут прочнее и более мощны, чем у какой-либо другой державы, но при всем этом опасность не исчезла, она существует и будет существовать, пока не победит мировая революция*» (т. 31, стр. 371. Подчеркнуто мной — ГМ).

К сожалению, я не помню точно, но мне кажется, что на XXII съезде, выступая перед делегатами съезда с обоснованием тезиса об объективной необходимости для империалистов следовать принципам политики мирного сосуществования, Хрущев рисовал социализм в виде слона, а империализм — тигра, и говорил, что-де, поскольку слон сильнее тигра, последний, не смотря на то, что он сильный и кровожадный хищник, никогда не рискует нападать на слона, «сознавая», что слон сильнее.

Попробуем и мы последовать за этой аллегорией. Действительно ли тигр никогда не нападает на слона или все-таки такие случаи бывают? Бывают, и людям они известны. И бывают они тогда, когда голодный тигр не находит жертвы для утоления чувства голода. Кроме того, каждый человек отлично знает, как каждое живое существо до самых последних сил борется за жизнь, как бешено сопротивляется оно любым попыткам лишить его жизни или привычных условий существования.

Если цель «социалиста-слона» «мирно» слопать «империалиста-тигра» и слон не скрывает этого своего намерения, а тигр понимает его серьезность, —

не логичнее было бы предположить, что тигр всеми силами и средствами будет защищать свою жизнь от подобных «мирных» устремлений слона?

Конечно, можно сочинить и такую сказку. Так уже получилось, дети, что на планете под названием Земля были вынуждены жить рядом симпатичный миролюбивый и травоядный слон и хищный кровожадный тигр. Правда, дети, когда этот слон был еще маленький, он хвалился, что когда вырастет большой и сильный, он уничтожит тигра, пожиравшего бедных козочек и антилоп. Но это присказка, сказка — впереди.

И вот настал день, когда миролюбивый слон позвал к себе кровожадного тигра и объявил ему: «Послушай тигр, уж больно ты кровожаден. Умьер своей аппетит. Бери пример с меня — ешь траву, листья, ветки и оставь в покое бедных козочек и антилоп. На земле много лесов и лугов, и растительной пищи нам всем хватит». Зарычал тигр: «Да что ты говоришь, слон! Я — тигр, а не корова. Я умру с голода, если не буду есть мяса! Да потом ты ведь сам сказал, что скоро все козочки и антилопы соберутся с силами и растопчут меня. Что же мне изволишь делать — сидеть и ждать этого момента? Нет уж, не буду».

Рассердился слон, затрубил: «Ах ты такой-сякой! Меня, слона, не слушаться?! Да знаешь ли ты, что если будет война, то я, слон (тут слон так топнул ногой, что задрожала земля и все тигры на земле от страха поджали хвосты), наверняка тебя одолею?! Знаешь? Так вот что я тебе скажу: я не какой-нибудь кровожадный зверь, и я с войной на тебя не пойду, хотя я и сильнее тебя. Я предлагаю тебе мирное сосуществование. Это выгодно нам обоим — ты еще некоторое время будешь питаться мясом, а я буду растить тех козочек и антилоп, которые, когда они подрастут и наберутся сил, выврут у тебя только когти и зубы, но физически не уничтожат».

Задумался тигр: «Как быть? Идти на слона с войной? Страшно и опасно». И ответил тигр: «Ладно слон, я согласен на мирное сосуществование — пусть растут твои слонята, козочки и антилопы, я их не трону. Буду есть только из своего стада».

Обрадовался слон, что перехитрил глупого кровожадного тигра. И выросли слонята, козлята и антилопы, набросились на тигра и затоптали его насмерть. А симпатичный миролюбивый слон стоял в стороне и радовался.

Вот так, детки, и был установлен на планете Земля коммунизм».

Только и всего. Как говорил В.И. Ленин,

«возможны *всякие* превращения, даже дурака в умного, но *действительным* такое превращение является редко. И по одной “возможности” превращения этого рода дурака я не перестану считать дураком» (т. 35, стр. 194).

Значит ли все вышесказанное о проблеме так наз. мирного сосуществования государств с различным общественным строем, что марксизм-ленинизм не представляет себе хода исторического развития человеческого общества без таких социальных явлений, как война?

Нет, не значит. Войну можно не только предотвратить, но и уничтожить вовсе. И именно в этом между В.И. Лениным и Программой КПСС налицо полное единство взглядов. Программа КПСС вслед за Лениным повторяет, что

«с уничтожением империализма на земле не будет самого источника возникновения войн».

И только. Далее между В.И. Лениным и Программой КПСС нет никаких точек соприкосновения.

Теоретики и составители Программы КПСС уверяют, что войну можно предотвратить, принудив «правящие круги» империалистических государств к соглашению об отказе от войны, к учету классовых интересов социализма и отказу от империалистической политики вообще. Теоретики и составители Программы КПСС считают, что превосходство сил социализма над силами империализма вынуждает правительства империалистических стран, вопреки их желаниям, пойти на эту *классовую капитуляцию* из чувства страха перед сознанием неминуемого поражения в возможной войне, из чувства осознания своей ответственности за судьбы всего человечества, наконец, под давлением прогрессивной общественности своих стран, не заинтересованной в войне и т.д. и т.п.

Программа КПСС строит свои положения в расчете на то, что, сумев добиться претворения в жизнь политики мирного сосуществования, сумев заключить с империализмом соглашение об отказе от войны, о разоружении, мы бросим все свои силы и средства на скорейшее решение нашей великой интернациональной задачи — на построение коммунистического общества, этого неоспоримого и непреодолимого для всех революционизирующего примера.

И вот тогда, когда мы добьемся этого, когда мы обеспечим советскому народу недостижимый для капитализма жизненный уровень, — вот тогда, по мысли теоретиков Программы КПСС, во всех капиталистических странах, в том числе и в самых передовых и развитых, разразятся социалистические революции, империализм будет уничтожен и будет уничтожен сам источник возникновения войн на земле.

Программа КПСС строит теорию уничтожения капитализма на земле как самого источника возникновения войн в расчете на «благоразумие» империалистов, совершенно игнорируя марксистско-ленинскую философию, которая учит, что и понятие «благоразумие» *есть классовое понятие* и то, что благоразумно для нас, вовсе не обязательно должно быть разумным для капиталистов. Это забвение марксистско-ленинской идеологии, эта «теоретическая беспечность» приводит к тому, что расчеты Программы КПСС оказываются построенными на песке; оказывается, что они в конце концов предполагают не благоразумие империалистов, а их глупость.

Благоразумие империалистов, *их классовое благоразумие*, подсказывает им, что не в их интересах давать социализму свободно развиваться и расширяться, ибо социализм — это их могильщик. И империалисты делали, делают и будут делать все, что в их силах, для того, чтобы самим стать могильщиками своего могильщика, не пренебрегая для достижения этой цели никакими, самыми крайними средствами.

И события в мире последних лет (Конго, Панама, Доминиканская республика, Северный Вьетнам, Куба и т.д.) лишь подтверждают, что империалисты по-своему благоразумны и не питают никаких иллюзий насчет идеи мирного сосуществования. И если встать на марксистско-ленинскую, классовую точку зрения, по-моему, было бы просто глупо упрекать империалистов в том, что они, вопреки нашим призывам и миролюбивым предложениям, все-таки проводят благоразумную, с их классовой точки зрения, империалистическую политику, а не какую-либо другую политику.

Марксистско-ленинская постановка вопроса о борьбе с войной, о предотвращении войны не имеет ничего общего с постановкой этого вопроса Программой КПСС.

Вот ленинские, конкретные пути и средства достижения этой благороднейшей цели — избавления человечества от войн:

«Все усилия надо направить на то, чтобы *использовать* настроение масс в пользу мира. Но как использовать? Признавать лозунг мира и повторять его... — это был бы *обман* народа иллюзией, будто теперешние правительства, теперешние командующие классы *способны*, без “обучения” (или, вернее, устранения) их рядом революций на мир, сколько-нибудь удовлетворяющий демократию и рабочий класс... Нет ничего вреднее этого обмана. Нет ничего более засоряющего глаза рабочих, внушающего им обманчивую мысль о *неглубоком* противоречии капитализма и социализма, нет ничего более *прикрашивающего* капиталистическое рабство. Нет, мы должны использовать настроение масс в пользу мира для разъяснения массам, что те блага, к^оих они ждут от мира, невозможны без ряда революций. Окончание войн, мир между народами... — именно наш идеал, но только буржуазные софисты могут обольщать массы, отрывая этот идеал от немедленной, прямой проповеди революции. Почва для такой проповеди есть» («Вопрос о мире»).

«Одной из форм одурачивания рабочего класса является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его империалистической стадии, войны неизбежны. Пропаганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии» («Пацифизм и лозунг мира»).

«Вне связи с революционной классовой борьбой пролетариата борьба за мир есть лишь пацифистская фраза... Мы не можем и не должны становиться в позу “государственных мужей” и составлять “конкретные” программы мира. Наоборот, мы должны разъяснять массам обманчивость всяких надежд на демократический мир без развития революционной классовой борьбы... Массы не должны быть убаюкиваемы надеждой на мир без свержения капитализма» («В Интернациональную социалистическую комиссию»).

«Войны коренятся в самой сущности капитализма; они прекратятся лишь тогда, когда перестанет существовать капиталистический строй или же когда громадность человеческих и денежных жертв, вызванных военно-техническим развитием, и вызванное вооружениями народное возмущение приведут к устранению этой системы» («Воинствующий милитаризм»).

«Войну нельзя кончить “по желанию”. Ее нельзя кончить решением одной стороны... Войну нельзя кончить “соглашением” социалистов разных стран, “выступлением” пролетариев разных стран, “волей” народов — и т.п. — все фразы этого рода... — не что иное, как пустые, невинные, добренькие пожелания мелких буржуа. Нет ничего вреднее этих фраз... Нельзя добиться мира без свержения власти капитала, без перехода государственной власти к другому классу, к пролетариату» («Задачи пролетариата в нашей революции»).

«Каждая партия, желающая принадлежать к III Интернационалу, обязана разоблачать не только откровенный социал-патриотизм, но и фальшь и лицемерие социал-пацифизма: систематически доказывать рабочим, что без революционного низвержения капитализма никакие международные третейские суды, никакие разговоры об уменьшении вооружений, никакая “демократическая” реорганизация Лиги Народов не спасут человечество от новых империалистических войн» («Об условиях приема в Коминтерн»).

«Социалист, революционный пролетарий, интернационалист рассуждает иначе: ...моя задача, задача представителя революционного пролетариата, готовить *мировую пролетарскую революцию*, как *единственное спасение* от ужасов мировой войны» («Пролетарская революция и ренегат Каутский»).

В этих высказываниях В.И. Ленина дана цельная марксистская постановка вопроса о борьбе с войной. Чему учит Ленин?

1) Тому, что без революционного низвержения власти капитала не может идти и речи о возможности предотвращения новых войн;

2) тому, что «вне связи с революционной классовой борьбой пролетариата борьба за мир есть лишь пацифистская фраза»;

3) тому, что лозунги мира без пропаганды революции, ссылки на возможность соглашения с империалистами, на выступление пролетариев всех стран, на волю народов и т.д. — пустые, невинные пожелания;

4) тому, что нет ничего вреднее этих фраз и пожеланий, так как они внушают массам «обманчивую мысль о неглубоком противоречии капитализма и социализма», сеют иллюзии, развращают пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии, — то есть тому, что *объективно* все эти невинные фразы и пожелания в конце концов *уводят пролетариат от борьбы революционной к борьбе реформистской и, следовательно, объективно помогают не предотвращению войны, а ее приближению.*

По В.И. Ленину **ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО СПАСЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА ОТ НОВЫХ ВОЙН — СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, РЕВОЛЮЦИОННОЕ НИЗВЕРЖЕНИЕ ВЛАСТИ КАПИТАЛА.**

По Программе КПСС, спасти человечество от новых войн можно и без свержения власти капитала, путем проведения политики мирного сосуществования, сводящейся к соглашению с империалистами об отказе от войны.

Означает ли призыв «обуздать поджигателей войны», «поднимать священный гнев народов против тех, кто одержим безумными идеями войны и милитаризма» и т.п. лозунги, ленинский призыв к революционному низвержению власти капитала? Нет, не означает.

Означает ли заявление о том, что «когда под давлением масс берут верх сторонники более или менее умеренной политики, происходит разрядка международной напряженности», ленинский призыв к революционной борьбе против империализма? Нет, не означает.

Означает ли заявление о том, что «мы убеждены, что революционная борьба трудящихся, всеобщий демократический подъем, растущая мощь социализма... могут и должны принудить империалистов, вопреки их желаниям, посчитаться с требованием народов о разоружении», — ленинский призыв к революционной борьбе против империализма? Нет, не означает.

Означает ли утверждение Программы КПСС о том, что политика мирного сосуществования отвечает кровным интересам всего человечества, за исключением «воротил крупных монополий и военщины», означает ли оно ленинский призыв к революционной борьбе против империализма? Нет, не означает.

(Продолжение следует)

Политический Красный Крест и советская Россия

Е.И. Фролова

«...Деньги, принадлежащие Главному комитету земств и городов, должны поступать сюда с целью употребления их на Красный Крест. Думаю, что эти деньги можно широко использовать для нашей публики, сидящей в советских тюрьмах. Ибо что бы мы ни делали в условиях советской действительности, все будет Красным Крестом», — так писал в 1921 г. из Владивостока представитель Дальбюро Всесибирского комитета Партии социалистов-революционеров. Адресат: уполномоченный ЦК партии эсеров за границей В.В. Сухомлин. Автор письма — не обозначен в целях конспирации, ибо Дальний Восток к тому времени был уже во власти большевиков, и даже письма из-за рубежа нужно было присылать в чехословацкое консульство, причем в двойных конвертах, а уж потом их оттуда вручали адресату.

Процитированный отрывок письма¹ можно было бы вынести в эпиграф — настолько точно он определяет суть действенной помощи всем, кого после Октябрьского переворота 17-го года стали чохом зачислять в разряд «врагов народа» — социально чуждых и социально опасных, инакомыслящих; а значит и неблагонадежных и подлежащих изоляции и уничтожению. Во имя торжества коммунизма.

Помощь тем, кого власть преследовала по политическим подозрениям или же за реальное ей противодействие, имела давнюю традицию. Еще в 1870-х годах «Народная воля» создала Политический Красный Крест. В числе его организаторов был Юрий Николаевич Богданович — участник организации легендарного бегства П.А. Кропоткина из Николаевского тюремного госпиталя. В делах помощи заключенным социалистам — в содействии их побегам, в изготовлении для них документов и т.п. — ему помогали П.С. Ивановская, А.П. Корба, И.В. Каложный, А.В. Прибылев и другие.

Братская забота о томящихся в тюрьмах и в ссылках распространялась не только на близких по духу соратников. Осуждая кровавые и провокационные методы борьбы нечаевской «Народной расправы» и «Катехизис» самого Сергея Нечаева, народовольцы тем не менее собирались всячески содействовать его вызволению из тюрьмы Петропавловской крепости, хотя это им не удалось.

Помощь политическим заключенным независимо от их партийных пристрастий, как по наследству, перешла от народовольцев к эсерам. Они-то и

Фролова Евгения Исаевна — журналист, член Союза российских писателей.

были в начале минувшего века главными организаторами побега из Лукьяновской тюрьмы в Киеве группы социал-демократов. Среди бежавших арестантов был и будущий советский дипломат и министр иностранных дел М. М. Литвинов (Валлах), его фиктивной невестой представлялась молоденькая курсистка и будущий член боевой организации эсеров Роза Рабинович. Подпольный Красный Крест, возглавляемый Мариной Львовной Лихтенштадт — матерью бессрочного каторжника Владимира Лихтенштадта, заботился обо всех без исключения арестантах Шлиссельбургской каторжной тюрьмы, снабжая их дополнительными продуктами, деньгами и нелегальной литературой. Так было везде. Это была традиция.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно освобожденные Февральской революцией недавние каторжане и политические ссыльные сразу же взяли на себя помощь своим товарищам — заботу об их подорванном в заточении здоровье, о приискании им удобного жилья и работы. Ведь многие из них не имели ни родни, ни имущества, ни средств к существованию.

Почти сразу же после Октябрьского переворота Красному Кресту пришлось расширить свою деятельности и вспомнить дореволюционный опыт, ибо захватившая власть партия большевиков начала преследовать своих собратьев-социалистов. Вынуждена была скрываться даже знаменитая «Бабушка русской революции» — Екатерина Константиновна Брежко-Брежковская. Ей пришлось покинуть маленькую комнатку на третьем этаже Зимнего дворца, где во все месяцы существования Временного правительства неизменно толпились приезжающие из деревень крестьяне и солдаты-фронтовики со своими жалобами, вопросами и предложениями. Когда Временное правительство было свергнуто, Брежковская опять ушла в подполье. Она тем не менее явилась в декабре на одно из заседаний IV съезда партии эсеров, чтобы выступить там с речью. «Я не знаю ни правых эсеров, ни левых, — сказала она. — Я знаю только социалистов-революционеров, не приблизившихся к большевизму»².

Срок открытия Учредительного собрания, намеченного на 28 ноября, все время отодвигался — среди избранных депутатов было слишком мало представителей ленинской партии. Некоторых уже приехавших в столицу депутатов стали даже арестовывать. Это видно из письма эсеровского депутата, председателя губернского Крестьянского совета Нижнего Новгорода М. Н. Кутузова с весьма выразительным обратным адресом: Петроград, тюрьма «Кресты», камера № 86³.

Депутат Учредительного собрания Михаил Николаевич Кутузов, преподаватель истории кадетского корпуса, был одним из многих, попавших в заключение после захвата власти большевиками. В архивное дело Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан странным образом попал список людей, арестованных и отправленных в «Кресты» и в другие тюрьмы Петрограда в период с 25 октября 1917 по апрель 1918 года. В списке более 400 человек. Тут и министры Временного правительства, офицеры, дворяне, бывшие чиновники, и разумеется, интеллигенты, заподозренные в инакомыслии⁴. Преследуемые властью и новорожденной ВЧК, они нуждались в защите. И политический Красный Крест воскрес — практически даже раньше, чем был оформлен как организация.

Решимость реально противостоять репрессиям появилась почти сразу после разгона Учредительного собрания и закрытия в январе 1918 г. газет небольшевистского направления. Тогда-то и возник вначале в Петрограде, а затем и в Москве Политический Красный Крест. Арестованным и их семьям защита была необходима, так как страдали не только сами заключенные, их близких лишали пайков, выселяли из квартир, принуждали к непосильному труду⁵.

У бывших узников царских тюрем имелся богатый правозащитный опыт, именно они знали — как надо противостоять произволу. Наряду с А.М. Горьким, В.Г. Короленко, известным адвокатом Н.К. Муравьевым они писали ходатайства, хлопотали об облегчении участи арестованных, направляли протесты. Бывшие каторжане В.Н. Фигнер, А.В. Якимова, М.Ф. Фроленко, М.В. Новорусский, П.С. Ивановская, А.П. Корба-Прибылева, А.В. Прибылев и другие подписали протест против ужасных условий, в которых содержали в заочении до суда члены ЦК партии правых эсеров. Особенно возмущенными были протесты Красного Креста, связанные с самим процессом 1922 года.

Остро реагировали члены Политического Красного Креста на бесновательно жестокие приговоры. Об этом говорят многочисленные публикации в России и особенно за ее пределами. Протесты в Петрограде, в Москве и за рубежом сыграли свою положительную роль: расстрельные приговоры были заменены ссылкой — не сразу и с условием, что расстрел будет применен без суда, если осужденные вздумают действовать во вред советской власти.

В августе 1922 г. группы Красного Креста были запрещены в Москве и Петрограде. Одновременно власть пыталась прикрыть и недавно возникшее Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, но этого удалось не допустить. А вскоре на месте Политического Красного Креста усилиями Екатерины Павловны Пешковой (и благодаря содействию, как это ни покажется странным, Ф.Э. Дзержинского) возникла новая негосударственная организация, названная «Е.П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ), существовавшая до 15 июля 1938 года.

В архивах Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода и иных городов и регионов России сохранились многочисленные ходатайства, протесты, запросы, а чаще всего — письма и жалобы на незаконные действия властей и в защиту преследуемых, осужденных за непролетарское происхождение, за подозреваемое или же действительное инакомыслие или вообще ни за что — на всякий случай. Фонд Пешковой в ГАРФе содержит более 1700 папок, наполненных обращениями за помощью, нередко с просьбами только лишь сообщить о местонахождении или о судьбе мужа, отца, брата, сына, дочери, сестры...

О деятельности московской группы Политического Красного Креста (МПКК) и о Пешковой и ее помощниках опубликовано в последние годы немало воспоминаний, свидетельств, исследований и документов. О работе же отделения ПОМПОЛИТА в Петрограде—Ленинграде известно до обидного мало. Причина этого кроется, пожалуй, не только в уходе из жизни первых правозащитников — политкаторжан М.В. Новорусского, С.П. Швецова и А.В. Прибылева, и даже не в репрессиях «большого террора»: они были такими же и в других городах и регионах страны. Думается, что, кроме неприятных для большевистской власти сведений о наличии политических арестантов, суть еще и в неприязненном, подозрительном отношении Сталина и его окружения к Ленинграду вообще.

Первым председателем Политического Красного Креста в Петрограде был старый каторжанин—шлссельбуржец Михаил Васильевич Новорусский. В 1924 г. его сменил Сергей Порфирьевич Швецов, тоже народоволец, позже — эсер. Оба они резко и смело протестовали против беззаконий, творимых в советской республике, — не так они представляли себе политический строй, о котором мечтали и которого добивались ценой собственных жертв.

М.В. Новорусский родился в 1861 г. в семье пономаря сельской церквушки. Учился в столичной Духовной академии. Состоял в Общественном союзе и одновременно — в партии «Народная воля». Вел пропаганду среди крестьянства, а в 1887 г. вместе с А.И. Ульяновым и другими участвовал в подготовке покушения на императора. Смертная казнь ему была заменена бессрочным заключением в Шлссельбургской крепости, откуда его освободила амнистия 1905 года. Уехав за границу, он смог завершить образование.

После Февральской революции Новорусский был профессором естествознания, а позже директором Сельскохозяйственного музея и, несмотря на преклонный возраст, вел активную общественную жизнь. В 1918 г. благодаря его энергии по специальному постановлению Петросовета был создан скульптором И.Я. Гинцбургом и установлен за крепостной стеной у Королевской башни памятник на месте захоронения политических узников, казненных в Шлиссельбурге, покончивших самоубийством или умерших в заточении.

В начале 1920-х годов Новорусский старался спасти жизнь митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского), арестованного по обвинению в противодействии изъятию церковных ценностей в пользу голодающих Поволжья. Новорусский пытался объяснить работникам ГПУ, что митрополит не только не противодействовал, а наоборот, с готовностью отдавал имущество храмов — за исключением только того, что необходимо для совершения церковных обрядов. Но хлопоты старого каторжанина не помогли — отца Вениамина расстреляли в ночь на 16 августа 1922 года.

Одним из первых — еще в 1921 г. — Новорусский стал членом Общества бывших политкаторжан и подписывал протесты против незаконных арестов и ссылок. Он возглавлял Ленинградское отделение ПОМПОЛИТа почти пять лет, до самой смерти 20 сентября 1925 года.

Политический Красный Крест в Ленинграде действовал открыто и, несмотря на противодействие власти, широко освещал свою правозащитную работу. Нуждавшимся в помощи сообщали, что по этой линии «в Ленинграде работает Сергей Порфирьевич Швецов. Принимает по адресу: ул. Чайковского, д. 24, кв.19. Замещает его Гартман»⁶.

С.П. Швецов родился в 1858 г. в Курске в многодетной семье мелкого чиновника, вынужденного подрабатывать в качестве чернорабочего на железной дороге. В середине 1870-х годов Сергей Швецов приехал в Петербург и здесь примкнул к последователям учения П.Л. Лаврова, посещал кружки в Нижегородской и Тверской губерниях, занимался распространением запрещенной литературы, участвовал в «хождении в народ».

Когда он жил в 1876 г. у своей сестры, его выследила полиция. Обыск ничего не дал, но все же пришлось перейти на нелегальное положение. Швецов перебрался в Тифлис, но охранка настигла его и здесь, он был заключен в Метехский тюремный замок. Здесь молодого арестанта посетил наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич и предложил ему свободу в обмен на откровенные показания. В ответ он услышал: «Извольте немедленно покинуть мою камеру!». Об этом вспоминал один из бывших политкаторжан на вечеру, посвященной памяти Швецова⁷. Через два года его перевели в Петербург, а затем в Череповец, а в мае 1879 г. отправили по этапу в ссылку в Тобольскую губернию.

В ссылке он, как член «Народной воли», вел агитацию среди местных крестьян и, как и многие другие интеллигентные ссыльные, занимался краеведением, изучал нравы и обычаи местных жителей. Его товарищ по ссылке К.Г. Рауш вспоминал о том, как Швецов, собирая сведения для Томского географического общества, ходил по избам или же, стоя на проезжем тракте, расспрашивал крестьян об их быте, о составе семьи и заработках; результаты своего социологического исследования он публиковал на страницах газеты «Сибирская жизнь». Позже, после опубликования в журнале «Каторга и ссылка» в 1928 г. его статьи о культурном значении политической ссылки при Музее революции была образована особая секция. Но ссыльный народовец не забывал и о делах совсем иного рода. В.Л. Перовский, с которым он провел в ссылке несколько лет, вспоминал, как Швецов помогал устраивать освобождение из тюрьмы рабочего Фомина (Медведева), побег ссыльного Жожина и о многом другом⁸.

В Томске Швецов вступил в партию социалистов-революционеров. После первой русской революции он опять был вынужден скрываться и до 1914 г. часто менял адреса, жил под чужой фамилией. То в Петербурге, то в Новочеркасске, то в Ростове-на-Дону или Финляндии он организовывал издание подпольной литературы. Под чужой фамилией он участвовал в двух первых съездах партии эсеров. Дважды его арестовывали, но за недоказанностью вины выпускали на свободу или снова отправляли в ссылку. Окончательно он вышел на свободу в феврале 1917 г.; 5 января 1918 г. Швецову выпала честь открыть Учредительное собрание.

В советское время Швецову пригодились опыт и знания, приобретенные в годы ссылки; жизнь в сибирской глубинке привила ему увлечение многообразными крестьянскими проблемами, кооперацией; он стал профессором Кооперативного института, где читал лекции по статистике; его статьи, очерки и воспоминания печатались в «Каторге и ссылке». В 1925 г. тиражом 25 тыс. экз. вышла его небольшая книжка «Провокатор Окладский». В эти же годы Швецов являлся редактором и главным собирателем материалов для газеты, которая издавалась ежегодно 12 марта — в день выхода на свободу узников самодержавия. Газета так и называлась — «На волю». При советской власти Швецова арестовывали дважды — в 1923 и 1929 гг., когда подвергали репрессиям почти всех, кто в прошлом принадлежал к партии эсеров.

Как ни странно, ни в подробной стенограмме вечера памяти Швецова, ни в воспоминаниях о нем не сказано ничего о его правозащитной деятельности, если, конечно, не считать сообщения в ГПУ о том, что он, когда Новорусский был на курорте, принимал вместо него взносы в Общество Красного Креста.

Бывшие каторжане вовсе не были противниками советской власти, которую приняли как данность, как власть, рожденную народом, а воля народа была для них свята. Веря в здоровые силы и творческие возможности народа, они нередко были наивными идеалистами, а о многом из того, что творилось в застенках ЧК—ГПУ—НКВД, даже не догадывались. Если в чем они и проявляли строптивость, то в отношении в Февральской революции — именно ее, а не Октябрьский переворот бывшие узники царизма считали главным событием истории страны и отмечали этот день как праздник.

В конце 20-х годов Швецов страдал от болезни сердца. На состояние его здоровья повлияла, по всей вероятности, нелепая история с обвинением в «подаванчестве» — в правление Общества поступила из Историко-революционного архива недостоверная справка о том, что в юности, находясь в тюрьме, он якобы подавал прошение о помиловании. Такое старье каторжане не прощали, и встал вопрос об исключении из Общества. За Швецова вступилась большая группа товарищей-народовольцев, Прибылев все проверил и установил, что просьба о помиловании написана вовсе не Швецовым, поэтому надо прекратить «щельмование» и немедленно восстановить ветерана в Обществе⁹.

Эта неприятность больно ударила по сердцу — старик слег. И если еще год назад он лично посылая запросы и ходатайства в Москву, то теперь его часто заменял Владимир Паулинович Гартман, опытный юрист, человек большой доброты. Просьбы о помощи по-прежнему приходили на имя Швецова, он читал их, подписывал ходатайства и обращения, ждал ответа на запросы, к примеру, о Фельдмане-Фалевиче и о Н.П. Анциферове, но как раз на этих документах имеется приписка Гартмана: «Он болен»¹⁰.

О том же — письмо самого Швецова из Детского Села, из Дома отдыха ветеранов революции. Правда, он пишет не столько о себе лично, сколько о бедственном положении Политического Красного Креста в Ленинграде: «Живем мы плохо, едва дышим: ни денег, ничего у нас нет, и все наши хлопоты, если только можно назвать хождения Вл[адимира] П[аулиновича] на Гороховую (там помещалось управление ГПУ. — Е.Ф.) этим именем, ни к чему не

приводят. Тяжело и грустно, Я лично совершенно отбился от этих дел и вряд ли буду иметь возможность возвратиться к ним и в будущем: я очень болен вот уже второй месяц. В самом начале мая у меня был... удар, уложивший меня в постель»¹¹.

В обращениях Швецова в ПОМПОЛИТ Москвы во второй половине 20-х годов подпись Гартмана фигурирует все чаще, именно он вел в это время основную работу по Ленинградской группе. На письме, адресованном В.А. Перес и М.Л. Винаверу по делу арестованного в 1929 г. В.Л. Рейлах-Рида, есть приписка: «Сергей Порфирьевич Швецов все болен и даже очень, четыре месяца болезнь... не спускает его с кровати. Бедный наш дедушка совсем замучился»¹². Это письмо еще подписано Швецовым, но составлено оно Гартманом.

В конце 1920-х годов политическая обстановка принимала все более зловещие формы. Что касается бывших политкаторжан, то среди них заметно возросла роль доселе немногочисленной группы членов ВКП(б). Тогда же был принят в члены Общества не состоявший в нем ранее И.В. Сталин. В тезисах декабрьского 1929 г. пленума Центрального совета прямо говорится о том, что Обществу надобно «придать всем своим выступлениям, во всех видах и направлениях деятельности выдержанный классовый характер, марксистски освещающий опыт прошлого»¹³.

В начале 1930-х годов были арестованы 11 бывших эсеров-каторжан. Шестерых вскоре освободили, но остальных, в прошлом боевиков и максималистов, задержали на неопределенное время. Конечно, тут же срочно был созван пленум Ленинградского отделения Общества, на котором его староста Д.А. Трилиссер предложил заклеить позором «изменников делу рабочего класса» и вынести резолюцию об их исключении. Однако, когда выпустили из-под ареста и этих пятерых, тому же Трилиссеру пришлось отменить свою «зубодробительную» резолюцию и восстановить исключенных в их правах¹⁴.

Давление партии и власти особенно сковывало научно-исследовательскую работу членов Общества и в частности — его Домарксистской секции, в которую входили почти все активисты Красного Креста. Однако старики проявили свою волю и не ввели в ее состав историков-марксистов, что безусловно им не понравилось. Председатель этой секции Прибылев на конференции в ноябре 1933 г. говорил о том, что исследователей-политкаторжан не следует «тормозить и запугивать новыми порядками», а секретарь секции по изучению революции 1905 года А.М. Остроумов выразился еще определеннее: «Люди боятся сказать об эсерах то, что знают, то, что видели, боятся сказать те факты, которые известны»¹⁵.

Гнетущая обстановка отразилась и на деятельности ПОМПОЛИТА. 21 января помощник Пешковой Винавер писал Е.Д. Кусковой в Прагу: «Работы... меньше, чем раньше, но может скоро совсем окончиться из-за отсутствия материальных средств. Недавно закрылось наше отделение в Питере, так как нечем было платить за квартиру; в Москве хуже худшего»¹⁶. Но Ленинградское отделение тем не менее продолжало действовать. После смерти Швецова в 1930 г. дела вел Гартман. Он принимал посетителей уже по своему адресу в Лесном: Старопарголовский пр., 47/2, кв. 16.

Среди его многочисленных посланий в Москву к Пешковой есть весьма примечательные. Не менее примечательны и ответы. Они ярко характеризуют меняющееся время. Если в 1929 г. еще возможно было хлопотать, например, о переводе болезненной ссыльной женщины в южные районы Сибири, или о свидании матери с сыном, арестованным по делу оппозиции, или о смягчении наказания больному туберкулезом инвалиду, «арест которого есть чистая случайность», то позже и обращения иные и ответы на них. Такие, к примеру: «Следствие [по делу Рейлах-Рида] закончится не скоро. О решении осведоим»¹⁷. Или еще короче — в связи с тем, что прошение о свидании с аресто-

ванным теперь пересылается обратно просителю, — ответ повторяет официальную резолюцию: «Выдача разрешений на свидания в лагерях прекращена».

О Гартмане, к сожалению, известно немного. Он родился в Новом Петергофе в 1883 г. в семье военного чиновника в чине титулярного советника. Его дедом был обедневший немецкий дворянин из Варшавы. Сам Владимир Гартман считал себя по национальной принадлежности русским. После окончания юридического факультета Петербургского университета он стал помощником присяжного поверенного.

После революции Гартман в 1919—1920 гг. служил в Красной армии письмоводителем. Ни к каким политическим партиям никогда не принадлежал. После гражданской войны, точнее — после подписания мира с Польшей, он в течение года работал юрисконсультom в представительстве польского Красного Креста — занимался репатриацией военнопленных поляков и гражданских лиц, оказавшихся после войны на советской территории, защищал их интересы. Одно время (судя по материалам НКВД) возглавлял в Петрограде это представительство, которое тогда выполняло функции консульства. С этого, вероятно, времени и началась правозащитная деятельность Гартмана в Ленинградском отделении ПОМПОЛИТА.

Как юрисконсульт ленинградской Книжной лавки писателей (при Литфонде) и большой книголюб, Гартман был связан с широким кругом питерской интеллигенции. В 1927 г. он обратился к Пешковой по делу литератора Г. Зотова-Котова, который в свое время печатался в журнале «Русский современник». Теперь его, как видно из письма Гартмана, преследовали за неосторожное письмо, адресованное уехавшему за границу Е.И. Замятину. «Из письма вы поймете, — писал Гартман, — где он и что ему грозит. Нельзя ли что-либо сделать, чтобы спасти его от участи, его ожидающей? Он человек талантливый и молодой. Было бы чрезвычайно трагично, если бы непоправимое свершилось»¹⁸.

Трагична датированная 1929 годом переписка Гартмана с Москвой по поводу ареста группы ленинградских школьников. «В начале сентября месяца была арестована группа учащихся школ 2-й ступени в числе шести человек, — писал Гартман в ПОМПОЛИТ Винаверу. — Всем были предъявлены статьи 58-10 и 58-11. В декабре родственникам этих детей, ибо старшему только что исполнилось 16 лет, объявлен был приговор — два года заключения в Соловках. Инкриминируемое им преступление по признакам вышеуказанных статей относится к 1927 году, то есть к периоду времени, когда каждому из них было 12—13 лет. Итак, пять мальчиков получили Соловки, а 6-й, Амос Исаакович Рабинович, ученик 15-й школы 9-й группы, коему только в ноябре месяце исполнилось всего 15 лет, приговорен по заявлению в прокуратуру к помещению в колонию малолетних преступников. Факт совершенно невероятный, ибо помещение морально здорового мальчика в среду преступно-дефективных подростков знаменует собой моральную гибель не успевающего еще сложиться ребенка. По-видимому, тут произошла ошибка, требующая срочного исправления, ибо мальчик до последней степени нравственно угнетен и в состоянии проделать то, что пытался сделать его товарищ по заключению — вынутый вовремя из петли. Просьбы... [неразб.] остались без результата. Добивайтесь отмены приговора или замены хотя бы теми же Соловками. Обязательно ответьте срочно!»¹⁹

И вот телеграфный ответ: «Пересмотре дела молодежи отказывают. Пешкова». Что такого ужасно антисоветского могли натворить эти подростки? Какую угрозу большевистскому государству они собою представляли?

Сведения о Гартмане взяты из материалов следственного дела, заведенного после его ареста НКВД 15 августа 1937 года²⁰. Читать это дело так же больно, как и всякое иное, подобное ему. В начале арестованный (в протоколе допроса уже заранее стоит — «обвиняемый») категорически отрицает свое

участие в антисоветской деятельности: «Я заявляю, что к антисоветской организации я не принадлежал никогда». Но следователь насаждает: «Вы скрываете свою преступную деятельность! Отвечайте правдиво!» После этого, вероятно, следует так называемое «физическое воздействие», и несчастный вынужден «признать», что был еще в 1920 г. вовлечен в шпионскую группу «ПОВ — Польска организация войскова» и, занимаясь подрывной деятельностью, готовил кадры из бывших польских военнопленных для вредительства на предприятиях оборонной промышленности Советского Союза в случае войны с панской Польшей. Даже перемену места жительства следователь НКВД поставил Гартману в вину: мол, на Старопарголовском проспекте он держал явочную квартиру для польских шпионов.

Гартмана заставили признать, что ему было поручено использовать поляков, обращающихся за помощью в Красный Крест, для вербовки их в «ПОВ». При этом вместо доказательства был приплетен допрос арестованного месяцам раньше политкаторжанина, поляка по национальности, И.С. Гниха, который якобы и рекомендовал Гартмана в представительство Красного Креста. Как Гних, так и Гартман были расстреляны в сентябре 1937 года.

В ленинградском отделении ПОМПОЛИТа у Гартмана были хорошие помощники. Рядом с ним активно работал Прибылев, народоволец и старый политкаторжанин, и жена профессора Политтехнического и Электротехнического институтов Надежда Николаевна Шапошникова, сын которой, Андрей, отбыв три года на Соловках, получил затем ссылку на Урал. Мария Борисовна Тахчогло состояла еще в президиуме Красного Креста, когда его возглавлял Новорусский, работала и до революции в организации помощи политическим ссыльным, а после входила в Комитет помощи амнистированным. В 1929 г. она настойчиво добивалась освобождения или хотя бы облегчения участи несправедливо арестованного инженера Пискорского²¹.

У Прибылева был большой опыт еще с дореволюционных времен, еще даже до того, как он стал выполнять поручения «Народной воли». Позже он и его жена Раиса Гросман стали «хозяевами» подпольной динамитной мастерской на Васильевском острове, в которой член Исполнительного комитета Михаил Грачевский налаживал изготовление бомб, готовя убийство главного петербургского жандарма Г.П. Судейкина. Но покушение тогда не удалось. За террористами была установлена слежка еще со дня приезда Грачевского в Петербург. «Василеостровские хозяева», как прозвали Прибылевых жандармы, и все причастные к мастерской были взяты с поличным. Вскоре прошла серия арестов в Москве: здесь была разгромлена созданная Ю.Н. Богдановичем группа, которая устраивала побеги из ссылок и каторжных тюрем. Группа из 17 народовольцев предстала перед военным судом в 1883 году. Грачевский, считая себя виновным в провале, отказался от защиты, взяв всю вину на себя одного, и этим спас Прибылева от неминуемой казни, которую заменил 20-летней каторгой.

Грачевский, Богданович, Михаил Клименко погибли в шлиссельбургском заточении, был казнен офицер флота Буцевич. Трагичной была судьба еще двух участников процесса 17-ти, деятелей Политического Красного Креста Калужного и его жены Н.С. Смирницкой: в 1889 г., протестуя против применения к политическим арестантам телесных наказаний на Карийской каторге, они приняли яд и ушли из жизни, а вместе с ними и младшая сестра Калужного Маруся. Память о погибших товарищах вдохновляла Прибылева и на помощь политическим заключенным в советской стране.

Женившись после отбытия каторги на своей сопроцесснице А.П. Корбе и удочерив Асю — осиротевшую девочку умершей в Благовещенске ссыльной, Прибылев в начале 1900-х годов вступил в партию эсеров, действовал на Юге России, был арестован и сослан в Енисейскую губернию, но из ссылки

бежал за границу. Имея диплом врача-ветеринара и большую медицинскую практику на каторге, он увлекся бактериологией и до Февральской революции работал в частном бактериологическом институте. В 1917 г. исполнял в Министерстве земледелия Временного правительства обязанности управляющего канцелярией. Из партии эсеров Прибылев вышел сразу же после Октябрьского переворота и занялся правозащитной деятельностью.

Понимая, с какой властью имеет дело, он вел защиту преследуемых советским режимом с осторожностью, выдержкой, известной дипломатичностью. 13 марта 1926 г. Прибылев вступился за хорошо знакомого ему молодого человека, который попал на Соловки по малозначительной причине, а затем его вместе с уголовниками увезли в Тобольск. «Там он серьезно заболел, — говорится в ходатайстве Прибылева, — болел долго и так и не поправился. В опалу попала и его молоденькая жена. В Ленинграде осталась лишь мать, которой и стало известно о его болезни»²².

В сентябре 1927 г. Прибылев обратился в ПОМПОЛИТ к Винаверу с просьбой посодействовать Звягинцевой-Оболенской, добивавшейся свидания с мужем — Николаем Николаевичем Оболенским. Оболенский с 1918 г. служил командиром Красной армии; по мнению Прибылева, он был репрессирован только вследствие безосновательного недоверия, как бывший офицер царской армии²³.

9 сентября 1927 г. Прибылев направил Пешковой (с которой, судя по тону его посланий, был хорошо знаком) ходатайство за сосланного на Соловки священника отца Михаила: он стар и болен, к нему хочет поехать его дочь Ольга, на это нужно получить разрешение²⁴.

Характерно письмо, отправленное Прибылевым в ПОМПОЛИТ 25 октября 1930 г.: «Настоящим удостоверяю, что сестры Кикоин Ольга, Мария и Надежда, служа в свое время кассирами у Эйнема в период 1905—1906 гг., оказывали действительную и постоянную помощь членам Союза революционеров, устраивая у себя явки, передачи, ночевки и хранение разных партийных принадлежностей. Всех этих сестер хорошо знали все представители областного и местного комитетов в Москве и всегда могли рассчитывать на их бескорыстную помощь». И подпись: «А. Прибылев, член Общества политкаторжан, бывший народоволец»²⁵. Вероятно, это письмо помогло трем сестрам жить нормально в непростых условиях советской действительности.

В феврале—марте 1931 г. старый политкаторжанин был обеспокоен судьбой литератора и научного работника А.А. Гизетти и отправил в Москву вместе со своим ходатайством несколько наивное письмо жены Гизетти, в котором она просила... отпустить мужа из-под ареста на несколько дней «для приведения в порядок его литературных дел». От себя Прибылев писал: «Вот уже месяц, как его увезли, а семья ничего о нем не знает, здоров ли он? И где он? Необходимо ему послать передачу»²⁶. Прибылев мог знать его еще с 1907 г. — Гизетти был членом партии эсеров. В советское время он не раз выступал с историко-литературными сообщениями перед бывшими политкаторжанами, читал лекции в сообществе «Вольфила» и, вероятно, позволял себе неосторожные высказывания; его арестовывали в 1924 и 1930 гг. и приговорили к трем годам ссылки в Среднюю Азию. В Коканде, затем в Ташкенте он продолжал научную работу в качестве сотрудника Академии наук. В 1933 г. он был помещен в Ярославский политизолятор, а после освобождения жил в Самаре (Куйбышеве), в 1938 г. — опять в заключении, в московской Таганской тюрьме. О судьбе его после 17 июня 1939 г. ничего не известно...

Среди многочисленных обращений Прибылева в ПОМПОЛИТ есть и касающиеся его близких. Пешковой он сообщал о том, что его дочь Ася каким-то образом оказалась замешана (вероятно, через знакомых студентов)

в политическое дело. Правда, к тому времени Асю уже отпустили в Уфимскую область на лечение кумысом. Но преследование могло возобновиться. «Как будто дело обстоит благополучно, — писал Прибылев, — но... там, на месте, могут вмешаться и, как это часто бывает, превысить власть. Извините за такую нашу доuku, но если нужно, сделайте что-нибудь, ведь Вам известны такие истории, а наша дурочка Ася попала в политические...» В этом же письме ходатайство за кооператора Штанге, который являлся родственником Прибылевой-Корбы. «Этот молодой человек, Дмитрий Александрович Штанге, честно работал в Наркомате, неизвестно за что арестован и сидит в Бутырской тюрьме». В 1935 г. он просил разобратся с делом своей племянницы Жаровой, также «неизвестно за что арестованной»²⁷.

Помощь жертвам коммунистического террора шла и от тех, кто вынужден был эмигрировать, и тех, кого насильно выдворяли за пределы родины. В Берлине, Лондоне, Париже, Праге, в Финляндии существовали Общества помощи политическим заключенным советской России. В Швеции, узнав о деятельности ПОМПОЛИТа, интересовались, каким образом можно помочь людям, преследуемым большевистской властью.

Парижский комитет Красного Креста, возглавляемый старым социалистом О.С. Минором, был тесно связан с ПОМПОЛИТОм в Москве. Пешкова по дороге на Капри к Горькому не раз навещалась к знакомым ей с прежних времен эсерам, оказавшимся во Франции.

Активно действовал Политический Красный Крест в Чехословакии, где нашли приют и работу русские интеллигенты, ученые и писатели, высланные из родной страны, и многие социалисты. Эмигранты, в массе своей не обладавшие большими доходами, делали добровольные пожертвования — по подписке, отчислениями от заработков, а так же за счет разных созданных за рубежом сообществ. Весной 1921 г. организация Земгор в Праге и Центросоюз кооператоров помогали бежавшим по льду Финского залива в Финляндию участникам Кронштадтского восстания.

В ноябре 1922 г. в Берлине по инициативе и под председательством Е.Д. Кусковой возникло «Общество помощи политическим заключенным и ссыльным в России». Деятельность этого общества особенно привлекала внимание после московского процесса правых эсеров. Широко известны стали случаи жестокого обращения с узниками и голодовок. Обвиняемым были вынесены, при отсутствии явных доказательств вины, суровые приговоры, 12 членов ЦК были приговорены к расстрелу. Смертная казнь была отсрочена с тем условием, что ее применят, если эсеры на воле вздумают действовать против советской власти. Семьям этих 12 заложников требовалась поддержка. Важно было также влиять на общественное мнение в странах, с которыми республика Советов пыталась завязать дипломатические отношения. Берлинское отделение Общества помощи политзаключенным продолжало действовать и после того, как Кускова, С.Н. Прокопович, И.И. Калюжный и ряд других эмигрантов переехали в Прагу.

Официальными создателями Общества помощи политзаключенным в Праге были бывшие члены российского политического Красного Креста, эмигранты И.М. Брушвит, Е.Е. Лазарев и В.И. Немирович-Данченко. В Чехословакии широко распространялось «Письмо-обращение» за подписью Немировича-Данченко «Ко многим гражданам Чехословакии и эмигрантам»:

«Неослабевающая волна большевистского террора создает неопишемые страдания и нужды в местах заключения и ссылки в СССР, где на положении людей, приговоренных к умиранию и тяжкому труду, томятся многие тысячи жертв, вырванных из различных слоев населения России. Помощь заключенным может прийти только извне, из стран, где проявление человеческих чувств к нуждающимся и угнетенным

не карается властью как преступление. Позвольте же просить Вас и Ваших друзей внести посильную лепту для отсылки заключенным в СССР»²⁸.

В 1924 г., когда Политический Красный Крест (ПКК) в Праге еще проходил процедуру регистрации, там уже проходили благотворительные вечера и встречи в пользу узников «Совдепии». 9 марта 1924 г. в Русском Доме состоялся большой концерт, в апреле в Народном Доме на Виноградах выступил Русский студенческий хор; присутствовали не только эмигранты, но и жители Праги и окрестностей. В феврале, когда отмечалось 80-летие Брешко-Брешковской, участвовавшей в создании Общества помощи политзаключенным, она основала еще и свой личный фонд.

Однако регистрация Общества встретила неожиданное препятствие. Эмигрантам в их просьбе отказали — на том основании, что Общество политическое, а учредители иностранцы, которым политическая деятельность в республике не разрешается. В связи с этим учредители незарегистрированного Общества в конце июня 1924 г. обратились в Высший административный суд Чехословакии с жалобой, доказывая, что Общество является не политическим, а всего лишь благотворительным.

18 октября 1924 г. один из учредителей Общества Б.Н. Рабинович писал председателю Земгора Брушвиту: «События в советских тюрьмах так обострились, что нам необходимо в срочном порядке зарегистрировать наш пражский Красный Крест, в регистрации которого, как тебе известно, нам отказали. Необходимо произвести соответствующее давление и добиться положительных результатов»²⁹. У Брушвита был давний контакт с видными деятелями Чехословацкой республики. Именно Брушвит и П.Д. Климушкин весной 1918 г. как представители собравшихся в Самаре депутатов разогнанного большевиками Учредительного собрания вели переговоры с руководством Чехословацкого легиона, после чего он очистил Самару от большевиков, помог создать демократическое правительство и Народную армию. Однако ни старания Брушвита, ни жалоба в Высший административный суд действия не возымели. Пришлось из названия Общества убрать слово «политическим». После регистрации, состоявшейся в 1925 г., оно стало называться «Благотворительное общество помощи заключенным в России». В широком же обиходе его именовали «Политическим Красным Крестом».

В нем насчитывалось более ста членов, в том числе историки А.А. Кизеветтер и В.А. Мякотин, редактор дореволюционного журнала «Заветы» библиограф и публицист С.П. Постников, бывший секретарь Льва Толстого В.Ф. Булгаков, редактор издаваемого в Праге эсеровского журнала «Воля России» Марк Слоним и многие другие известные и уважаемые люди. Среди членов Общества были и чешские граждане. Высшим органом управления являлось Общее собрание его членов. Первое такое собрание состоялось 9 января 1926 года. По данным административно-финансовой комиссии на 18 марта 1926 г., на оказание помощи политическим узникам и на организационные нужды было собрано без малого 200 тыс. чешских крон, плюс к тому — поступления от проведения новогоднего вечера.

Существенными, особенно в первые годы, были индивидуальные пожертвования. В июне 1926 г. члены ссудосберегательной кассы служащих Земгора пожертвовали 800 крон. Лично Брушвит внес 500 крон. Вносили и мелкие суммы, по 5—10 крон; 22 кроны отчислила из своих небольших доходов автошкола, которой руководил П.А. Орлушин. Проводились такие благотворительные мероприятия, как Дни русской культуры, литературные и музыкальные вечера; в чтении лекций приняли участие П.Н. Милоков, А.Ф. Керенский, Кизеветтер, Ф.И. Степун и другие видные представители эмиграции.

Популяризировали ПКК, освещали его деятельность газеты «Дни», «Руль», «Последние новости», «Возрождение», чаще всего — в разделах «Пражской

хроники». Кроме того, публиковались доходившие из России сведения о жестоком обращении с арестованными. В газете «Дни» 22 декабря 1925 г. было помещено письмо из Тобольской тюрьмы, куда были доставлены — в связи с частичной ликвидацией тюрьмы на Соловках — около ста политзаключенных. В Тобольске «условия ужасные, вонючие камеры, где содержатся по 14—17 человек... Из 126 политзаключенных только 21 по судебным приговорам, а остальные осуждены ГПУ за принадлежность к ПСР или анархистам, а один за участие в Тамбовском восстании. Многие политзаключенные — это бывшие политкаторжане еще царского времени, теперь они “контрреволюционеры”... Пока существует этот “свободный” режим, ни одному из этих пленников не увидеть свободы»³⁰. Письмо подписали 126 членов социалистических партий.

Проявляла участие и местная печать. Члены Общества выражали в прессе и письмами благодарность за помощь. Например, гражданам Чехословакии З.И. Завазал и Ст.Г. Малек, активным организаторам новгородского вечера, была письмом выражена признательность «за оказанную помощь, всю значительность которой почувствуют, не зная Вас и Вашего имени, те для которых в далекой России были реализованы добытые средства»³¹.

8 марта 1926 г. через ПКК уполномоченного Армянской студенческой организации в Праге известили о том, что он может получить по доверенности 1000 чешских крон и отправить их для оказания помощи армянским революционерам, заключенным в советские тюрьмы.

Собранные деньги чаще всего передавались через Пешкову и ее заместителя Винавера. Они же добывали для эмигрантов сведения об их оставшихся на родине и преследуемых родственниках и друзьях. Пешкова еще с 1920 г. была уполномоченной Польского Красного Креста и благодаря этому имела дипломатическую визу, возможность свободного выезда за границу и получения оттуда денег. Такую же возможность имел и Винавер, жена которого жила в Варшаве и была членом Польского Красного Креста. О передаче денег в Россию предварительно договаривались с Кусковой, которая, живя в Праге, поддерживала с Пешковой и Винавером регулярную переписку. Эти письма и короткие открытки зачастую содержали бесценные сведения о положении в стране Советов³².

Через Пражский ПКК отправляли деньги и для отдельных людей, преследуемых советской властью. В 1926 г. сосланной в Архангельск Ольге Далер, вдове погибшего на Соловках полковника, были отправлены 180 крон, собранных прямо на заседании правления Общества. Материальная помощь требовалась также родным и близким самих членов ПКК. В частности Антолина Калюжная, сотрудница Самарского музея, была арестована сначала за участие в фонде помощи голодающим на Волге, а позднее, вероятно как раз за связь с самим Калюжным, который возглавлял комитет эсеров в Нижнем Новгороде, а летом 1918 г. был большевиками приговорен к смертной казни. Сбежав буквально из-под расстрела, он оказался в эмиграции в Праге.

Небольшая сумма была послана в июне 1926 г. находившейся в ссылке племяннице бывшего депутата Учредительного собрания, эмигранта И.П. Нестерова (раньше он помогал свой племяннице сам, но теперь, опасаясь, что получение денег из-за границы навлечет на нее новые репрессии, просил отправлять деньги через Москву). Существенную помощь сосланным в далекие края, Зырянский и Нарымский, оказывало Общество по заявлению эмигрантов В.Я. Гуревича и А.И. Сталинского. Этот список можно было бы продолжить. В январе 1927 г. томящимся в советских тюрьмах левым эсерам вместе с помощью было сообщено, что пожертвования и помощь распределяются всем без исключения независимо от партийной принадлежности.

Однако средств, собираемых за рубежом, постоянно не хватало. В августе 1924 г. Пешкова сообщала пражскому и берлинскому ПКК, что приве-

зненных ею из-за границы денег не хватило даже на то, чтобы покрыть сделанные уже в Москве долги. От Пешковой Общество и отдельные дарители всегда получали официальные расписки на отправленные суммы, иногда с указанием — кому именно оказана помощь³³.

Дела в пражском ПКК пошли хуже с начала 1928 года. Повлиял разразившейся в Европе экономический кризис; подошла к концу «Русская акция» в Чехословакии. Сказывалось общее обнищание эмигрантской массы, усталость и тающая вера в изменения к лучшему на родине. Это проявилось на заседании правления Общества 29 сентября 1930 г., когда обсуждались выводы ревизионной комиссии по финансовому отчету и по деятельности правления.

На общем собрании 13 октября заместитель председателя правления Калюжный с горечью отметил снижение денежных поступлений, связанное отчасти с тем, что государственные финансовые органы не разрешили собирать деньги по подписке. Это помешало успеху традиционного благотворительного вечера: на этот раз налог превысил доход от продажи билетов.

Немного улучшилось положение в 1931 году. Но часто болел председатель ПКК Немирович-Данченко, плохо чувствовал себя и его заместитель Калюжный. Доклад правления, назначенный на 17 ноября 1931 г., не состоялся, так как не получилось кворума. Тем не менее и в 1931 г. было отправлено в Россию 3076 крон, в том числе 1289 крон в Ленинград.

Пересылка средств становилась все более нелегким и даже опасным делом, а число нуждающихся все увеличивалось... На 10 ноября 1931 г. весь капитал Общества в банке составлял лишь 373 чешские кроны. Средства иссякали. На 14 ноября 1934 г. оставалась 1031 крона; из них 1000 была переведена в Россию.

Прошедшее в тот день Общее собрание было печальным: вставанием почтили память скоропостижно скончавшегося Калюжного и активного члена Общества — директора автошколы Орлушина. Помянули и умершую в сентябре Брешковскую. Один из ветеранов эмигрантской общины А.В. Милашевский в своем выступлении выразил благодарность многолетнему председателю Общества В.И. Немировичу-Данченко за бескорыстную и самоотверженную работу и предложил избрать на его место другого ветерана — Лазарева; он председательствовал (скорее номинально, чем фактически) до самой своей смерти в 1937 году.

Из переписки Кусковой ясно, что Общество худо-бедно все же функционировало и в 1935 и в 1936 гг., посылая заключенным и ссыльным деньги и вещи через Польский Красный Крест и Московский ПОМПОЛИТ. Однако 20 января 1937 г. на одном из последних заседаний ПКК со всей остротой встал вопрос о дальнейшем существовании Общества. Правление и активные члены Общества не желали прекращать помощь советским политзаключенным и боролись из последних сил, но все решили политические изменения в Европе и трагические события «большого террора». В начале 1937 г. был закрыт Польский Красный Крест, в связи с этим пропала возможность передавать в Россию деньги и вещи через Пешкову и Винавера. А 15 июля 1938 г. и ПОМПОЛИТ в Москве был ликвидирован.

О судьбах членов Пражского ПКК и его учредителей известно немного. В фашистском концлагере закончил свою жизнь бессменный казначей Общества Рабинович; более трехсот политэмигрантов, переживших гитлеровскую оккупацию Чехословакии, в мае—июне 1945 г. арестовали органы СМЕРШ 1-го Украинского фронта. Их депортировали в СССР и приговорили к тюремному заключению и последующей ссылке.

Во Владимирской тюрьме умер через год после ареста один из основателей Пражского общества помощи политзаключенным, чуткий и замечательный человек Иван Михайлович Брушвит. В 1957 г. после реабилитации сумели вернуться в Прагу Сергей Порфирьевич Постников, ставший инвали-

дом, Семен Николаевич Николаев, Петр Диомидович Климушкин и очень немногие другие.

Екатерина Павловна Пешкова не была репрессирована, она умерла 27 марта 1965 г. и была похоронена рядом с сыном Максимом на Новодевичьем кладбище в Москве. Екатерина Дмитриевна Кускова скончалась 22 декабря 1958 г. в Женеве.

В июне 1935 г. было ликвидировано Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а заодно и Общество старых большевиков. В Ленинграде был закрыт и разорен Музей революции. Начались аресты тех, что были не только свидетелями, но и участниками борьбы с самодержавием.

Еще в конце 1936 г. пришли арестовывать Прибылева. Он был тяжело болен и не вставал с постели. Его жена, 90-летняя Анна Павловна, легла на пол у входной двери и сказала тому, кто предъявил ей ордер на арест мужа: «Только через мой труп!». Командир не выдержал, он ушел и увел конвой. Остался ли впоследствии он сам в живых — бог весть. Прибылев умер через две недели после этого. Жена пережила его на три года.

Ленинградская группа Политического Красного Креста все же продолжала, по сути, нелегально функционировать, не теряя связи с ПОМПОЛИТОм в Москве — вплоть до ареста Гартмана, до 15 августа 1937 года. Подверглась репрессии и его жена, она умерла в концлагере. Комиссия НКВД и прокуратуры СССР приговорила Гартмана по ст. 58-6-11 УК РСФСР к расстрелу. Приговор приведен был в исполнение 28 сентября.

3 августа того же черного 37-го года в Москве арестовали верного помощника Пешковой. Спасти Винавера ей не удалось, несмотря на все ее старания. Он получил по приговору 10 лет лагерей строгого режима и погиб предположительно в 1942 году.

Можно считать благом смерть руководителей Ленинградской группы ПОМПОЛИТА, старых политкаторжан Новорусского и Швецова. За Прибылевым пришли снова в 1938-м, через два года после его кончины, так как в следственном деле о мифическом эсеровском заговоре он считался главным заговорщиком. Его неминуче постигла бы судьба другого народовольца, В.И. Сухомлина, простодушного старика, который в свое время писал сыну-эмигранту об успехах советской власти в развитии индустрии и сельского хозяйства, в области науки, образования и культуры. Василий Иванович Сухомлин тоже был объявлен заговорщиком; от своего сына он якобы получал из-за рубежа указания — «как проводить антисоветскую эсеровскую работу, и проводил ее». После допроса Сухомлин скончался в тюремной больнице.

В Петербурге на Троицкой площади, у ворот дома № 1, напротив сквера с Соловецким камнем-памятником жертвам репрессий, установлена в начале 1990-х годов мемориальная доска. На фоне сломанной ветви там выгравированы 54 фамилии расстрелянных членов Ленинградского отделения Общества бывших политкаторжан. В этом доме из 142 квартир только в 12 не приходили с арестами.

Трудно переоценить усилия энтузиастов из Политического Красного Креста — в советской России и за ее пределами — в их самоотверженном стремлении противостоять террору и помогать безвинным жертвам. Неведомы судьбы многих из тех, о ком узнавал и хлопотал ПОМПОЛИТ, передавая сведения их близким в СССР и за границей. Несчетное число погибших таит земля Соловков, Кутомары, Бутовского полигона и Левашовской Пустоши, Сандормоха, Воркуты, Колымы, бесчисленных братских могил по всей стране. Поисковики «Мемориала» постоянно открывают новые и новые захоронения. Совсем недавно были обнаружены останки расстрелянных в 1918—1920 гг. в Петрограде на территории Петропавловской крепости. Какие еще страшные находки явятся миру?

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6108, оп. 1; д. 19, л. 15, 16.
2. Материалы 4-го съезда Партии с.-р. Пг. 1917, с. 99.
3. Народ, I.XII.1917, № 114; Клио, 2005, № 3.
4. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.), ф. 506, оп. 1, д. 1А.
5. См. сб.: Обречены по рождению. По документам фондов Политического Красного Креста. СПб. 2004.
6. ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 328, л. 233.
7. Государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ГИА СПб.), ф. 506, оп. 1, д. 249, л. 15.
8. Там же, л. 5—8, 2.
9. Там же, оп. 2, д. 515, л. 25, л. 18, 18об., 22.
10. ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 359, л. 198.
11. Там же, д. 400, л. 106—107об.
12. Там же, д. 26, л. 178—181, 183—199, 208.
13. ЦГА СПб, ф. 506, оп. 1, д. 219, л. 1.
14. Там же, д. 147, л. 85 и 93.
15. Там же, д. 453, л. 96.
16. «Наш с Вами спор решит жизнь». М. 2009, с. 103.
17. ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 400, л. 125 и др.
18. Там же, д. 167, л. 85.
19. Там же, д. 400, л. 111—113.
20. Архив Центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке; Ленинградский мартиролог. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 1. СПб. 1995, с. 170.
21. ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 385, л. 236—244.
22. Там же, д. 134, л. 194, 96.
23. Там же, д. 169, л. 102—106.
24. Там же, д. 170, л. 26—26об.
25. Там же, д. 686, л. 90.
26. Там же, д. 565, л. 81, 87об., 88.
27. Там же, д. 292, л. 170, 170об.; д. 1375, л. 153—156.
28. ГАРФ, ф. 5880, оп. 1, д. 10, л. 27.
29. Там же, ф. 5789, оп. 1, Д. 44, л. 8.
30. Дни, 22.XII.1925.
31. ГАРФ, ф. 5880, оп. 1, д. 10, л. 154.
32. Опубликованы в кн.: «Наш спор с Вами решит жизнь».
33. Такое отдельное разъяснение понадобилось потому, что левые эсеры осенью 1917 г. были заодно с большевиками.

Ростовский период в истории Варшавского университета (1915—1917 гг.)

А.Г. Данилов

Высшие учебные заведения России оказывали заметное влияние на различные стороны жизни общества в XIX — начале XX века. Прежде всего это относится к университетам, которых к 1917 г. насчитывалось 11. Это было ничтожно мало. О степени отставания России в этом вопросе от развитых стран Европы можно судить по следующим данным: число учащихся в университетах мужчин на 10 тыс. чел. населения в 1917 г. составляло в России 2,2 чел.; Италии — 6; Англии — 7; Германии — 8 и во Франции — 9 человек¹.

В докладной записке Министерства народного просвещения Временного правительства в августе 1917 г. указывалось: «развитие народного образования на всех ступенях и, в частности, развитие высшего образования, как общего, так и профессионального, является самым могущественным и прочным средством возрождения страны, потрясенной войной и внутренним переустройством». Анализируя состояние образования, здравоохранения, сельского хозяйства, различных отраслей промышленности, административно-судебной сферы в России авторы документа пришли к выводу о том, что «нет той отрасли государственной и общественной службы, в которой не ощущался бы недостаток в лицах с высшим образованием»². Для российского общества в подобных условиях каждый университет был «на вес золота».

Поэтому так бережно отнеслись к судьбе Варшавского университета, который по причине поражений на фронте в июне 1915 г. был эвакуирован из Варшавы в Москву.

Это был один из старейших университетов Российской империи. Указ о его основании подписал Александр I в ноябре 1816 года. Университет был открыт 20 сентября 1817 г. и просуществовал до 1831 г., имея 5 факультетов: юридический, философский, медицинский, изящных наук и искусств, богословский. О масштабах его деятельности можно судить по такому факту: в 1829—1830 учебном году в его стенах обучалось 773 студента³ — цифра по тем временам значительная. Университет закрыли в связи с восстанием в Польше (1830—1831 гг.).

8 июня 1869 г. Александр II подписал Указ об учреждении Императорс-

Данилов Андрей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказской академии государственной службы. Ростов-на-Дону.

кого Варшавского университета и его Устав⁴. Как писал в 1914 г. В.В. Есипов, университет воспитал уже 45 поколений молодежи (свыше 6,5 тыс. чел.), в том числе примерно 60% поляков⁵. Университет сделал немало как для культурного, духовного развития своего края, так и в деле развития просвещения и науки в России.

В 1907—1916 гг. Область войска Донского в числе немногих губерний России стала одним из крупных центров высшей школы страны. Накануне революционных потрясений 1917 г. на ее территории действовали шесть высших учебных заведений, в которых, по нашим подсчетам, обучалось примерно 5 тыс. студентов.

Первые высшие учебные заведения в донском крае были открыты в Новочеркасске: осенью 1907 г. — Алексеевский Донской политехнический институт, осенью 1910 г. — Высшие женские курсы (с 1916 г. Высшие женские сельскохозяйственные курсы Донского сельскохозяйственного общества). И до и после их открытия интеллигенция, общественность и местная власть настойчиво ходатайствовали об открытии в Ростове собственного университета.

В начале XX в. молодежь Донской области, как и соседних губерний, получала высшее образование в университетах Петербурга, Москвы, Харькова, в технологических, горном, лесном, межевом, сельскохозяйственных, медицинских вузах, в Московской и Петербургской консерваториях, Московском училище живописи. Подготовка специалистов за пределами края не удовлетворяла ни местные власти, ни общественность Дона. Так, в 1915 г. за пределами Дона в различных высших учебных заведениях страны обучалось 570 уроженцев Донской области войскового сословия (из них 59 — войсковые стипендиаты) и еще столько же невойскового сословия⁶. Как оценить ситуацию?

Во-первых, эту цифру надо разделить, как минимум, на 4 — именно столько лет в то время учились на большинстве факультетов. Получается, что Донская область могла рассчитывать в лучшем случае (известно, что не все студенты оканчивали полный курс) на приток 250—300 специалистов в год. Это не соответствовало потребностям края, в котором в 1915 г. проживало 3,5 млн человек, и где быстрыми темпами развивались промышленность, транспорт, банковское дело, торговля и т.д.

Во-вторых, отсутствие в регионе своего высшего учебного заведения или какого-либо другого учреждения, способного возглавить научно-практическую и педагогическую деятельность в крае, приводило к тому, что не все выпускники возвращались для работы домой. Часть из них оставалась в столице и больших городах (там, где училась) — при кафедрах, лабораториях. Впоследствии тематика их научных исследований была мало связана с Югом страны. Это обедняло духовный и культурный потенциал региона. Кроме отсутствия возможности для творческой самореализации, что немаловажно для интеллигенции, была еще одна причина, по которой часть донских выпускников высшей школы не возвращалась к себе в провинцию — стремление делать карьеру. Таким образом, реально цифра получивших высшее образование за пределами Донской области и желавших вернуться для работы на Дон, была еще меньше.

В-третьих, учеба (дорога, проживание и т.д.) в Москве, Петербурге, Харькове, других университетских центрах — дело дорогостоящее. Обучение в родном городе или в своем крае — намного дешевле.

В-четвертых, добиваясь открытия на Юге России своего высшего учебного заведения, местная власть заботилась не только о подготовке необходимого числа квалифицированных кадров, но и о том, чтобы уберечь местную молодежь от революционного влияния столиц и других крупных политичес-

ких центров. К этому добавлялись опасения родителей, как сохранить «неокрепшие души» молодых людей из провинции, находящихся в период учебы без надзора семьи, от «тлетворного влияния» больших городов с их соблазнами.

Осознавая данные негативные факторы, местная администрация и общественность региона в начале XX в. неоднократно ставили перед правительством вопрос об открытии в крае своего университета и других высших учебных заведений. Например, общественность Таганрога безуспешно выдвигала 2 проекта — открыть в городе университет и политехнический институт⁷. Острое противостояние за право иметь у себя высшее учебное заведение развернулось между Ростовом и Новочеркасском в 1911 году⁸.

Аргументы местной власти и общественности о целесообразности открытия высшего учебного заведения именно в Ростове подробно изложены в ходатайстве, принятом городской думой еще в 1910 году. Оно было поддержано усилиями местных депутатов Государственной думы. В разное время к нему присоединились Екатеринодар, Ставрополь, Новороссийск, Владикавказ, Мариуполь, Ейск, Пятигорск, Анапа, Таганрог, Нахичевань-на-Дону и некоторые другие города. В документе, в частности, указывалось, что Ростов «как в географическом, так и в культурно-экономическом отношениях является естественным центром обширного, тяготеющего к нему района, охватывающего кроме Области Войска Донского и части Екатеринославской губернии, весь Северный Кавказ, а также, особенно впредь до учреждения вуза в Тифлисе, — и остальные области Кавказа и Закавказья. Весь этот обширный район с населением свыше 17 млн жителей с 96 мужскими средними учебными заведениями только по ведомству министерства народного просвещения вынужден посылать свою молодежь по всем университетским центрам империи, отрывая ее от родной обстановки и привычных для нее климатических условий...»⁹.

В феврале 1917 г. Министерство народного просвещения направило в Государственную думу документ об учреждении университета в Ростове-на-Дону. В нем дословно были повторены вышеперечисленные доводы о целесообразности открытия вуза именно в Ростове, и даже последняя фраза — о поддержке этой идеи различными городами¹⁰.

Неизвестно, сколько времени могло еще пройти до открытия на Дону своего университета, но началась первая мировая война, и ситуация изменилась.

Вследствие поражений русских армий на фронте в Москву в июне 1915 г. в срочном порядке был эвакуирован один из старейших в стране Варшавский университет. Поскольку в Москве достаточных помещений не оказалась (время было военное), начались интенсивные поиски временного, как тогда думали, местопребывания для вуза. Рассматривались различные проекты. В конце концов, был выбран Ростов.

В пользу этого города существовали следующие доводы: а) большая потребность региона в квалифицированных кадрах; б) многолетние, в том числе и летом 1915 г., активные хлопоты общественности об открытии своего университета; в) выгодное географическое положение — «ворота Кавказа», крупный порт и железнодорожный узел; г) богатый город, у которого есть средства на высшее учебное заведение, — это был немаловажный для правительства аргумент при сравнении с другими претендентами; д) достаточное количество потенциальных абитуриентов — только в одной Донской области в 1915 г. в 42 средних учебных заведениях обучалось, по нашим подсчетам, 14 300 учащихся. О количестве выпускников сведений нет¹¹.

Обстоятельства перевода учебного заведения из Москвы в Ростов в июле — сентябре 1915 г. широко освещались в местной прессе¹², а также описывались в исторической литературе¹³, наиболее подробно — в работе К.П. Кра-

ковского, который помимо отечественных использовал польские архивы ¹⁴.

Стоит отметить высокие моральные качества, которые продемонстрировали преподаватели и сотрудники Варшавского университета летом 1915 года. В первый раз во время эвакуации. В те дни большинство преподавателей находилось вне города, многие — в научных командировках. Оставшиеся спасали в первую очередь не свое личное имущество (у большинства из них были семьи), а учебное и научное оборудование. Второй раз — во время пребывания университета в Москве в июне — сентябре. В это время многим его профессорам, среди которых было немало крупных ученых, поступали предложения работать в лучших университетах, институтах, лабораториях, клиниках страны. Но преподаватели не покинули свой университет в трудную минуту, прибыли с ним в Ростов, осознавая, что на новом месте у них не будет тех условий, которые им предлагались в других университетских центрах. Это был нравственный выбор. Ученые, педагоги поставили интересы дела, в данном случае университета, выше личных интересов.

Те, кто занимался эвакуацией университетского оборудования, и особенно те, кто в июне отсутствовал в Варшаве, почти все личное имущество оставили на родине. Наибольшую потерю составляла утрата личных библиотек, собираемых годами, а то и десятилетиями, и представлявших нередко значительную ценность. Например, библиотека известного философа, профессора историко-филологического факультета Е.А. Боброва (1867—1933) включала в себя около 4 тыс. томов, в том числе уникальные отечественные и зарубежные памятники XVIII—XIX вв.: первые издания сочинений Лейбница, Фурье, Сен-Симона, К. Маркса, запрещенные цензурой и нелегально изданные в России книги, а также рукописи А.И. Полежаева, Н.А. Некрасова, исследования об Изборнике 1076 г., архивы некоторых ученых ¹⁵.

С одной стороны, к эвакуации университета готовились заблаговременно, и проходила она постепенно, с другой стороны, изменение обстановки на фронте, необходимость скорейшего выезда из Варшавы, отсутствие достаточного количества вагонов в условиях войны привели к тому, что почти все оборудование и уникальная библиотека, которая по богатству своих фондов была третьей в стране (после Петербургской публичной библиотеки — ныне Российская национальная, и Румянцевского музея — ныне Российская государственная библиотека) и первой среди университетских, были оставлены в Варшаве.

Удручающее материально-техническое состояние, в котором оказался университет по прибытии в Ростов осенью 1915 г., подробно раскрывается в отчетах библиотеки, кабинетов, клиник, лабораторий, астрономической обсерватории за 1915 год ¹⁶. Приведем только одну цифру. По нашим подсчетам, в Ростов вывезли менее 1% фондов университетской библиотеки. Спасали самое ценное — рукописи, инкунабулы, уникальные издания сочинений Аристофана, Данте, первые польские газеты.

Несмотря на все трудности, особенно связанные с подготовкой зданий к учебному процессу ¹⁷, 10 ноября 1915 г. после молебна состоялось торжественное открытие университета на новом месте. Но прошел еще месяц, прежде чем удалось наладить регулярные занятия.

В ноябре 1915 г. в Варшаве с согласия германских оккупационных властей был открыт свой университет для польской молодежи с преподаванием на родном языке.

Что собой представлял Варшавский университет после переезда в Ростов-на-Дону?

В его состав входило 4 факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский. Историко-филологический

факультет делился на 3 отделения: славяно-русское, классическое и историческое. Физико-математический факультет состоял из двух отделений: математического и естественного. На медицинском факультете обучение длилось 5 лет, на остальных факультетах — 4 года.

В Ростове были созданы и открыты те же учебно-вспомогательные структурные подразделения университета, что и в Варшаве: библиотека, семинарские библиотеки на каждом факультете (для проведения практических занятий), кабинеты, астрономическая обсерватория, различные лаборатории; приступили к созданию ботанического сада. На базе ростовских больниц были открыты клиники медицинского факультета и фельдшерская школа.

Внутриуниверситетская жизнь регламентировалась как и в Варшаве Уставом. Была сохранена прежняя структура управления: ректор, проректор, Совет и Правление университета, деканы, факультетские собрания. В Ростове продолжился выпуск «Варшавских университетских известий», активно действовали научные общества и студенческие кружки.

После переезда в Ростов университет по-прежнему входил в состав Варшавского учебного округа и до 1 июля 1917 г. поддерживал связь с Министерством народного просвещения через попечителя округа, представителя древнейшего аристократического рода А. Куракина, чья канцелярия находилась в Москве.

После труднейшей эвакуации из Варшавы по прибытии в Ростов-на-Дону в 1915—1916 учебном году университет полностью восстановил основные направления и масштабы своей деятельности (за исключением материальной базы). Это было несомненной заслугой ректора университета С.И. Вехова, деканов факультетов, всего профессорско-преподавательского корпуса, учебно-вспомогательного состава, а также городских властей.

Как можно охарактеризовать профессорско-преподавательский корпус университета в 1915—1917 гг. после переезда в Ростов?

Преподаватели делились на «старших» (ординарные и экстраординарные профессора) и «младших» (доценты, приват-доценты, лекторы, прозекторы, хранители музеев и т.д.).

Переезд в Ростов не повлиял на численность основной массы преподавателей. Так, на 1 января 1914 г. было 60 ординарных и экстраординарных профессоров, на 1 января 1915 г. — 57, на 1 января 1916 г. (после переезда в Ростов) — 58. Доцентов соответственно — 7, 9, 5¹⁸. Из ежегодно публиковавшихся отчетов Варшавского университета следует, что еще до переезда в Ростов из года в год ряд должностей был свободным. Например, в отчете историко-филологического факультета за 1915 г. указано, что три должности профессоров были вакантны соответственно с 1908, 1914 и 1915 гг., а две должности лекторов вакантны: итальянского языка — с 1905 г., английского языка — с 1912 года¹⁹. Такое положение вещей было типичным как для университетов, так и для всей высшей школы России в начале XX века.

В Варшавском университете, как и в других институтах страны, чтобы не страдал учебный процесс, использовали труд совместителей. В то же время в начале XX в. главным инструментом в деле ликвидации нехватки кадров для высших учебных заведений признавался (при всем его несовершенстве) институт «профессорских стипендиатов» (аспирантов), которые занимались подготовкой магистерских диссертаций. При Варшавском университете в 1915 г. (уже в Ростове-на-Дону) состояли «профессорскими стипендиатами» по историко-филологическому факультету — 7 чел., физико-математическому — 2, юридическому — 4 человека²⁰. Один «стипендиат» — по кафедре всеобщей литературы Варшавского университета был прикомандирован к Петроградскому университету на период с 1 июля 1915 г. по 1 июля 1917 г. со стипенди-

ей в размере 1 500 руб. в год. Этот факт свидетельствует о том, что подготовка будущих преподавателей университета шла не только в Ростове, но и при необходимости в других научных центрах. В архивных материалах удалось найти интересный факт. «Профессорский стипендиат» историко-филологического факультета Ян Острембский попал в германский плен (подробностей нет). Каким-то чудом он сумел переслать в Ростов одному из профессоров факультета письмо, в котором писал о своем желании после освобождения из плена продолжать заниматься научными исследованиями и просил не исключать его из состава «стипендиатов». Письмо пришло в Ростов весной 1916 году. На своем заседании 4 июня 1916 г., обсудив сложившуюся ситуацию, Совет факультета решил поддержать своего «стипендиата» и ходатайствовать перед Советом университета: а) об оставлении Яна Острембского еще на один год при университете, б) о назначении ему стипендии в размере 750 рублей ²¹. Данные факты свидетельствуют о большом внимании и сочувствии, которое старшее поколение профессоров уделяло своей молодой смене.

Любопытная деталь, которая характеризует преподавательский корпус. Научные исследования продолжались в университете и в трагические 1917—1920 гг.: аспиранты писали магистерские диссертации, а Совет университета, например, на одном из своих заседаний весной 1918 г. рассматривал заявления преподавателей о финансировании планируемых ими научных командировок. В России всегда находились люди, готовые заниматься наукой в любых условиях.

В отчетах и официальной статистике начала XX в. отсутствуют сведения о социальном происхождении и национальном составе преподавателей высших учебных заведений. В то же время анализ сведений, представленных Варшавским университетом попечителю округа для ежегодно издаваемого Адрес-календаря на 1916 г., позволяет выяснить социальное положение преподавательского корпуса. 21 чел. (31%) имел чин IV класса (действительный статский советник), 19 (28%) — V класса (статский советник), 11 (16,2%) — VI класса (коллежский советник), 6 — VII класса, 1 — VIII класса, 2 — IX класса, 8 чел. (11,7%) не имели чинов ²². Данные цифры свидетельствуют о том, что основная масса преподавателей (59%) занимала в «Табели о рангах» высокие места IV класса (это уровень директора департамента или губернатора) и V класса (уровень вице-директора департамента или вице-губернатора). В то же время это не гарантировало высокий уровень благосостояния. Для большинства преподавателей (за исключением врачей) педагогический труд был единственным источником существования. С одной стороны, у них (но далеко не у всех) была возможность заниматься совместительством внутри университета, а также преподавать на Высших женских курсах и в Ростовском городском женском мединституте, с другой стороны, хорошо известно, что государство неадекватно оценивало (и это выражалось в оплате труда) деятельность тех, кто готовил столь необходимые стране кадры высшей квалификации. Надо помнить и о том, что у значительной части преподавателей университета, переехавших в Ростов, все или почти все имущество, нажитое годами и даже десятилетиями, осталось в Варшаве.

Среди прибывших в Ростов преподавателей было немало крупных ученых. На историко-филологическом факультете — профессора Е.Ф. Карский (языковед, впоследствии академик, работал в университете до 1916 г.), Н.Н. Любович (всеобщая история, до 1929 г.), И.П. Козловский (русская история, до 1925 г.), В.А. Францев (славист, с 1915 г. — чл.-кор. АН), А.М. Евлахов (история западноевропейской литературы, до 1927 г.), П.Н. Черняев (языковедение, до 1922 г.), А.И. Яцимирский (славянская филология, до 1923 г.). На физико-математическом факультете — профессора Д.И. Ивановский (ви-

русология, микробиология и физиология растений, до 1920 г.), Н.А. Рожанский (физиология животных, до 1951 г.), П.И. Митрофанов (гистология, до 1920 г.), Я.П. Щелкановцев (зоология позвоночных, до 1937 г.), Б.Н. Вершковский (ботаника, до 1946 г.), Д.Д. Мордухай-Болтовской (матем. анализ, до 1950 г.), В.П. Вельмин (математика, до 1950 г.), С.М. Колли (физика, до 1918 г.). На юридическом факультете — профессора Ф.Ф. Зигель (история славянских законодательств, до 1921 г.), В.В. Есипов (уголовное право, до 1923 г.), П.И. Верховский (история церковного права). На медицинском факультете — профессора Н.А. Богораз (госпитальная хирургия, до 1930 г.), К.Х. Орлов (офтальмология, до 1926 г.) и др.²³.

Особо следует отметить Сергея Ивановича Вехова (1857—1919), профессора римской словесности, который в самые драматические для университета годы — с 1913 по 1919 — оставался его бессменным ректором. Он скоропостижно скончался от тифа в марте 1919 года²⁴.

Большинству из вышеназванных преподавателей выпало заниматься научно-педагогической деятельностью в течение нескольких исторических эпох. Так, будущий известный историк-медиевист Н.Н. Любич стал преподавать в Варшавском университете в 1880 г. в возрасте 25 лет. Вместе с университетом в 1915 г., в возрасте 60 лет, он переехал в Ростов и преподавал до 1926 г., скончался в 1935 году²⁵. Дольше всех из тех, кто прибыл в Ростов из Варшавы и на новом месте фактически заново создавал университет, проработали профессора Б.Н. Вершковский — до 1946 г., Д.Д. Мордухай-Болтовской и В.П. Вельмин — до 1950 г., Н.А. Рожанский — до 1951 г. С 1938 по 1954 г. ректором Ростовского университета был С.Е. Белозеров, который затем еще длительное время преподавал математику. Семен Ефимович был коллегой преподавателей, прибывших с университетом на Дон в 1915 г. и продолжавших еще работать в 1930—1940-е годы. До своей смерти в 1987 г. он занимался изучением и популяризацией истории своего вуза.

Высшие учебные заведения давали своим выпускникам не только специальность, но и право на получение чина XII—VIII класса — в зависимости от ранга учебного заведения и успехов выпускников. Видимо, это также влекло молодежь в институты.

Варшавский университет в 1915—1917 гг. по численности студентов занимал 5-е место из 11, уступая Московскому, Петербургскому, Киевскому и Харьковскому университетам, опережая Казанский, Юрьевский, Новороссийский (в Одессе), Пермский, Томский и Саратовский.

В Ростов для продолжения учебы прибыло, по нашим подсчетам на основе хранящихся в архиве отчетов университета, не менее 1085 студентов (примерно 60% от общей численности), а не 724 студента, как это порой указывается в некоторых работах. Цифры получены следующим образом. На 1 января 1916 г. в университете (в Ростове) числилось 2103 студента. В течение всего 1915 г. в университет было принято 1018 человек. 2103 — 1018 = 1085 — столько студентов, из числа учившихся в Ростове на 1 января 1916 г., поступили в университет до 1 января 1915 г. (то есть в Варшаве) и прибыли в Ростов для продолжения образования. На 1 января 1915 г. в университете училось 2062 студента. В течение 1915 г. окончили полный курс 295 студентов²⁶. 2062 — 295 = 1767 — это примерная численность студентов на лето 1915 г. (после ухода выпускников). Прибывшие в Ростов 1085 человек, составляют 60% от 1767²⁷. Студентам, по каким-либо причинам не пожелавшим ехать в Ростов, предоставили право перевода в другие университеты.

Контингент студентов в 1915—1917 гг., после переезда университета в Ростов-на-Дону, заметно изменился по профессиональной ориентации, по социальному и национальному составу.

При анализе статистических данных важно иметь в виду следующий момент. Прибывшие осенью 1915 г. в Ростов из Варшавы 1085 студентов составляли 51% от общего числа студентов университета на 1 января 1916 г. (2103 чел.). Это обстоятельство заметно влияло на статистические сведения за 1915—1916 учебный год по всем показателям. Чтобы понять, как изменился состав студентов в Ростове по сравнению с Варшавским периодом, правильнее, по нашему мнению, данные на 1 января 1915 г. (когда университет был еще в Польше) сравнивать с данными на 1 января 1917 года.

Общая численность студентов университета из года в год менялась практически незначительно: 2062 чел. на 1 января 1915 г. и 2007 чел. на 1 января 1917 года. И переезд в Ростов не повлиял на этот показатель.

В то же время с переводом университета на Дон заметно изменилось распределение учащихся по факультетам: сократилась численность историков и филологов — на 59% и юристов — на 14,6%; одновременно выросла численность медиков — на 44,5%, студентов физико-математического факультета — на 56% (в основном за счет увеличения почти в 2 раза числа обучающихся на естественном отделении — со 141 до 244 человек). Переезд Варшавского университета в Ростов привел к заметным изменениям в профессиональной ориентации его выпускников.

Анализ изменений в социальном составе студентов в 1915—1917 гг. позволяет сделать следующие выводы²⁸.

Удельный вес дворянско-чиновничьей группы (сыновья потомственных и личных дворян и чиновников) в студенческом контингенте с переездом университета в Ростов не изменился: 12,6% на 1 января 1915 г. и 12,5% на 1 января 1917 года. В 2,5 раза, сократились численность и удельный вес среди студентов лиц духовного звания — выпускников православных духовных семинарий.

С переездом в Ростов — крупный промышленный, финансовый и торговый центр на Юге России — закономерно выросли численность и удельный вес в студенческой аудитории таких категорий населения, как ценовая буржуазия и буржуазная интеллигенция (сыновья почетных граждан и купцов) — почти в 4,5 раза, мелкая городская буржуазия и среднегородские слои (мещане и цеховые) — в 1,7 раза.

На Дону численность и удельный вес студентов — выходцев из крестьян — сократились почти на 20% по сравнению с пребыванием университета в Варшаве. Вряд ли донские, кубанские, ставропольские крестьяне из региона — традиционного поставщика зерна на внутренний и мировой рынки — были беднее польских крестьян. Скорее всего, причина такой ситуации кроется не в финансовой стороне вопроса, а в «цивилизационных» отличиях Царства Польского, в котором и уровень образования различных слоев населения был выше, чем в большинстве регионов страны, и традиции европейской университетской культуры были более развиты. Южнорусские крестьяне (речь идет о наиболее состоятельных), во-первых, были менее знакомы с таким явлением, как университет, а, во-вторых, нередко предпочитали давать своим сыновьям инженерное, коммерческое, сельскохозяйственное, а не академическое образование. Например, в Донском политехническом институте удельный вес студентов из крестьян в 1915 г. составлял 22%²⁹, то есть в 2 раза выше, чем в университете.

Естественно то обстоятельство, что на Дону в 2 раза выросли численность и удельный вес среди студентов сыновей казаков (с 0,6% до 1,2%). Не совсем понятны два момента. В казачьем регионе — донское, кубанское, терское казачество — удельный вес студентов из казаков а) был ничтожно мал — 1,2% на 1 января 1917 г. и б) почти не отличался от среднестатистичес-

кого показателя — 1% в 1916 году. Можно предположить, что казаки, как и крестьяне, предпочитали давать своим детям неакадемическое образование. Например, в Новочеркасском политехническом институте доля детей казаков и военных в те годы составляла 20%³⁰.

Рост более, чем в 16 раз численности и удельного веса такой группы, как иностранцы (дети натурализовавшихся в России иностранных подданных, занимавшихся всеми видами капиталистической деятельности и фактически слившихся с отечественной буржуазией), объясняется особенностями и историческими традициями Ростова, Донской области, южных губерний страны. В этом регионе в XVIII—XX вв. проживало немало немцев, греков, турок, других народов.

Не стоит забывать, что социально-классовый состав учащихся высшей школы был следствием целенаправленной политики государства в этой сфере.

Провинциальная управленческая и финансовая элита стремилась давать своим детям образование в столичных центрах. По подсчетам А.Е. Иванова, на 1 января 1914 г. свыше 71% всех студентов из семей чиновников и дворян, обучавшихся в 11 российских университетах, концентрировалось в Москве, Петербурге и Киеве. В то же время и провинциальные университеты по данному показателю нередко заметно отличались друг от друга. Если в университете в Ростове доля дворянско-чиновничьей группы студентов составляла 12,5%, то в Томском университете — 1,9%, в Саратовском — 1%³¹. Это говорит об определенном авторитете, престиже Варшавского университета среди части общества.

Удельный вес студентов — выходцев из среднегородских слоев и сельских сословий (духовного звания, сыновей мешан, цеховых, казаков, крестьян, иностранцев и прочих) составлял на 1 января 1917 г. почти 81% в Ростове по сравнению с 53% в целом по университетам. Это иллюстрирует тот факт, что провинциальные университеты по составу студентов были более демократичными, чем столичные. Превышение доли семинаристов в Варшавском университете в 2 раза по сравнению со среднестатистическим показателем объясняется тем, что не во все университеты страны учащимся этой категории был открыт свободный доступ.

В дореволюционной статистике национальная принадлежность студентов подменялась религиозно-исповедальной. По подсчетам Иванова, религиозно-исповедальная принадлежность в целом идентифицировалась с национальной³². После переезда Варшавского университета в Ростов произошли изменения в национальном составе студентов.

Численность православных сократилась с 1534 чел. (74,4%) на 1 января 1915 г. до 924 чел. (46%) на 1 января 1917 г., католиков — соответственно с 295 (14,3%) до 160 (8%). Выросла численность лиц еврейской национальности (иудейское вероисповедание) с 193 (9,4%) до 723 (36,6%)³³.

Достаточно понятным и закономерным является сокращение численности и удельного веса студентов-поляков (католиков) в 1,8 раза, рост численности студентов армянской национальности с 0 до 5,5%, татар, других народов. В Донской области и соседних губерниях проживали представители различных национальностей.

10 августа 1915 г. Совет министров России принял постановление о льготном приеме в высшую школу участников войны и их детей без различия национальностей и вероисповедания. Следствием такого решения и стало увеличение доли студентов иудейского исповедания в различных вузах.

В то же время местная администрация порой сама регулировала численность еврейской студенческой молодежи в Области войска Донского. В октябре 1916 г. Войсковой наказной атаман издал приказ о выселении из Ново-

черкасска студентов Варшавского ветеринарного института (эвакуированно-го в этот город в 1915 г.) еврейской национальности ³⁴.

Перевод в Ростов в 1915 г. Варшавского университета, с одной стороны, организационно завершил процесс превращения Донской области в крупный центр высшей школы на Юге России, с другой, дал толчок для ее дальнейшего развития в крае. По инициативе преподавателей университета в Ростове в 1915—1918 гг. были открыты Высшие женские курсы, городской женский Медицинский институт, одногодичные педагогические курсы для лиц с высшим образованием для подготовки учителей средних учебных заведений, Археологический и Коммерческий институты.

Высшие женские курсы были открыты в Варшаве осенью 1909 г. по инициативе преподавателей университета. Летом 1915 г. вместе с университетом курсы эвакуировались в Ростов-на-Дону. Они почти полностью повторяли структуру университета. Учебные планы и программы курсов также соответствовали учебным планам и программам университета.

Занятия на курсах в Ростове начались в ноябре 1915 года. Вели их 45 преподавателей университета (на 1 января 1916 г.), а обучались в тот период 665 (по другим данным — 683) слушательниц ³⁵.

Обучение было платным. Полный курс, как и в университете, составлял 4 года. После сдачи экзаменов государственным испытательным комиссиям выпускницы получали права наравне с лицами, окончившими российские университеты.

В ноябре 1916 г. в Ростове был открыт Городской женский медицинский институт. О степени его популярности в регионе можно судить по следующему факту: осенью 1916 г. на 1-й курс института было подано 648 заявлений (из них 382 — из других регионов страны) ³⁶. Возглавил институт заслуженный ординарный профессор Варшавского университета А.А. Колосов. Первоначальная плата за обучение составляла 200 руб. в год ³⁷.

В мае 1916 г. при университете были открыты одногодичные педагогические курсы для лиц с высшим образованием с целью подготовки учителей для средних учебных заведений. Работа курсов позволила улучшить подготовку донских учителей.

6 июня 1916 г. Совет университета на своем заседании выразил готовность оказать поддержку Ростово-Нахичеванскому обществу народных университетов. Желание читать в нем лекции и вести практические занятия высказали многие профессора медицинского и юридического факультетов ³⁸.

По инициативе преподавателей университета был открыт Ростовский коммерческий институт, занятия в котором вели в основном профессора юридического факультета. Возглавлял его видный российский ученый-экономист, профессор П.И. Лященко ³⁹.

В 1916 — начале 1917 г. как на Дону, так и в Петрограде шла работа по созданию в Ростове собственного университета. 30 июня 1916 г. это решение утвердил Николай II, 12 июля 1916 г. его одобрил Совет министров ⁴⁰. В феврале 1917 г. Министерство народного просвещения направило в Государственную думу соответствующий документ, но тут грянула Февральская революция. Данным вопросом пришлось заниматься Временному правительству, которое 5 мая 1917 г. постановило: учредить с 1 июля 1917 г. в районе Ростова и Нахичевани-на-Дону университет в составе 4-х факультетов: историко-филологического, юридического, физико-математического и медицинского. Присвоить этому университету наименование «Донской» ⁴¹.

Так завершился процесс трансформации Варшавского университета в Донской.

Это было не формальным переименованием, а отражением новых реалий: по сравнению с «польским периодом» на Дону заметно изменились социальный и национальный состав студентов, профессиональная структура его выпускников, направленность многих исследований преподавателей. Те ученые, чьи работы носили прикладной характер, занялись в 1916—1917 гг. изучением нового для себя региона, приняли участие в исследовании природных ресурсов Дона, Кубани, Ставрополя и Северного Кавказа.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 2315 (Министерство народного просвещения Временного правительства), оп. 1, д. 10, л. 131.
2. Там же, л. 131, 133об.
3. ИВАНОВ А.Е. Варшавский университет. В кн. Отечественная история: энциклопедия. Т. 1. М. 1994, с. 340.
4. Оба документа опубликованы. — Варшавские университетские известия. 1883, № 2.
5. ЕСИПОВ В.В. Высшее образование в Царстве Польском за сто лет (1815—1915). Варшавский университет. Пг. 1914, с. 18.
6. Отчет Войскового наказного атамана о состоянии Области войска Донского за 1915 год. Новочеркасск. 1916, с. 29.
7. ИВАНОВ А.Е. Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М. 1991, с. 374.
8. См.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400 (Казачий отдел Главного штаба), оп. 25, д. 3915 (Об открытии медицинского факультета в г. Ростове-на-Дону, 1911—1912 гг.).
9. Летопись университетской жизни. Ч. 1. Начало университетского образования на юге России: императорский Варшавский университет в Ростове-на-Дону. (1915—1917 гг.). Учреждение Донского университета и его деятельность в 1917—1919 гг. Ростов-на-Дону. 1997, с. 6, 7.
10. Сам документ см.: Государственный архив Ростовской области (ГАРО), ф. 527 (Варшавский университет), оп. 1, д. 103, л. 194—194об.
11. Отчет Войскового наказного атамана о состоянии Области войска Донского за 1915 год. Ведомость № 11 «Число учебных заведений и учащихся в них за 1915 год». Подсчеты автора.
12. См.: Приазовский Край. 11, 12, 14, 15 и 28.VIII.1915.
13. XX лет Ростовского-на-Дону государственного университета: Ученые записки (юбилейный выпуск). Ростов-на-Дону. 1935, с. 39—42; БЕЛОЗЕРОВ С.Е. Очерки истории Ростовского университета. Ростов-на-Дону. 1959, с. 45—49; СИДОРОВ В.С. Варшавский университет. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 3. Ростов-на-Дону. 1995, с. 111—121; Летопись университетской жизни. Ч. 1.
14. КРАКОВСКИЙ К.П. Нить времени (История юридического факультета Варшавского—Донского—Ростовского университета). Ч. 2. Т. 1. (1808—1924 гг.). Ростов-на-Дону. 2005, с. 222—228.
15. ЛИПАТОВА З.Н., ШАХАНОВ А.Н. Судьба рукописного отдела и архивов профессоров Варшавского университета. — Отечественные архивы. 1992, № 3, с. 27.
16. Отчеты см.: ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 79, 198.
17. Переписку деканов факультетов, заведующих кабинетами с Советом университета и городскими властями по этому вопросу в сентябре — декабре 1915 г. см.: ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 103.
18. Варшавские университетские известия. 1915, кн. 6, с. 3, 7; ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 198, л. 113. На л. 44—45 есть распределение должностей преподавателей по факультетам.
19. ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 198, л. 97.
20. Список всех стипендиатов см.: ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 198, л. 75—76.
21. ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 124, л. 4об.—5.
22. Там же, д. 63, л. 27—27об., 30.
23. Ростовский государственный университет: 1915—1965: Статьи, воспоминания, документы. Ростов-на-Дону. 1965; В Государственном архиве Ростовской области сохранились личные дела большинства преподавателей, прибывших из Варшавы. Эти материалы еще слабо введены в научный оборот.
24. Приазовский Край. 16 (29) III 1919; ГАРО, ф. 527, оп. 3, д. 755. ЧЕРНЯЕВ П.Н. Вехов Сергей Иванович. Материалы для истории бывшего Варшавского университета. Рукопись. Ростов-на-Дону. 1919, с. 228—250; РЕШЕТОВА Н.А. Он вел университетский корабль среди рифов и скал. Донской временник. Год 1997-й. Ростов-на-Дону. 1996, с. 150—152.

25. ГАРО, ф. 527, оп. 2, д. 3221.
26. Данные взяты из рукописного отчета университета за 1915 год; ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 198, л. 76.
27. Интересен еще один расчет. 1767 (примерная численность студентов на лето 1915 г. после ухода выпускников) — 1085 (прибывшие в Ростов) = 682 (примерная численность не доехавших в Ростов студентов). Данные совпадают с цифрами из отчета, согласно которому в 1915 г. до окончания курса выбыло 682 человека. Летопись университетской жизни, с. 19.
28. Варшавские университетские известия. 1916, кн. 6, с. 24; ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 124, л. 25.
29. Новочеркасский политехнический институт им. С.К. Орджоникидзе. Новочеркасск. 1957, с. 10.
30. Там же.
31. ИВАНОВ А.Е. Ук. соч., с. 269.
32. Там же, с. 285.
33. Варшавские университетские известия. 1916; кн. 6, с. 24; ГАРО, ф. 527, оп. 1, д. 124, л. 25.
34. ГАРО, ф. 829 (Донское областное жандармское управление), оп. 1, д. 427, л. 24.
35. Там же, ф. 528 (Высшие женские курсы при Варшавском университете), оп. 1, д. 35, л. 11.
36. Ростовский государственный университет (1915—1985), с. 16.
37. Летопись университетской жизни, с. 26.
38. Там же.
39. Там же, с. 65—66.
40. ГАРФ, ф. 2315, оп. 1, д. 10, л. 8.
41. Там же, ф. 527, оп. 1, д. 290, л. 6об.—7. См. также: ГАРФ, ф. 2315, оп. 1, д. 28. Основные положения документа см.: Летопись университетской жизни, с. 35—37.

Московские служилые люди в духовных грамотах конца XV—XVI в.

В.В. Пенской

Сегодня уже не вызывает сомнения та значительная роль, которую сыграли служилые люди в строительстве Московского государства. Однако, как замечала И.Б. Михайлова, «эти слои населения изучены в меньшей степени, чем знать, крестьяне, купечество и рядовые горожане...»¹. Чем это обусловлено? В советской историографии традиционно основное внимание обращалось на исследование социально-экономического развития русского общества, классово-политической борьбы. В центре внимания оказывались те слои московского общества, непосредственно задействованные в этих процессах — крестьянство, боярство, посадские люди, клир. Служилым людям «по отечеству» уделялось не в пример меньше внимание, и то преимущественно в аспекте изучения особенностей их взаимоотношений с «тяглецами» и характера их землевладения. Такое смещение акцентов обуславливалось как господствовавшим на протяжении большей части минувшего столетия в отечественной исторической мысли формационным подходом к изучению исторических процессов, так и состоянием источниковой базы. Не секрет, что корпус документов XV—XVI вв. понес тяжелейшие потери. «Печально, — отмечал А.В. Антонов, — но приходится признать, что в нашем распоряжении не более десятой доли процента от некогда существовавшего документального комплекса частных феодальных архивов XV — начала XVII в.»². В результате исследование особенностей становления и развития этого социального слоя московского общества оказалось затруднено. Это также способствовало тому, что долгое время данная проблема не вызывала большого интереса у отечественных историков. Ситуация стала исправляться лишь в последние годы, когда появились интересные и оригинальные работы, связанные с изучением служилых людей Московского государства³. Однако можно с уверенностью сказать, что историческая наука в этой области сделала лишь свои первые шаги.

Среди прочих вопросов, возникающих при близком соприкосновении с проблемой, одним из важнейших является анализ особенностей «службы» дворян и детей боярских, в особенности их «конности, людности и оружно-

Пенской Виталий Викторович — доктор исторических наук, профессор Белгородского государственного университета.

сти». Пожалуй, здесь как нельзя более применимы слова И.Б. Михайловой, писавшей, что «...чаще высказывания о детях боярских постулируются общими посылками или устоявшимися клише и слабо аргументируются...»⁴. Примером может служить статья А.С. Солоусова⁵. Причина этого очевидна — она заключается прежде всего в неудовлетворительном состоянии источниковой базы. Для XVII в. материалов сохранилось не в пример больше, потому изучение «конности, людности и оружности» московских дворян и детей боярских XVII в. продвинулось значительно дальше⁶, чего нельзя сказать о XVI в., особенно его первой половине⁷. Самая ранняя сохранившаяся десятня (каширская) датируется 1556 г., к тому же времени относится и «Боярская книга»⁸, вобравшая сведения о характере службы и жалования служилых людей. Однако подобные материалы применительно к XVI в. можно пересчитать буквально по пальцам, а поиски новых аналогичных документов пока не дали результатов. Учитывая же крайне неудовлетворительную сохранность московских архивов XVI в., вряд ли можно надеяться на то, что они будут обнаружены в будущем. Тем большую важность приобретают акты материалы, в которых содержится информация о характере «службы» дворян и детей боярских в XVI веке.

Большой интерес в этом отношении представляют духовные грамоты московских служилых людей, особенно конца XV — 60-х гг. XVI века. В.Ф. Андреев, давая им определение, отмечал, что «...духовные — это частные акты, которые в письменной форме фиксируют завещательные распоряжения»⁹. Нельзя сказать, что духовные грамоты как ценный исторический источник не привлекали внимания отечественных исследователей. Однако интерес к этим документам в разное время носил односторонний характер. Дореволюционные историки, занимаясь духовными, изучали их «юридическую конструкцию»¹⁰. В советское время внимание к духовным носило социально-экономический уклон¹¹. Не слишком изменилась ситуация и сегодня. К примеру, В.Д. Назаров, анализируя духовную князя И.В. Ромодановского, указывал, что она «...представляет исключительный интерес во многих отношениях...», однако исследователь ограничился лишь анализом земельных владений и имущественного положения. Несколько иной, в определенной степени историко-антропологический подход, демонстрирует анализ духовной грамоты Тимофея Бусурменова, подготовленный О.Е. Кошелевой, а Г.В. Семенченко подверг изучению особенности развития формуляра духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси¹². Однако ни в том, ни в другом, ни тем более в третьем случае интересующий нас аспект не был затронут. В последних по времени исследованиях о «конности, людности и оружности» московских дворян и детей боярских XVI — начала XVII века данные духовных грамот к разработке проблемы также не привлекаются¹³. Таким образом, до сих пор духовные грамоты московских служилых людей конца XV—XVI в. практически не использовались как источник по изучению «конности, людности и оружности» последних¹⁴.

Конечно, привлекая к изучению «службы» детей боярских данные духовных грамот, неизбежно возникает вопрос о репрезентативности этого рода источников. К сожалению, приходится признать, что до нас дошло крайне мало как подлинных, так и скопированных позднее духовных конца XV—XVI вв. Это может создать впечатление о неприменимости их для изучения интересующей нас проблемы. Однако, с одной стороны, материалов о «службе» московских дворян и детей боярских конца XV—XVI вв. сохранилось немного, поэтому любое расширение источниковой базы исследований должно только приветствоваться. С другой стороны, как отмечал В.Б. Кобрин, «...репрезентативность источников существует не сама по себе, а лишь отно-

нительно к целям исследования. Сохранившиеся источники могут оказаться достаточно представительными для решения одной группы вопросов и недостаточно репрезентативными — для другой»¹⁵. Ввиду немногочисленности и специфичности духовных, они не могут быть использоваться сами по себе, изолированно от других источников. Но при комплексном подходе сведения, сообщаемые ими, будут чрезвычайно полезны.

В процессе подготовки статьи нами были использованы 64 духовные конца XV — начала 80-х гг. XVI в., опубликованные в различных изданиях второй половины минувшего и в начале нынешнего столетия. Большинство из них происходит из монастырских архивов. Значительная часть духовных представлена подлинниками, однако основная масса дошла до наших дней в копиях XVII века. Завещания из светских архивов представлены единичными экземплярами. Авторами духовных были как представители аристократии, так и служилые люди средней руки и совсем небогатые дети боярские, владевшие вотчинами и испомещенные преимущественно в центральных, «коренных» уездах Московского государства с достаточно развитым вотчинным и поместным землевладением. Готовясь предстать пред Создателем или «идучи на великого князя службу», князья, бояре, дворяне и дети боярские приводили свои дела в порядок, расписывая, «...что ми кому дати и на ком ми что взяти...»¹⁶. Подробнейшие росписи принадлежавших им «животов» содержат ценнейшую информацию не только об уровне жизни детей боярских и дворян, но также и о характере их службы.

Для начала рассмотрим «конность» служилых людей¹⁷. М.В. Воробьев, касаясь этого аспекта службы при первых Романовых, отмечал, что «...источники различают среди них (лошадей служилых людей. — П.В.) шесть типов: конь добрый, конь, мерин добрый, мерин, меринок и меринец. В основе такого деления, помимо холостенности, обеспечивавшей более спокойный нрав лошади, лежали, по-видимому, различия (по нисходящей линии) перечисленных типов по основным боевым качествам: резвости, выносливости и выючности...»¹⁸. Материалы духовных XVI в. подтверждают предложенную исследователем классификацию принадлежавших дворянам и детям боярским лошадей. Чаще всего в грамотах встречаются «кони», затем идут «мерины», реже — «меринцы» и «жеребчины», совсем редко — «аргамаки», «лошадь» и «кобылы».

Стоимость упомянутых в духовных лошадей также в целом подтверждает наблюдения Воробьева. Самый лучший, «княжеский», и вместе с тем редкий конь, аргамак, оценивался в 15 руб. Богатый сын боярский мог позволить себе коня ценой в 7, 8 или даже 10 руб., но, как правило, обычный конь стоил от 3 до 6, чаще 4—5 руб. Редко когда его стоимость падала до 1,5—2 руб. Менее «качественный» мерин оценивался, как правило, дешевле — от 1 руб. или даже менее (в начале века) до 3 руб. (в середине столетия), средняя же его цена составляла 2—3 руб. Но и здесь могли быть исключения — «княжеский» мерин мог стоить 7, 8 и даже 15 руб. Меринец обходился в 1,5—2 руб., лошадь (упоминаются лошади «волоские» и «татарские») — также в 1,5 руб. (но и здесь были свои исключения. Так, в завещании князя Ю.А. Оболенского упоминается татарская «лошадка»-«проиноход» ценой в 5 руб., а кобыла — в 0,5 руб.¹⁹

Разнились не только цены на лошадей, но и их количество, принадлежавшее тому или иному служилому человеку. Так, в датируемой началом 40-х гг. XVI в. духовной грамоте Дмитрия Белеутова среди лошадей, что должны быть переданы его душеприказчиками указанным в завещании лицам, названы 6 коней, 5 мерин, 3 меринца и 1 лошадь. Сам же завещатель хотел вернуть 2 коней, 6 мерин и 1 меринца. Василий Узкий Петров сын Есипов

завещал своей жене 7 коней, 2 мерина и 8 жеребят, другим же служилым людям — аргамака и 6 коней. Ему же должны были вернуть 3 коня, 2 мерина и меринца ²⁰.

Естественно, что самых дорогих лошадей и самые большие их табуны могли позволить себе содержать те служилые люди, кто обладал относительно крупными земельными владениями. Так, в вотчине Василия Есипова селе Ярополчь (с деревнями), отошедшей к Иосифо-Волоцкому монастырю, в 1562 г. было 67 крестьянских дворов и 664 дес. пашни. Григорий Русинов в своей духовной перечисляет как находящихся с ним на службе, так и в его хозяйстве 3 коня, 12 меринцов, 3 жеребчины и 1 меринец. Его же вотчина с. Берлюково (также с деревнями), отошедшая по духовной к Троице-Сергиеву монастырю, в 1594 г. насчитывала 234 двора ²¹. Менее зажиточные служилые люди, такие, как Кузьма Лапшин или Данило Мордвинов, имели, естественно, и табуны поменьше размером, и коней ценой и качеством похуже ²².

Не меньший интерес представляют и называемые в духовных предметы «конского наряда». Обычно, описывая его, прибегают к свидетельствам иностранцев, чаще всего к ставшему классическим описанию имперского посланника С. Герберштейна ²³. В целом наблюдения Герберштейна и других иностранцев относительно восточного характера русского «конского наряда» подтверждается материалами духовных. Среди его предметов чаще всего называются достаточно однотипные седла «бархатные и сафьянные» и иные, различаемые по месту изготовления — «нагайские», «ординские», «крымские», «колмацкие» и «турские» ²⁴. Вместе с тем в завещании Григория Русинова упоминаются «седло плоские луки» и «лятцкое» — явно иного происхождения и конструкции ²⁵. Упоминание последнего седла представляет особый интерес, так как в Польше и Литве лучший конный бой отнюдь не доминировал, как в Московии, и местные всадники предпочитали сражаться, используя холодное и древковое оружие ближнего боя ²⁶. Следовательно, можно предположить, что некоторые русские всадники 1-й трети XVI в. могли сражаться не только «лучным боем», но и «копейным».

Стоит отметить, что, как и кони, богато украшенные элементы «конского прибора» нередко выступали как средство подчеркивания высокого социального статуса их владельца. Например, в 1558 г., «идучи на службу царя и государя великого князя в немцы», Степан Обобуров завещал своей дочери Марии «...аргамак бур с седлом турским, а на седле аксамит да узда залочена у ней, лысина жемчугом низана, да конь бур с седлом, а на седле бархат з золотом червчет, да узда залочена...» ²⁷. Естественно, что такие импортные седла «з бархатом и с морхи» стоили не в пример дороже, чем обычное «седло крымское, черно совсем», «седло ежана софьяная» или его аналог московской работы, упоминаемые в духовных грамотах ²⁸. Так, отмеченные в духовной Тимофея Бусурменова «конь бур да седло колмацкое софьянно» стоили 8 руб. — то есть при обычной цене на строевого коня в это время 4—5 руб. седло стоило около 3 руб. Между тем сделанное московским мастером седло стоило 17 алтын, а обычное «нагайское» седло, о котором говорится в духовной Кузьмы Лапшина, 1 рубль ²⁹.

От «конности» московских служилых людей перейдем к их «людности». Одним из первых, кто попытался привлечь духовные грамоты для изучения ее характера, был археолог и историк С.З. Чернов. Исследуя особенности развития служилого землевладения Волока Ламского, он обратил внимание на завещание Василия Узкого Петрова сына Есипова (грамота датируется незадолго до 1528 г.) ³⁰. По мнению историка, упоминаемые в духовной грамоте Есипова «...пять пансырев; да три бехтерци; да трой наколенки, да шестеры наручи, да кольчюга: да шесть шеломов; да трой боторлыки...» явля-

лись полными комплектами доспехов для шестерых всадников — самого вочинника и выставляемых им пяти конных воинов-послужильцев³¹.

Предположение Чернова было подвергнуто критике со стороны И.Б. Михайловой³². На первый взгляд, нельзя отказать последней в логичности доводов «против» предположения Чернова. Однако, на наш взгляд, это не так. На это есть ряд причин. Во-первых, доспехи и оружие вообще в силу их большой ценности являлись неплохим «вложением капитала» и потому, естественно, их хозяин старался передать его по наследству своим детям. Однако по той же самой причине держать у себя дома несколько полных комплектов доспехов, не используя их в деле, неразумно, учитывая относительную бедность рядового сына боярского того времени. Да и с чего бы ему быть зажиточным и тем более богатым, если непрочным был сам фундамент их службы — крестьянское хозяйство³³.

Во-вторых, почему владелец доспехов и оружия должен был их обязательно отдавать своим людям? Они получали его, пока служили своему господину, а после его смерти «контракт» разрывался, и доспехи возвращались к их владельцу, ну а сами послужильцы получали свободу и могли искать нового хозяина. Как писал в своей духовной грамоте князь Ю.А. Оболенский: «А что моих людей служивых и деревенских и дворовых, ... старинных и не старинных, по всем крепостем, и те мои люди все на свободу, земля им на четыре части; люди они вольные, кому хотят, тому служат...»³⁴. Другое дело, если господин жаловал своих слуг конем, оружием и доспехом, но в таком случае пожалование специально оговаривалось в завещании, как, например, это сделал Оболенский: «А что у тех у всех людей моих их собины, моего жалованья, коней и платья и доспеху и всякие ружьяди служебные и неслужебные, и то все моим людям у кого что есть моего жалованья. А жена моя и дочь моя в то во все у них не вступаютца...»³⁵.

Наконец, в пользу версии, выдвинутой Черновым, можно привести выдержку из духовной грамоты князя А.Ф. Голенина, который писал: «А которых есми людей своих отпустил на слободу, ино у них мои пансыри и шеломы, — и жена моя те пансыри и шеломы поемлет...»³⁶. Таким образом, из текстов завещаний следует, что служилый человек снабжал своих людей доспехами, конями и всем необходимым для несения службы, и все это они были обязаны вернуть его вдове или наследникам после смерти господина, если он не оговаривал в завещании обратное.

Поэтому можно согласиться в целом с высказанным Черновым предположением и считать, что в принципе число полнокомплектных доспехов приблизительно соответствовало числу послужильцев, выставляемых служилым человеком если не в дальний поход, то на царский смотр. И тогда получается, что когда Г.Д. Русинов в 1521 г. отсылал домой со своим племянником и своим человеком «коробью с доспехом», а в той коробье «пять пансыров, да пять шеломов, да наручи шамахийские, да трои наручи московские, да наколенки»³⁷, то речь шла о пяти комплектах доспехов, которые были на его людях, а теперь стали не нужны.

Для сравнения обратимся к «обидным» спискам начала 60-х гг. XVI века. В них, в частности, отмечено, что у 4-х детей боярских дорогобужан литовские «воры» убили 4-х их людей, а еще 4-х взяли полон, у двух других детей боярских взяли 3-х их людей, у одного сына боярского убили человека, а другого ограбили, а двоих взяли в полон, а у второго сына боярского взяли двух его людей³⁸. Выходит, что в середине 60-х гг. XVI в. сын боярский средней руки выступал в поход, как правило, в сопровождении не меньше, чем двух своих людей, а то и больше. Учитывая же, что дети боярские к тому времени существенно «измельчали» по сравнению с началом века (Чернов

наглядно это демонстрирует, сравнивая динамику изменений размеров владений детей боярских в Волоке Ламском на протяжении XV — начала XVI в.³⁹⁾, то цифра в 3, 4, 5 или даже более послужильцев, окружавших детей боярских в конце XV — первой трети XVI в., вовсе не представляется невозможной.

И, наконец, об «оружности». Изучение этого аспекта «службы» московских дворян и детей боярских применительно ко второй половине XVI в. и особенно к XVII в., то есть к тому периоду, от которого сохранились материалы «разборов» служилых людей, продвинулось значительно дальше, чем если взять более ранние времена. И снова, как и в случае с «конностью», для описания «оружности» обычно прибегают к использованию свидетельств иностранцев — того же Герберштейна⁴⁰⁾. Материалы же духовных грамот позволяют внести определенные коррективы и уточнения в описание Герберштейна и материалы десятиен.

Лучше всего отражена в завещаниях служилых людей их «сбруйность». Перечень доспехов, встречающихся в духовных, весьма разнообразен и включает в себя пансыри, юшманы (юшаны), бехтерцы, зеркала, кольчуги и тегиляи, защитные наголовья — шеломаы и шапки (железные и «мисюрские»), защиту для рук (наручи) и ног (бутурлыки и «наколенки»). Самым распространенным видом доспеха, если судить по текстам, был пансырь. В просмотренных нами духовных грамотах конца XV — начала 80-х гг. XVI в. упоминания о пансырях встречаются 15 раз, тогда как бехтерцы названы 5 раз, 4 раза — юшманы и по 2 раза — зеркала и кольчуги. Мягкий, стеганный доспех, тегиляй, встречается 9 раз. Защитные наголовья упоминаются 18 раз — в 15 случаях речь идет о шеломах, а в 3 случаях — о шапках (железные, мисюрских и «саженных»). Наручи встречаются 6 раз, наколенники 5 и бутурлыки — всего 2 раза. Конечно, выборку нельзя назвать абсолютно репрезентативной, однако определенная закономерность, на наш взгляд, все же прослеживается. «Стандартный» комплект доспехов для московского всадника в это время включал, судя по всему, пансырь или бехтерец, в отдельных случаях заменяемый тегиляем, и защитное наголовье-шелом⁴¹⁾. Тегиляи в зависимости от материала сильно различались по цене (в духовных упоминаются тегиляи «киндячные», «отласные», «бархатные з золотом», «камчатые», «мухоярные», «безенные») и, следовательно, самые дорогие использовались богатыми дворянами и детьми боярскими (как дополнение к пансырю или иному металлическому доспеху⁴²⁾). Те тегиляи, что были попроще и подешевле, носили бедные дети боярские и послужильцы. Защита рук и ног встречалась, как правило, лишь у самых зажиточных дворян и детей боярских и аристократов. Они же для усиления защиты использовали и зеркала.

Примечательно, что среди элементов доспеха наряду с пансырями, шеломами, зеркалами и наручами «московскими» часто встречаются везенные из-за рубежа. Причем если в первой половине XVI в. чаще всего встречаются доспехи «шамахайские» (то есть изготовленные иранскими мастерами шеломаы, юшманы, бехтерцы, наколенники и наручи)⁴³⁾, то во второй половине столетия появляются и западноевропейские. «Немецкие» и «меделянские» пансыри несколько раз упоминаются в духовных грамотах 60-х гг. XVI века. Трижды, причем в духовных знати, встречаются упоминания о «турских» щитах, которые явно выступали как средство подчеркнуть высокий социальный и служебный статус его владельца.

В духовных грамотах приводятся также и данные о ценах на элементы доспехов. Шеломаы могли стоить от 20 алтын до 5 (московской работы с серебряной отделкой) или 6 руб., пансырь — от 10 алтын или 4 гривен до 2 или же более руб. (3 «немецких» пансыря были оценены их владельцем в 15 руб., упоминается пансырь стоимостью в 7 руб.). Богато отделанные

импортные комплекты доспехов могли стоить намного дороже. Так, в завещании Оболенского упоминается черкасский шелом и «шамахайский» юмшан общей стоимостью 50 руб., а сын боярский Семен Степанов заложил принадлежавшие ему «шапку сажену да пансырь», также очевидно ввезенные из-за границы, за 15 руб. Упомянутый князем С.М. Мезецким в завещании комплект из «пансыря немецкого, шолома шамахайского, да наручей, да наколенок, да батарльков, навоженных золотом да серебром», стоил 10 руб. Стоимость кольчуги, упомянутой в духовной Афанасия Шадрина, составляла 70 алтын ⁴⁴.

Меньше сведений имеется в завещаниях относительно «оружности». Чаще всего упоминаются сабли — обычно «черькаские» и «турские», иногда «булатные», «ширинские» и «нагайского дела с наводом» (в 14 грамотах) и саадаки (в 10-ти случаях). Дважды отдельно называются луки, «ординские» и «крымские», один раз — колчан (с 71 стрелой ⁴⁵). По два раза упоминаются копыя и рогатины, причем по одному разу раздельно: копыя принадлежали знатному служилому человеку, Д.Г. Плещееву, а 2 рогатины упоминаются в числе прочей «служобной рухляди» (вместе с 2-мя саблями, 2-мя седлами сафьянными, 2-мя — вьючными и 6-ю «служобными» сумами) в завещании неизвестного небогатого сына боярского. Князь Мезецкий среди прочего оружия, завещаемого своему племяннику князю Ю.И. Мезецкому, упоминает два копыя и рогатину ⁴⁶. Огнестрельного оружия в перечнях имущества нет, если не считать упоминания о 2-х «пищалах звериных» (одна из них оценена была в 2 руб.) в завещании Оболенского ⁴⁷. Явно здесь речь идет не о боевом, а об охотничьем оружии. Стоимость оружия указывается редко. Лук «ординской» был оценен в 1 руб., а сабля «черкасская с наводом» стоила около 4—5 рублей ⁴⁸.

Таким образом, изучение материалов духовных грамот позволяют представить примерный облик московского служилого человека конца XV — первой половины XVI века. Облаченный в шелом и пансырь и вооруженный саблями и саадаком, сын боярский выступал в поход, восседая на коне и окруженный 2—3, а то и более послужильцами на конях и мерилах, оснащенных примерно также, как и их господин. 1—2 кошовых человека присматривали в обозе-«кошу» за имуществом служилого человека, которое включало в себя запасных и вьючных коней и меринов, его платье (кафтаны, однорядки, шапки, колпаки, шубы и пр.), всевозможную посуду (сковороды, тазы, котлы, блюда, солоницы, перечницы, уксусницы и прочее), ковры, вьючные седла и переметные сумы, «кожицы покровечные», войлоки, «штерь» и т.д. И если посчитать стоимость «оружности, сбруйности и конности» служилого человека и включить в полученную сумму цену платья, то получается, что в походе сын боярский средней руки в первой половине XVI в. имел только на себе и с собой «рухляди» и доспеху вместе с «коньми» никак не меньше, чем на 30—40 руб., а небогатый — 15—20 рублей ⁴⁹. И это не считая коней и того имущества, что было на его послужильцах и в «кошу».

Много это или мало? Попытаемся представить хотя бы в первом приближении размеры доходов Василия Есипова от ведения хозяйства. В его владениях было 664 дес. пашни (432 четв. в одном поле — то есть под яровой и озимой запашкой около 870 четв.) ⁵⁰. Известно, что монастырская пашня в Волоцком уезде в конце XVI в. давала урожай в среднем сам-2,8 ржи, овса около сам-1,7 и пшеницы — не более сам-1,7 ⁵¹. Вряд ли урожайность 60-ю годами раньше была намного лучше. Распределение посевов зерновых составляло примерно 10 % на пшеницу и от остатка примерно поровну на рожь и овес ⁵². При отмеченных выше нормах урожайности и распределении посевов зерновых в хороший год Есипов мог рассчитывать примерно на 4400

пудов ржи, 3500 пудов овса и около 600 пудов пшеницы. Итого хлебный бюджет вотчинника составлял в хороший год порядка 8500 пудов зерна.

Теперь рассчитаем примерные расходы. Можно предположить (исходя из текста духовной), что семья самого Василия Есипова насчитывала 3 человека (он, его жена и дочь). К ним необходимо добавить как минимум 5 послужильцев с их семьями (то есть еще 15 чел.). Кроме того, в расчет нужно также взять и число крестьян, проживавших в вотчине. В 1562 г. в перешедшей во владение Иосифо-Волоцкого монастыря есиповской вотчине насчитывалось 67 крестьянских дворов, потому можно предположить, что 35-ю годами ранее дворов было около 60. При средней численности крестьянской семьи в то время 5—6 человек на двор⁵³, в вотчине могло проживать около 300 крестьян. При годовой норме потребления зерна 24 пуда на человека⁵⁴ на питание всех, проживающих в вотчине, уйдет минимум 7600 пудов зерна. Еще примерно 800 пудов овса уйдет на фураж для господских коней⁵⁵. Итого расходы составят около 8400 пудов зерна. Остаток — около 100 пудов зерна. В «хороший» год, когда зерно было дорого (как, к примеру, в 1543 г., когда четверть ржи в Пскове стоила 30 денег; в 1560 г. четверть ржи стоила 16 денег⁵⁶, а в начале 80-х гг. XVI в., согласно приходно-расходным книгам Соловецкого монастыря, четверть ржи стоила от 10 алтын 2 денег до 12 алтын⁵⁷) вотчинник мог рассчитывать на 4 — 7,5 руб. чистого дохода.

Приводимые Воробьевым данные о доходности поместий и вотчин новгородских служилых людей в начале XVI в.⁵⁸, на наш взгляд, представляются существенно завышенными. Они не совпадают с имеющимися расчетами доходности тех же новгородских крестьян. При уровне доходов 1 руб. с крестьянского двора тот же Василий Есипов получал бы, к примеру, до 60 руб. ежегодно. В таком случае он мог бы, по меньшей мере раз в два-три года, полностью обновлять комплекты доспехов и оружия как свой, так и своих людей, и регулярно производить конский ремонт. Мы же имеем совершенно иную картину, когда сын боярский бережно относится к своему имуществу, подробнейшим образом расписывает, что у него есть и что ему с кого взять, боясь утратить или забыть что-либо — даже «шапку горлонату поношону» или «морхи червчаты поношены»⁵⁹. Более того, небогатый сын боярский вынужден делить единственный комплект доспехов, давая из своих сыновей пансырь, а другому шелем и наручи «с ымянем»⁶⁰, и вряд ли это было вызвано тем, что его «сбруя» представляла какую-то особенную ценность (как писал Василий Карамышев, завещая «крест золот с мощми со яхонты» своему сыну Афанасию, «...не истерял его, занеж дорог добре. И иные кресты есть, да не таковы уж меры ценны, как ту. А токие старины вам не дожити, — от отцов и от дедов нам дано...»⁶¹). Теряла также всякий смысл и выплата государственного жалованья за выставленных послужильцев. Что такое 2 или даже 5 руб. за каждого человека, если сын боярский получал бы со своих крестьян много, много больше.

Полученная нами цифра, конечно, является приблизительной, но она позволяет представить, с учетом цен на коней, доспех и оружие, насколько «критическим» было соотношение доходов-расходов служилого человека того времени. При таком раскладе становится ясным и стремление служилых людей, невзирая ни на какие угрозы со стороны начальных людей и самого государя, разбиться на войне полоним и всякими «животищками», и их бережное отношение к своей «рухлядишке». В самом деле, потеря даже обычной однорядки ценой в 1 руб. могла проделать в его бюджете существенную дыру. Что уж тогда говорить о неудачной кампании, когда сын боярский, отправляясь по шерсть, возвращался домой стриженным. Потеря коней, платья, оружия, доспехов и всякой прочей «рухляди» моментально обращала его в нищего, и чтобы снарядиться в новый поход, он был вынужден залазить в долги⁶²,

закладывая и перезакладывая движимость и недвижимость, чем успешно пользовались, к примеру, те же самые монастыри. В свете этого становится понятной отмененная А.И. Филошкиным разочарованность князя А.М. Курбского в военной службе, наступившая у него в начале 60-х гг. XVI века. Действительно — война затягивалась, расходы на несение царевой службы росли, шансы сложить голову становились все больше и больше, а возможностей для захвата трофеев — все меньше и меньше. Ну как тут не разочароваться в военной карьере, тем более что и царь спрашивал с воевод за упущения по службе все строже и строже⁶³.

Такими представляются результаты прочтения духовных грамот московских служилых людей конца XV — 60-х гг. XVI века. Они дополняют и уточняют сведения, сообщаемые иностранными очевидцами и немногими сохранившимися материалами разрядной и иной документации о «конности, людности и оружности» дворян и детей боярских того времени.

Примечания

1. МИХАЙЛОВА И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. СПб. 2003, с. 5.
2. Акты служилых землевладельцев (АСЗ). Т. II. М. 1998, с. 4.
3. См., напр.: АНДРЕЕВ И.Л. О бедном дворянстве замолвите слово... — Родина. 1997, № 9, с. 37—43; ВОРОБЬЕВ М.В. Псковский и Пусторжевский «служилые города» по материалам смотра военных сил России в 1621 г. В кн.: Псков в Российской и европейской истории (к 110-летию первого летописного упоминания). Т. I. М. 2003, с. 326—333; КОЗЛЯКОВ В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смугты до Соборного уложения). Ярославль. 2000; ЧЕРНОВ С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М. 1998; и др.
4. МИХАЙЛОВА И.Б. Ук. соч., с. 30.
5. СОЛОУСОВ А.С. Русская поместная конница (XV—XVII вв.) — *Para Bellum*. 2002, № 14, с. 101—106.
6. См., напр.: ВОРОБЬЕВ В.М. «Конность, людность, оружность и сбруйность» служилых городов при первых Романовых. В кн.: Дом Романовых в истории России. СПб. 1995, с. 93—108; МАЛОВ А. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной (на материале Великих Лук). — *Цейтгауз*. 2002, № 2 (18), с. 12—15; ФАТЕЕВ Д.М. Боготовность приокских служивых городов по результатам смотра 1621/22 гг. — *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. 18—20 ноября 2003. Великий Новгород*. 2003, с. 123—127.
7. Даже в ставшей классической статье М.М. Денисовой в качестве основного источника для освещения «конности, людности и оружности» привлекаются в основном материалы десятилетий, почему и период до середины XVI в. практически не затрагивается. См.: ДЕНИСОВА М.М. Поместная конница и ее вооружение в XVI—XVII вв. — *Труды ГИМ*. М. 1948. Т. 20, с. 29—44. На те же источники опирался и Д.М. Фатеев: ФАТЕЕВ Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556—79 гг. — *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Ч. I. Великий Новгород*. 2002, с. 147—154.
8. Последняя публикация см.: АНТОНОВ А.В. «Боярская книга» 1556/1557 года. — *Русский дипломатический (РД)*. Вып. 10. М. 2004, с. 80—118.
9. АНДРЕЕВ В.Ф. Новгородские духовные XII—XV вв. — *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. XIII. Л. 1982, с. 134.
10. ЧЕРЕПНИН Л.В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Т. 2. М. 1951, с. 70.
11. «В целом духовные грамоты являются важным источником по истории социально-экономических отношений...» (там же, с. 74). Именно это обстоятельство Л.В. Черепнин выделял как главное, основное достоинство средневековых русских духовных. Все же остальные аспекты были второстепенны. Показательна в этом отношении его характеристика содержания духовных, изложенная им в сборнике документов «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.». Больше двух страниц уборого текста посвящены анализу именно социально-экономической составляющей и всего лишь вскользь сказано о том, что «...духовные грамоты являются источником и по изучению быта класса феодалов...» (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М. 1952, с. 641—643).

12. Акты Русского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — начала XVII в. (АРГ. АММС). М. 1998, с. 453—457; КОШЕЛЕВА О.Е. Духовная Тимофея Бусурменова второй четверти XVI века. — РД. Вып. 7. М. 2001, с. 251—257; СЕМЕНЧЕНКО Г.В. Начальная часть духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. — Источниковедение отечественной истории. Сб. статей 1989. М. 1989, с. 226—238.
13. См., напр.: СМИРНОВ Н.В. Боевые холопы в составе поместной конницы во второй половине XVI — первой половине XVII вв. В кн.: Исследования по истории средневековой Руси. М.—СПб. 2006, с. 368—382; ФАТЕЕВ Д.М. Приокские служилые города в 1550-х и 70-х гг. (готовность к дальней полковой конной службе). — Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Ч. 1. Великий Новгород. 2002, с. 124—129.
14. Касался этого вопроса лишь А.В. Малов, сделавший в октябре 2005 г. доклад «Служилая рухлядь» московских землевладельцев в XV — первой половине XVII вв. (по духовным и рядным грамотам)» на заседании Военно-археологического семинара при ГИМе и О.А. Федоров отчасти использовал материалы духовных грамот при реконструкции внешнего облика московского всадника первой половины XVI в. (ФЕДОРОВ О.А. Реконструкция облика знатного дворянина на московской службе (первая половина — середина XVI в.) — Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы. Вып. 1. М. 2009, с. 228—230).
15. КОБРИН В.Б. К вопросу о репрезентативности источников по истории феодального землевладения в Русском государстве XV—XVI вв. — Источниковедение отечественной истории. Вып. 1. М. 1973, с. 171.
16. Акты феодального землевладения и хозяйства (АФЗиХ). Т. II. М. 1956, с. 41, 87.
17. Применительно к XVI в. этот вопрос затрагивался М.В. Воробьевым (См.: ВОРОБЬЕВ М. В. Боевые лошади русской кавалерии XVI—XVII вв. (мифы и реальность). — Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Ч. 1. Великий Новгород. 2002, с. 155—160).
18. ВОРОБЬЕВ В.М. «Конность, плодность, оружность и сбруйность»..., с. 96.
19. См.: Акты Русского государства 1505—1526 гг. (АРГ). М. 1975, с. 8, 174—175, 198, 253—254; Акты русских монастырей. Акты Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря 1506—1608 гг. (АССЕМ). М. 1998, с. 87; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. (АТКМ). М.—СПб. 2007, с. 139; АФЗиХ. Т. II, с. 91—92, 164, 169—170, 184, 204, 208—209, 230, 270, 278; Акты Московского Симонова монастыря. Л. 1983, с. 41; РД. Вып. VII. М. 2001, с. 57, 61.
20. АФЗиХ. Т. II, с. 164—165.
21. АРГ, с. 207; ЧЕРКАСОВА М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI—XVII вв. М. 2004, с. 340; ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 88.
22. В своей духовной К. Лапшин упоминает лишь кобылу и мерина, владея при этом деревней Косилково и четвертью села Хийинова (1 выть — примерно 14 дес. или 28 четвертей земли. См.: АФЗиХ. Т. II, с. 204, 429). Д. Мордвинов в духовной писал, что он владеет в качестве вотчины деревней Курелдьево, а из лошадей у него «мерин бур стар, да мерин втемне бур, да мерин ворон, да кобыла голуба...» (АРГ, с. 262).
23. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Записки о Московитских делах. — В кн.: Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск. 2002, с. 206.
24. АРГ, с. 254; АССЕМ, с. 222; АТКМ, с. 59; АФЗиХ. Т. II, с. 165, 171, 205, 285.
25. АРГ, с. 199.
26. См., напр., требования великого князя литовского к «оружности» выставяемого землевладельцами конного воина: Литовская метрика. Переписи войска литовского. — Русская историческая библиотека. Т. XXXIII. Пг. 1915, стб. 7.
27. АФЗиХ. Т. II, с. 285.
28. АСЗ. Т. I. М. 1997, с. 266; АТКМ, с. 59.
29. АТКМ, с. 59; АФЗиХ. Т. II, с. 205.
30. Текст духовной см.: АФЗиХ. Т. II, с. 91—93.
31. ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 88.
32. МИХАЙЛОВА И.Б. Ук. соч., с. 63. Правда, далее она согласилась с общим выводом Чернова о том, что реформа Ивана Грозного проводилась с учетом давно сложившихся традиций, а также с его мнением относительно количества всадников, выставявшихся волоцкими служилыми людьми (там же, с. 64—65).
33. О дефицитности хлебного бюджета крестьянского хозяйства Северо-Запада России см., напр.: СТЕПАНОВА Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV—XVI столетий (уровень развития хозяйства). М. 2004, с. 101—108, 116—119. В целом есть все основания согласиться с мнением Л.В. Милова, который отмечал, что «...в исторических судьбах и Древнерусского государства, и Северо-Восточной Руси, и Руси Московской, не говоря уже о Российской империи, наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль. История народов России, населяющих Русскую равнину, — это многовековая борьба за выживание...» (МИЛОВ Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 2001, с. 17).

34. АФЗиХ. Т. II, с. 213. Ср. духовную грамоту Григория Жукова-Оплечуева (там же, с. 151).
35. АФЗиХ. Т. II, с. 213. Ср. схожее распоряжение в духовной грамоте Марфы Еропкиной (там же, с. 120) или Василия Внукова-Пушкина («А людем моим: Якиму Кузьмину сыну мерин саврас с седлом и с уздою; да Нечайку Хромому мерин, которой будет пригожо...»; там же, с. 270). В другом случае Д.Г. Плещеев в своей духовной писал: «А что мои люди полные и докладные и кабальные, и те мои люди все на слободу, хто в чем ходил в платье; а лошедей им не давати...» (там же, с. 281. Ср. распоряжение вдовы князя Ф.И. Стриги-Оболенского: «А люди мои служивые и деловые и з женами, и з детьми все на слободу со всемь, что у них ни есть, кони и платья; а скотом бы моим рогатым пожаловали после моего живота мои приказшики их поделели, каму будет что пригоже дати...». См.: АРГ, с. 110). И еще два аналогичных примера: В.П. Кутузов писал в завещании: «А что мои люди полные и докладные и кобальные, — и те люди все на слободу. А что у них моего данья, платья и саодаки, и сабли, и седла, то у них готово. Да приказшики мои ж дадут человеку моему Андрюше конь с седлом и с уздою, да тегилай, да шолом...» (АФЗиХ. Т. II, с. 292); а князь М.В. Горбатый приказывал: «А что платья и доспеху у людей моих, и приказшики мои тот доспех и платье отдадут людем моим. А на которых конех ездилы люди мои, и приказшики мои те им кони роздадут...» (АССЕМ, с. 92).
36. АФЗиХ. Т. II, с. 18. Ср. распоряжение М.И. Левашова (1545 г.): «А что моего животу доспеху и служебной и домашние рухледи всякой оловяной, и меденой, и железной, и лошедей и скотины, и что моего взимка по кабалам и бескобально денег и хлеба — и то все жене моей на прожиток...» (там же, с. 184).
37. АРГ, с. 199.
38. Памятники истории Восточной Европы. Т. III. М.-Варшава. 1998, с. 28. Примечательно, что примерно такое же соотношение следует из духовной князя И.В. Ромодановского, завещавшего своему «братеничу Ивану Юрьеву сыну» «пять коней, да четыре седла, да два саадака, да две сабли» (АРГ. АММС, с. 128). Весьма примечательное соотношение — два полных комплекта оружия и по два коня с седлами на каждый. Схожий случай см. в завещании К.А. Ершевского (АССЕМ, с. 382).
39. ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 308—309, 314—315, 319—320.
40. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Ук. соч., с. 206—207.
41. См., напр., завещание С.Д. Пешкова Сабурова (РД. Вып. VII. М. 2001, с. 65), завещавшего своим племянникам именно по коню, шелому и пансырю.
42. Именно так можно истолковать указание С.Д. Пешкова-Сабурова своим душеприказчикам передать А. Жулебину шелом, пансырь и тегилай (РД. Вып. VII. М. 2001, с. 65, 66). Любопытно, что существование практики ношения дорогого тегилая поверх металлического доспеха подтверждает «Боярская книга» 1556/1557 гг. (РД. Вып. X. М. 2004, с. 84).
43. Судя по тому, как часто встречаются в духовных элементы доспеха, изготовленные восточными мастерами, причем не только у богатых и знатных служилых людей, но и у дворян и детей боярских средней руки, трудно согласиться с мнением М.В. Фехнера о «второстепенности» русского оружейного импорта в XVI в. (ФЕХНЕР М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М. 1956, с. 92).
44. См.: АРГ, с. 61, 199, 254; АССЕМ, с. 220; АФЗиХ. Т. II, с. 170, 208, 209, 270, 290, 391.
45. Число стрел в колчане необычно и представляется чрезмерным. Для сравнения, в 1469 г. Иван III послал устюжанам в качестве своего жалованья 3 сотни луков и с ними 6 тыс. стрел — то есть по 20 стрел на лук (ПСРЛ. Т. XXXVII. Л. 1982, с. 92).
46. АССЕМ, с. 222; АФЗиХ. Т. II, с. 231, 280.
47. Там же, с. 207—208.
48. АТКМ, с. 59; АФЗиХ. Т. II, с. 170; ФЕХНЕР М.В. Ук. соч., с. 92.
49. Для примера, в 1571 г. некий сын боярский жаловался, что у него «литовские люди» забрали коня, 4 меринов, пансырь, шелом и шапку — всего на 56 руб., у другого забрали 2 коней, мерина, кобыду, 2 седла обычных и 2 вьючных, однорядку, кафтан, саадак и саблю — всего на 28 руб., у третьего — 2 коней, 2 меринов, 3 саадака, 3 сабли, 3 кафтана, 2 однорядки, армяк — всего на 35 руб. (Памятники истории Восточной Европы. Т. III. Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571—1580. М.-Варшава. 1998, с. 28—30). Примечательно, что и здесь довольно четко прослеживается зависимость между числом полных комплектов вооружения и послуживцев, что были убиты или пленены литовцами.
50. См.: АФЗиХ. Т. II, с. 303; ЧЕРНОВ С.З. Ук. соч., с. 88.
51. ГОРСКАЯ Н.А. Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI — начале XVII в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига. 1963, с. 162—163.
52. См., напр.: МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 42. Схожие нормы получаются, если взять за основы размеры выдачи зерна из вотчины Есипова его сестре. См.: АФЗиХ. Т. II, с. 93. Ср. требо-

- вание З.Ф. Катунина к наследникам выдавать ежегодно вдове по 20 четвертей ржи и овса и 4 четверти пшеницы (АРГ, с. 175).
53. См., напр.: СТЕПАНОВА Л.Г. Ук. соч., с. 83, 116.
 54. При этом необходимо учитывать, что из своего хлебного бюджета крестьянин должен был расходовать часть зерна на подкормку скота. См.: МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 387—388.
 55. 24 коня, в т.ч. аргамак и 2 иноходца, которые получали лучшее питание. См.: АФЗХ. Т. II, с. 91—92; МИЛОВ Л.В. Ук. соч., с. 228—233.
 56. ПСРЛ. Т.V. Вып. 2. М. 2000, с. 230, 240.
 57. КИСТЕРЕВ С.Н. Приходно-расходная книга вологодской службы Соловецкого монастыря 1583—1585 гг. — Очерки феодальной России. Вып. 11. М.—СПб. 2007, с. 342.
 58. ВОРОБЬЕВ В.М. Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) В кн.: Исторический опыт русского народа и современность. СПб. 1994, с. 89—90.
 59. АРГ, с. 199, 254.
 60. Там же, с. 175—176.
 61. АФЗХ. Т. II, с. 348.
 62. Так, тот же Василий Есипов по завещанию хотел вернуть около 70 руб., тогда как ему должны были примерно 40 руб., а Григорий Валуев — соответственно около 36 и 32 руб. (Подсчитано по: АФЗХ. Т. II, с. 91—92; 169—170).
 63. ФИЛЮШКИН А.И. Андрей Михайлович Курбский. СПб. 2007, с. 37.

Об имперском государственном устройстве Древней Руси X—XI вв.

А.Г. Горин

Распространено мнение, что история империи в России начинается с XVIII в., когда Сенат преподнес Петру I титул императора, а европейские государства признали Российскую империю. Между тем титул императора в России возник гораздо позже появления империи. В зарубежной историографии рождение империи обычно относят к XVI веку¹. Эта точка зрения находит признание и в отечественной исторической науке². В действительности имперская форма государственного устройства имела в России гораздо более глубокие корни: имперские черты были свойственны и Киевской Руси, она являлась сложносоставной политией имперского типа. При этом имперская природа Древнерусского государства не была предметом специального анализа³.

Исследователи давно заметили сходство процессов возникновения государства на Руси, в скандинавских странах, а также в Польше и Чехии⁴. Но было и поразительное различие, которое, однако, обычно воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Уже на рубеже IX—X вв. начали вырисовываться контуры державы, явно превосходившей по своей территории масштабы обычного государства того времени. В период расцвета Древнерусского государства его площадь превышала 1 млн кв. км и была сопоставима с размерами Каролингской, а также Византийской империй⁵.

Нередко называют Древнерусское государство федерацией⁶. Но могла ли органически, путем согласительных процедур, вырасти и длительное время существовать федерация такого масштаба с населением в 4,5 — 5 млн человек в период раннего Средневековья? Кажется, история не знает подобных примеров. Иное дело империя. Имперская форма политической интеграции больших пространств — обычное явление и в древности, и в Средние века.

Как объяснить, что у восточных славян сложилась гигантских размеров империя? Вряд ли империя была нужна для «содействия первичным процессам феодализации»⁷ — уж слишком умозрительным кажется этот довод. Если же исходить из того, что территориальная конфигурация Руси определялась речным коммуникационным «костяком», связывавшим Европу с Востоком и

Горин Алексей Гаврилович — кандидат юридических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Византией⁸, тогда становится очевидной и ключевая функция древнерусской империи — обеспечение трансконтинентальной торговли, в которой Русь выступала в роли участника и транзитера.

Обширная территория Древней Руси формировалась путем постоянной экспансии. На это обращал внимание еще К. Маркс, когда писал «о непрерывном процессе расширения ее территории в IX—XI столетиях»⁹. Сообщениями о военной экспансии первых киевских князей, покорении и «примучивании» ими племен и народов изобилует Повесть временных лет. Государство, образованное в результате завоеваний, в теории государства и права принято называть империей¹⁰.

Империя предполагает наличие центра и периферии (метрополии и колоний), отношения между которыми имеют асимметричный и неравноправный характер. Если центром, «ядром» (Kernland) Каролингской державы была территория франков между Маасом и Мозелем в области среднего Рейна¹¹, то политическим и территориальным «ядром» империи Рюриковичей являлась «Русская земля»¹² в Среднем Поднепровье — Киев, Чернигов, Переяславль с прилегающими к ним землями. Историки говорят о «полянском этнографическом облике «Русской земли»»¹³.

Политическое доминирование «Русской земли», небольшой полянской народности над другими восточнославянскими «народцами» (славиниями, по выражению византийского императора Константина Багрянородного), а также над неславянскими племенами («иными языками») во многом объясняется тем, что во главе «Русской земли» встали варяжские князья и их дружинники (русы) — прославившиеся на всю Европу профессиональные воины. Военное превосходство полянского «центра» над обширной периферией хорошо прослеживается по источникам.

Первоначально власть «Русской земли» над «примученными» племенами и народами выражалась в обложении их данью, периодическом участии данников в войнах с противниками киевских князей. В остальном данники сохраняли автономию.

В исторической литературе до сих пор заметно стремление рассматривать дань в Киевской Руси в политэкономическом контексте феодализма: она была якобы ничем иным как феодальной рентой, взимаемой верховным собственником всех земель — государством. По-видимому, прав И.Я. Фроянов, отмечавший, что дань в Киевской Руси есть выражение «военно-политического господства полянской общины над другими общинами, а не поземельной зависимости данников от государства»¹⁴.

На взгляды Фроянова об общественном и политическом строе Древней Руси оказали влияние некоторые достижения этнографии, в частности, наблюдения А.И. Першица о дане как архаической форме эксплуатации, отличающейся, с одной стороны, от податей, налогов с подданных, с другой — от контрибуций с побежденных. По Першицу, дань — это разновидность межобщинной эксплуатации, состоящей в долговременном, регулярном отчуждении прибавочного продукта не со своей собственной, а с покоренной чужой общины, остающейся при этом более или менее самостоятельной¹⁵. При этом Першиц и ряд других исследователей связывают данничество с предгосударственным состоянием общества, с так называемыми потестарными образованиями.

Мнение о несовместимости данничества с государством является спорным. Хотя некоторые общества не знали частной эксплуататорской собственности на средства производства и общественных классов, государственность уже существовала. По мнению Н.Н. Крадина, к ранним государствам, основанным на данническо-редистрибутивной эксплуатации, относилась Киев-

кая Русь. Государственность, основанная на данничестве, допускает политическую интеграцию данников и получателей дани в форме империи¹⁶.

Империи, подобные древнерусской, не являются централизованно-бюрократическими. Они относятся к империям, где преобладают не прямое правление, не прямые методы контроля центра над периферийными сообществами. Удачное определение такой империи дает Ч. Тилли. В ней центральная власть держит под военным и фискальным контролем каждый существенный сегмент своего домена, «но терпит два важнейших элемента непрямого правления: 1) сохранение или установление особых соглашений о правлении в каждом сегменте; 2) осуществление власти через посредников, которые пользуются значительной автономией в своих собственных доменах за послушание, дань и военное сотрудничество с центром»¹⁷.

Превращение древнерусской империи в патримониальную империю Рюриковичей во второй половине X в., хотя и свидетельствовало о более тесной интеграции имперского пространства, принципиально не изменило государственное устройство Киевской Руси. Методы непрямого управления зависимыми территориями¹⁸ с опорой на местную знать сохранялись и тогда, когда ее возглавляли Рюриковичи. При этом неславянские земли не имели самостоятельных русских княжеских столов, а шли, как правило, в придачу к русским (славянским) землям — уделам¹⁹.

Таким образом, во времена Владимира I и Ярослава Мудрого сформировался разнородный династический конгломерат — управляемая Рюриковичами огромная иерархическая империя, в которой «иные языки» платили дань Руси, периферийная Русь в свою очередь находилась в даннических отношениях со своим центром — полянской «Русской землей». Эту ситуацию довольно точно отражало предание о предках хазарских старейшин: полянам-де суждено собирать дань с разных земель. «И сбилось все это, — написал летописец, живший в начале XII в., — ибо не по своей воле говорили они (хазарские старейшины. — А.Г.), но по Божьему повелению»²⁰.

Историки, отрицающие имперский характер Древнерусского государства, ставят под сомнение распространенное в науке представление о полиэтничности его населения. По мнению Горского, Киевская Русь типологически ближе к моноэтничным европейским государствам Средневековья²¹. Ход его мыслей таков: если империя — это конгломерат разных племен и народов, находящихся под одной властью, то серьезных оснований видеть в Киевской Руси государство имперского типа нет.

Конечно, в этническом отношении империя Рюриковичей была более однородной, чем, скажем, та же империя Каролингов. Однако говорить, хотя бы и с оговорками, о моноэтничности Древней Руси, особенно Руси X—XI вв., не приходится.

Вызывает сомнения тезис о моноэтничных европейских государствах Средневековья, к которым якобы типологически близка Древняя Русь. Известно, что едва ли не все средневековые государства Европы, в особенности крупные (Франция, Испания, Германия и др.) не были таковыми. Более того, полиэтничность, политическое доминирование одних этнических групп над другими придавали многим государствам черты своеобразных малых империй, в которых легко обнаружить традиционные для империй метрополии и периферии²².

Так же и этнополитические отношения на Руси в период державы Рюриковичей были сложными. Когда говорят о моноэтничности Киевской Руси, прежде всего имеют в виду конкретно древнерусскую народность. Между тем возникновение древнерусской народности, степень этнической консолидации восточных славян относятся к числу едва ли не самых дискуссионных вопросов. Расхождение мнений здесь чрезвычайно велико: от раннего, чуть

ли не догосударственного, происхождения древнерусской народности до полного отрицания ее существования²³. Наиболее обоснованным представляется мнение, согласно которому «реальные предпосылки ее создания возникают не ранее конца X столетия и уходят в XI столетие»²⁴. В это время начинает складываться конфессиональная общность восточных славян и формироваться их идентичность по государству, точнее, по династии Рюриковичей, утвердившейся у власти на Руси.

Вместе с тем сами по себе «объективные факторы» (общая территория обитания, единый язык, единая вера населения и т.д.) недостаточны для образования этнических общностей. Решающее значение имеет сфера общественного сознания. Как пишет Б.Н. Флоря, «ту или иную общность делает этносом наличие у нее особого этнического самосознания, для которого характерно четкое осознание различий между этносом “своим” и “чужим”»²⁵. Но в даже у такого образованного и широкомыслящего человека как автор Повести временных лет, сознание восточнославянской общности было менее выражено, чем сознание локально-этнической, полянской общности. «Полянский эгоцентризм» — резкое противопоставление полян другим восточнославянским общностям, проявления которого сохранились до конца XI — начала XII в. (время составления ПВЛ), — служит одним из доказательств того, что древнерусское этническое сознание «еще созревало и не занимало ключевой, доминирующей позиции»²⁶. Что же говорить о простолюдинах Киевской Руси, этнической идентификации на массовом уровне. Видимо, прав А.П. Моця — древнерусская этнополитическая общность «слабо воспринималась рядовым населением»²⁷.

Что касается неславянской периферии империи Рюриковичей, то нет оснований преуменьшать ее масштабы. В частности, неправомерно делить финно- и балто-язычные племена, находившиеся в даннической зависимости от Руси, то есть признававшие верховную власть русских князей, на «непосредственно (!!) вошедшие в государственную территорию» Руси и относившиеся к «внешней сфере влияния»²⁸. В имперском государстве с прямым управлением зависимыми территориями дань следует рассматривать как показатель нахождения народа-данника в составе империи. Соответственно, и в первом и втором случае речь должна идти не о внешне-, а о внутривнутриполитическом влиянии Руси, Киева.

Утверждение об ассимиляции (славянизации) и христианизации ряда угро-финских племен (прежде всего мери, муромы, веси) верно в исторической перспективе, но к концу XI в. этот процесс еще не завершился²⁹. Наконец, говоря о неславянском компоненте в державе Рюриковичей, нельзя забывать о значительной (а на раннем этапе империи часто решающей) роли, которую играли варяги-скандинавы в составе правящего слоя Киевской Руси.

В итоге, ошибочно было бы сближать Киевскую Русь с моноэтническими государствами. Ни состав ее населения, ни характер этнического сознания восточных славян, ни степень их этнической консолидации не дают для этого достаточных поводов. К тому же этническую неоднородность как признак империи не следует понимать формально. Во-первых, полиэтничными бывают и унитарные, и федеративные государства. Во-вторых, объектами имперского управления наряду «с другими языками» могут быть и территориально-сообщества, родственные населению имперского «центра» по происхождению и языку³⁰.

В пользу имперского характера Древнерусского государства говорят и притязания киевских князей на императорские титулы и наличие так называемой имперской идеи — комплекса представлений об империи и императорской власти.

Киевские князья никогда официально не присваивали себе титул василевса (как называли византийских императоров), а равнозначный ему титул царя применялся в Древней Руси не в имперском контексте. Судя по всему, дальше внешнего подражания некоторым символам византийской империи и знакам императорской власти дело на Руси тогда не пошло. Но что это доказывает? Только то, что Киевская Русь не восприняла римские политические достижения — конкретные имперские формы и имперскую идеологию, ядром которой была идея всемирной христианской империи. Но это вовсе не значит, что правителям Руси не были свойственны имперские амбиции, что они были равнодушны к императорской титулатуре, что в Киеве не могла зародиться своя имперская идея.

Об идее «внеримской империи» применительно к Древней Руси писал А.В. Назаренко, обративший внимание на сходство между типичным идеологом «внеримской империи» германских королей Видукиндом (жил в X в. при Оттоне I) и митрополитом Иларионом³¹. Вместо абстрактной идеи всемирной христианской империи они выдвигали иные идейные основания империи и императорской власти. В «Слове о законе и благодати» — «первом манифесте рождающегося имперского сознания»³² — Иларион привел ряд оснований для имперских притязаний киевских властителей. Во-первых, это реальный объем власти Владимира I и его преемника Ярослава (Мудрого). Самого Владимира Иларион называет «единодержцем» (в ПВЛ о Ярославе говорится как о «самовластце» Русской земли), что равнозначно византийским титулам «монарх» и «автократор»³³. Во-вторых, Владимир был правителем, покорившим «под ся окрутные страны, овы миром а не покоривых мечом». В-третьих, Владимир не только самостоятельно взыскал Христа («токмо от благага помысла и остроумия»). Его деятельность по распространению христианства сравнивается с деяниями императора Константина Великого. Поскольку массовая христианизация невозможна без опоры на власть (Иларион прямо говорит, что повеление Владимира всем креститься подкреплялось его властью), то сам собой напрашивался вывод о сопоставимости власти киевского правителя с властью ромейского императора. В-четвертых, Иларион называет Владимира Святославича каганом (этим титулом обладали также Ярослав Владимирович и один из его сыновей). Как установил Новосельцев, тюрко-монгольский по своему происхождению титул каган (хакан) означал верховного правителя, которому подчинялись другие правители, и приблизительно соответствовал европейскому «императору»³⁴.

Неправильно было бы недооценивать значение этого титула на Руси. «Имперские притязания» в употреблении титула «каган» к русским князьям... усмотреть сложно», — пишет, например, Горский³⁵. Но почему сложно? Императорский титул «каган», конечно, ассоциируется не с Римом и Византией, а с Хазарским каганатом или его бывшей провинцией — Тмутараканью, оказавшейся под властью киевских князей. Но в восприятии киевских правителей и их идеологов восточные образцы властвования имели отнюдь не меньшую притягательность.

Можно вспомнить, какую роль у славян играло мифопоэтическое представление об обретении царственной мощи через овладение центром, средоточием ее, или овладение каким-нибудь субститутом такого центра³⁶. Разгром Русью Хазарского каганата, воплощавшего на протяжении столетий имперскую власть и мощь в глазах восточных славян (поляне и некоторые другие восточнославянские племена, как известно, были некогда данниками хазар), или овладение Тмутараканью как его субститутом создавали питательную почву для возрождения на Руси титула бывшего хазарского владыки³⁷. Как свидетельствует «Слово о полку Игореве», ощущение «каганьего

времени» как времени силы и могущества Древней Руси надолго сохранилось в памяти потомков.

Начавшийся со второй половины XI в. распад древнерусской державы³⁸ вывел из употребления титул «каган». По наблюдению Новосельцева, «уже в начале XII в. русский летописец не называет киевского князя хаканом даже применительно к прошлому»³⁹.

Конечно, империя Рюриковичей во многом отличалась от «классических» империй. Но анализ природы государственных образований не может исчерпываться нормативным подходом, «с позиций которого Римская империя расценивается в качестве классического образца, а остальные империи оцениваются с точки зрения их большего или меньшего соответствия этому образцу, до которого они неизбежно не дотягивают»⁴⁰. По совокупности более или менее ясно выраженных признаков — обширнейшая территориальная основа, экспансия как способ существования государства, четкое разделение на метрополию и зависимую периферию, доминирование полянского «центра» над славянской и неславянской периферией, явно неравноправные, асимметричные (даннические) отношения между ними, зарождение имперской идеи — Древнерусское государство X—XI вв. было империей.

Примечания

1. КАПPEЛЕР А. Россия — многонациональная империя. М. 1997, с. 20; KAPPPEP Д'АНКОС Э. Евразийская империя. М. 2007; ХОСКИНГ Дж. Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск. 2000.
2. См., например: ГОРСКИЙ А.А. Русское средневековье. М. 2010, с. 90.
3. Лишь А.А. Горский сделал попытку доказать, что Киевская Русь не была имперским государством (ГОРСКИЙ А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М. 2004, с. 115—120).
4. ШАСКОЛЬСКИЙ И.П. Возникновение государства на Руси и в Скандинавии (черты сходства). В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М. 1986, с. 96.
5. Территория империи «должна быть существенно больше, чем средняя, для данной эпохи и данного региона, территория государства» (КАСПЭ С.И. Империя: генезис, структура, функции. — Полис, 1997, № 5, с. 33).
6. См., например: НОВОСЕЛЬЦЕВ А.П. Образование Древнерусского государства и его первый правитель. — Вопросы истории, 1999, №2-3, с. 15.
7. РЫБАКОВ Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М. 1993, с. 473.
8. Как писал А.В. Назаренко, «именно на этот коммуникационный “костяк” выросла “плоть” Древнерусского государства» (НАЗАРЕНКО А.В. Древняя Русь на международных путях. М. 2001, с. 114).
9. МАРКС К. Разоблачения дипломатической истории XVIII в. — Вопросы истории, 1989, № 4, с. 3.
10. КАШАНИНА Т.В. Происхождение государства и права. М. 2004, с. 132—133. См. также: ГАТАГОВА Л.Г. Империя: идентификация проблемы. В кн.: Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М. 1993, с. 338.
11. ТЕГАН. Деяния императора Людовика. СПб. 2003, с. 139.
12. НАСОНОВ А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. СПб. 2006, с. 31.
13. Древнерусские княжества X—XII вв. М. 1975, с. 67.
14. ФРОЯНОВ И.Я. Рабство и данничество. СПб. 1996, с. 375.
15. Там же, с. 271; АЛЕКСЕЕВ В.П., ПЕРШИЦ А.И. История первобытного общества. М. 1990, с. 273, 278—279.
16. КРАДИН Н.Н. Политическая антропология. М. 2004, с. 185—186; ЕГО ЖЕ. Кочевые общества. Владивосток. 1992, с. 171—172.
17. Цит. по: Наследие империй и будущее России. М. 2008, с. 33—34.
18. Теперь это были главным образом княжества-уделы, не совпадавшие с прежними славянскими «племенными» территориями. Типологически новые территориальные единицы в империи Рюриковичей были близки к королевствам-уделам (Teilreiche) в империи Каролингов.

19. Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, с. 81.
20. ПВЛ. СПб. 2007, с. 148.
21. ГОРСКИЙ А.А. Русь, с. 120.
22. СУНИ Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи. В кн.: Национализм в мировой истории. М. 2006, с. 41.
23. См., например: ДАНИЛЕВСКИЙ И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. М. 2001, с. 171.
24. ДАРКЕВИЧ В.П. Единство и многообразие древнерусской культуры. — Вопросы истории, 1997, № 4, с. 42.
25. ФЛОРЯ Б.Н. Формирование славянских народностей: их этническое самосознание в эпоху раннего Средневековья и перспективы его дальнейшего развития. В кн.: Очерки истории, культуры славян. М. 1996, с. 387.
26. ТОЛСТОЙ Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет». В кн.: Из истории русской культуры. Т. 1. М. 2000, с. 446.
27. МОЦЯ А.П. Степень этнической интеграции восточных славян в древнерусское время. В кн.: Истоки русской культуры. М. 1997, с. 135.
28. ГОРСКИЙ А.А. Русь, с. 115—116.
29. РЯБИННИН Е.А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб. 1997, с. 238.
30. Примером в данном случае может служить Германская империя 1871—1918 гг., созданная из германских княжеств во главе с Пруссией.
31. Средневековая Русь. Ч. 2. М. 1999, с. 182.
32. ГЕЛЛЕР М.Я. История Российской империи. Т. 1. М. 2001, с. 46.
33. ЛИТАВРИН Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII в.). СПб. 2000, с. 329.
34. НОВОСЕЛЫЦЕВ А.П. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М. 1986, с. 40.
35. ГОРСКИЙ А.А. Русь, с. 118.
36. ПЛЮХАНОВА М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб. 1995, с. 171, 172.
37. Сходную версию переноса титула «каган» на киевских князей ранее выдвинул Фроянов (ФРОЯНОВ И.Я. Начала русской истории. СПб. 2006, с. 758).
38. Вехами этого процесса были: 1) создание, согласно «ряду» Ярослава Владимировича, в поднепровском «ядре» империи — «Русской земле» — трех отдельных княжеств: Киевского, Черниговского и Переяславльского, 2) распад «триумvirата» Ярославичей (1072 г.), 3) решение Любечского съезда князей о переходе к принципу «каждо да держит отчину свою», установившее юридическую основу существования суверенных государств на Руси. Восстановление единого государства при Владимире Мономахе было лишь кратковременным эпизодом в истории распада древнерусской империи.
39. НОВОСЕЛЫЦЕВ А.П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. — История СССР, 1982, № 4, с. 159.
40. Наследие империй и будущее России, с. 27—28.

Ближневосточный кризис 1895—1897 гг. и планы раздела Османской империи

Ю. В. Лунева

Ближневосточный кризис 1895—1897 гг., спровоцированный армянскими погромами в Турции, стал очередной проверкой на прочность системы международных отношений, сложившейся в Европе после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и Берлинского конгресса 1878 года. Эта система определялась крайне неустойчивым равновесием интересов великих держав, каждая из которых стремилась изменить баланс интересов в свою пользу.

В августе 1895 г. произошли массовые избиения армян в Малой Азии и двухдневная резня в Стамбуле. После захвата армянами Оттоманского банка российский посол в Турции А. И. Нелидов сообщал в МИД, что «в Константинополе вполне могли произойти события, которые побудят турецкого султана и его приближенных покинуть столицу, где мусульманское меньшинство уже не в силах служить ему опорой»¹. Россия с тревогой ожидала, что для подавления беспорядков в Константинополь могла быть направлена иностранная эскадра. Перед императорским правительством вновь встал вопрос о защите Босфора.

В начале 1895 г. в Петербурге состоялось Особое совещание под председательством военного министра П. С. Ванновского по вопросу подготовки захвата Босфора. На Совещании командующий Черноморским флотом Н. В. Копытов предложил довести готовность флота по сбору десанта и всего транспорта до 24 часов².

Из документа под названием «Наши вооруженные силы в Черном море», составленного начальником главного штаба Н. Н. Обручевым и переданного в 1895 г. министру иностранных дел А. Б. Лобанову-Ростовскому, вытекала готовность России через 12 час. после получения приказа выслать для овладения Босфором, если понадобится, 35 тыс. солдат, достаточное количество броненосцев (5), транспортных судов, плавучих мин и т. п. По мнению Обручева, основная задача России заключалась в обеспечении безопасности на Черном море и Кавказе. «При слабости Турции, всегда готовой подчиниться угрозам Англии или коалиции враждебных держав, нет безопасности наших

Лунева Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований.

Черноморских берегов. При пропуске неприятельского флота весь юг России может быть разорен, а на Кавказе вновь может быть раздута восстание горских и других мусульманских племен»³. Начальник главного штаба считал, что только с занятием Верхнего Босфора, входной двери в Черное море, России гарантировано спокойствие на юге. Вместе с тем появлялась возможность располагать лишними силами для противодействия могущественным западным соседям Германии и Австрии. Для укрепления стратегических позиций в Османской империи помимо контроля над Босфором желательно было иметь и свободный проход через Дарданеллы. Однако достичь желаемого, по мнению Обручева, необходимо усилиями дипломатов, а не военных.

Овладение Босфором позволило бы России играть ведущую роль на Балканах и в Малой Азии. Крайне трудная и рискованная операция по сухопутному штурму Константинополя рассматривалась, по мнению начальника штаба, исключительно как средство вынудить султана уступить России Босфор. Задача по захвату Константинополя перед Россией не стояла.

В разное время российские министры иностранных дел А.Б. Лобанов-Ростовский, Н.К. Гирс и В.Н. Ламздорф были противниками активных действий России на Ближнем Востоке. Они полагали, что захват Россией проливов только сплотит ее внешних врагов и приведет к конфликту. Одной из задач общеевропейской политики было сохранение целостности Османской империи.

Ламздорф в своем дневнике оценил содержание доклада Обручева с большой долей скепсиса: «Все это кажется великолепным, но подвергнутым налетом политических иллюзий, от которых никогда не свободны проекты генерала Обручева»⁴.

Оборонительные укрепления Босфора и Дарданелл не могли выдержать натиска неприятеля. По этой причине генерал фон дер Гольц Паша, понимая, что снабжения турецких фортов орудиями, людьми и снарядами совершенно недостаточно, был вынужден осуществлять перемещение людей и вооружений между укреплениями Босфора и Дарданелл. В частности, с Босфора на Дарданелльские укрепления были переведены опытные артиллеристы и перевезены снаряды⁵.

5 ноября 1895 г. от Нелидова в МИД пришла тревожная телеграмма. В ней говорилось, что иностранные эскадры находились на расстоянии 10—12 час. от Дарданелл. «Большинство судов английского флота стоит в Салониках, другие еще остались в Лемносе или переходят из одного порта в другой. Французская эскадра, состоящая из 4-х судов, пришла в Пирей и должна оттуда идти в Смирну, отрядив одно судно для крейсирования берегов Сирии, где есть опасность избиения христиан и среди населения большое беспокойство»⁶. Итальянская и австрийская эскадры направлялись в Смирну, в архипелаге находился германский броненосец, а в Александрийском заливе стоял броненосец «Marblehead», к которому вскоре должен был присоединиться крейсер «Сан-Франциско». Нелидов просил известить его о движении российских морских сил для совместных действий с французами.

25 ноября 1895 г. состоялось Особое совещание, на котором обсуждалось выполнение постановлений Особого совещания 1881 г. о развитии российского флота.

К ноябрю 1895 г. российские боевые силы Черного моря состояли из восьми броненосцев, двух крейсеров, двух посыльных судов, 30 миноносцев. Англия сосредоточила у входа в Дарданеллы сильную боевую эскадру. На каждое российское судно приходилось по два британских. Петербург опасался, что британская эскадра может пройти через Проливы. Во время Ближневосточного кризиса главным для России было не преобладание над турецким

флотом, а «не допустить англичан овладеть выходом из Босфора в Черное море». Император подчеркнул эту фразу и написал «Именно». Он одобрил предложение Нелидова содержать Черноморскую эскадру в боевой готовности круглый год пока не утихнет Ближневосточный кризис. За плавание с ноября по март требовалось израсходовать 750 тыс. руб. сверх нормального кредита на 1896 год ⁷.

Особое совещание по вопросу о черноморском флоте постановило:

1) Боевые суда Черноморского флота держать под флагом круглый год, сверх срока обычного плавания.

2) Безотлагательно снабдить черноморский флот транспортными средствами для перевозок кавалерии, полевой артиллерии и осадного парка.

3) Принять соответственные меры для развития частных перевозочных средств на Черном море до размера, необходимого для посадки в военное время в течение 24 час. не менее 25 тыс. человек ⁸.

4) В устье Дуная ограничиться высылкой средств, требующихся для прекращения выхода в море неприятельских мелких судов.

Осенью 1896 г. ситуация в Османской империи не улучшилась: турецкие зверства в отношении национальных и религиозных меньшинств продолжались. Незадолго до кризиса российский военный агент в Константинополе полковник Н.А. Пешков доносил: «Считаю, что настоящие обстоятельства не могут не вызвать вмешательства держав, а потому боевая готовность Черноморского флота и войск Одесского военного округа необходима» ⁹.

Первой поспешила откликнуться Англия. «Недавние константинопольские события произвели на англичан сильное воздействие, в настоящую минуту со всех сторон раздаются в Англии голоса, настоятельно требующие решительных мер против Турции», — писал «Правительственный вестник» ¹⁰. Газета «Дейли Ньюс» рассуждала о необходимости раздела Турции ¹¹.

С Мальты ¹² в направлении Проливов двинулась английская эскадра. Однако действовать в одиночку Англия не решалась, ибо это было бы связано с большими трудностями и чревато серьезной опасностью вооруженного столкновения. Поэтому британский кабинет планировал оказать военно-политическое давление на султана и добиться международного вмешательства в дела Турции.

Английская печать в один голос утверждала, что решительные действия против Турции немислимы без других держав. Лондонская газета «Таймс» в передовой статье писала: «Вооруженное с нашей стороны вмешательство в турецкие дела, без предварительного соглашения с прочими державами, может каждую минуту вызвать европейскую войну. Кто явился бы нашим союзником? На Францию никак нельзя рассчитывать, Австрия и Германия состоят между собой в соглашении, характер которого нетрудно угадать в виду традиционной политики империи Габсбургов в восточных делах; Италия может быть вошла в соглашение с Англией, но она связана обязательствами с Тройственным союзом» ¹³.

Следовательно, оставалась Россия, которая играла особую роль в решении Восточного вопроса. Лондон придавал большое значение достижению взаимопонимания с Санкт-Петербургом. В январе 1896 г. британский поверенный в делах в Санкт-Петербурге таким образом излагал русскому правительству точку зрения лорда Солсбери об эффективности совместных действий европейских держав против Турции: «Он (Солсбери — Ю.Л.) убежден опытом последнего времени, что давление лишь со стороны некоторых держав не возымеет действие на советников султана. Его Величество в этом случае не примет ничего, тогда как, с другой стороны, Его Величество не отклоняет советов, сердечно представленных ему всеми державами единогласно» ¹⁴.

Солсбери предлагал дать послам великих держав в Константинополе инструкции действовать в отношении турецкого правительства единым фронтом: британская дипломатия готовила «европейский концерт». Однако летом и осенью 1896 г. Англия не могла рассчитывать на быстрое согласие даже со стороны своей союзницы в восточном вопросе Австро-Венгрии. Из Берлина Ламздорфу 17 (29) августа 1896 г. пришла тревожная телеграмма. В ней говорилось, что «кайзер обращался к Солсбери за советом о судьбе Турции. Английская позиция, как уже длительное время, так и теперь заключается в том, что для решения проблемы нужно стремиться к открытию Проливов для всех наций. Открытие одних только Дарданелл не вполне удовлетворяет Англию, но все же приемлемо для нее»¹⁵. Германия вела двойную игру, стремясь перессорить Россию и Англию, а Франция, заинтересованная в установлении контроля держав над финансами Османской империи, где был очень силен французский капитал, неохотно шла за Россией, которая решительно противодействовала английской политике в Турции.

Позиция русского правительства была сложной. С одной стороны, оно стремилось не допустить какого-либо вмешательства держав в армянские события. Русский министр иностранных дел Лобанов-Ростовский писал послу в Лондоне Е.Е. Стало: «Предложения английского министра такие туманные и неясные, могут быть резюмированы в нескольких словах: Речь идет именно о прямом вмешательстве во внутренние дела Турции. Одно это соображение будет достаточным для нас, чтобы проявлять осмотрительность в деле согласия на предложения Солсбери»¹⁶.

С другой стороны, опасаясь единоличного вмешательства какой-либо одной из великих держав, в первую очередь Англии, в турецкие дела, русское правительство должно было проводить гибкую политику, не отказываясь от совместной игры с «европейским концертом».

На заседании британской Палаты Общин Солсбери выразил мнение, что англичане осознали, что повторяющиеся кризисы на Востоке не могут быть прекращены внешними полумерами. Ошибочность и бесполезность односторонней охранительной политики, которой придерживалась Англия по отношению к Османской империи, привела к бедствиям христианского населения¹⁷. Мнение лидера оппозиции либерала Гладстона о несправедливости турок и необходимости покончить с их владычеством на Босфоре решительно преобладало в Англии; его отчасти разделяли и консерваторы. В европейской политике наметилась любопытная смена ролей в Восточном вопросе. Англичане и австрийцы, являвшиеся главными защитниками Турции после 1878 г., теперь выступали против нее, не останавливаясь перед возможностью использования силы для охраны христиан в Турции.

На одном из парламентских заседаний Солсбери указал на согласие держав и подтвердил безусловную необходимость их совместных действий на Ближнем Востоке и взаимного доверия между кабинетами в политике относительно Порты: «Никто не думает теперь о войне из-за армян или из-за турок, и сама мысль об этом казалась бы странною и даже дикою; все сознают, что нужно сделать что-нибудь для прекращения повальных убийств в стране, где нет разумной власти и порядка, и что скромные преобразования, обязательные для Турции в силу международных договоров, должны же когда-нибудь приведены в исполнение... Нет и речи об односторонних притязаниях на Константинополь или на власть над армянами; армяне никому не нужны, а на Босфоре нельзя себе представить ничего прочного без общего соглашения Европы, так как в случае падения турецкого владычества ни одна держава не могла бы сама по себе удержать наследство в своих руках против всех других европейских наций»¹⁸.

По убеждению англичан, лишь нейтральная международная власть, основанная на соглашениях заинтересованных государств, могла бы заменить турецкое господство в Константинополе. Солсбери говорил о необходимости совместных действий: «Мы найдем решение некоторых важнейших задач, тяготеющих над нами, и, быть может, мы в состоянии будем в надлежащее время ограничить и изменить то положение вооруженного мира, которое угнетает теперь экономические интересы народов»¹⁹.

Британский премьер указал на необходимость преобразований в пользу всех подданных Порты, а не только христиан, так как все население Турецкой империи одинаково страдает от коррупции²⁰. Солсбери считал, что лоббирование интересов христианского населения несправедливо само по себе и ослабляет нравственное значение и влияние европейского вмешательства.

Султан Абдул Хамид II счел обидным для себя выраженное Солсбери недоверие к его реформаторскому курсу и дал честное слово, что он осуществит реформы. В конце письма, адресованного Солсбери, Абдул Хамид II отметил, что он «будет с нетерпением ждать результата своего послания». Солсбери из вежливости не сделал комментариев к этому документу, но объяснил, что Англия — единственная из европейских держав, согласившаяся действовать совместно с Турцией, и что она сама по себе не может придать нужное направление развитию событий. Все должны держаться установленного единогласия; британское правительство не отступит от этого правила²¹.

17 сентября 1896 г. из Лондона агентством «Рейтер» была передана телеграмма о том, что между Россией и Англией достигнуто отдельное соглашение по восточным делам. В это время император Николай II путешествовал по европейским столицам. Через несколько дней он должен был прибыть в Англию. В телеграмме сообщалось о полученном из Константинополя английской газетой «Дейли Ньюс» известии о том, что «мусульмане и христиане турецкой столицы ожидают совместных действий Англии и России, и что близость этих совместных действий сильно смущает константинопольскую дворцовую партию». В виде комментария приводился отзыв английской газеты «Стандарт», утверждавшей, что «совместные действия Англии и России, даже если они ограничены одними словесными угрозами, приведут к желаемой цели, так как остальные державы, наверное, не останутся позади, если состоится соглашение между Лондоном и Петербургом»²². Россия и другие державы, взяв на себя охрану статус-кво Османской империи, должны настойчиво добиться от Порты мира, восстановления порядка и безопасности всех подвластных султану христиан. «Если турецкое правительство не в силах выполнять свои прямые обязанности, то за это дело, для пользы султана, должны взяться европейские державы. Они будут действовать теми средствами, которые признают нужными; для этого у них есть все необходимые средства, вплоть до присутствия их эскадр вблизи турецких берегов», — утверждало агентство «Рейтер»²³.

В 1896 г. в политических кругах Лондона обсуждалась возможность низложения Абдул Хамида II и замены его ставленником Европы, то есть Англии. Британское правительство готово было говорить с Портой «угрожающим языком», но для этого Лондону нужны были союзники, в частности, Санкт-Петербург. Солсбери зондировал возможность достижения соглашения с Россией, к которому присоединились бы другие континентальные державы. Такой поворот дел представил бы Англию незаинтересованной стороной и координатором новой политической комбинации, имевшей в основе согласие между Англией и Россией.

Великобритания решила зондировать почву для сближения с Россией на Ближнем Востоке. С одной стороны, к концу XIX в. Османская империя не

представляла для Англии особого интереса. За счет Турции Англия была готова пойти на уступки. С другой стороны, британские государственные деятели понимали, что усиление позиций Германии на Ближнем Востоке может создать необходимую предпосылку для урегулирования англо-русских противоречий. Консервативный кабинет Солсбери, сменивший либералов в 1895 г., продолжал придерживаться курса на урегулирование отношений с Россией²⁴. О желательности сближения говорил, в частности, родственник королевы принц Луи Баттенбергский, посетивший Николая II в 1896 году. В то же время английский посол в Константинополе Ф. Кэрри беседовал со своим русским коллегой А.И. Нелидовым.

Солсбери с сожалением отмечал 31 августа 1896 г., что прошлые поколения англичан воспитывались на идее вражды к России, и с этой традицией следует порвать. «Во всяком случае, должны быть предприняты попытки избежать ненужного обострения отношений с Россией. Нужно уменьшить ту пропасть, которая разделяет нас»²⁵.

В конце сентября 1896 г. Солсбери представилась возможность предпринять решающую попытку убедить русское правительство пойти на соглашение с Англией по Ближневосточному вопросу. Для этой цели был использован визит Николая II в Англию.

Ближневосточный вопрос оказался в центре внимания Николая II и Солсбери во время их встречи в Бальморале 11 (23)—18(30) сентября²⁶. В канун визита российского императора в Англию в газете «Дейли Ньюс» была напечатана статья, гласившая, что «Солсбери ставит теперь на карту всю свою политическую судьбу. Он должен убедить Россию в необходимости избавить мир от снедающей его заразы, то есть турецкого правительства»²⁷.

Из текста беседы Николая II и Солсбери видно, что инициатива принадлежала британскому премьеру. Царь «заставил меня начать беседу и во время ее инициативы старался не брать», — писал английский премьер об их первой встрече²⁸. Николай II выступал за сохранение статус-кво в Турции — отмечал Солсбери — но вскоре выяснилось, что царь имел в виду лишь территориальный статус-кво, ибо вслед за этим он по существу согласился с предложением Солсбери относительно смещения султана Абдул Хамида II.

Солсбери считал необходимым дать указания послам всех великих держав в Константинополе разработать проект реформ для армянских вилайетов, который султан должен был провести в жизнь. Если султан откажется принять «советы» послов держав, предполагалось принудить его силой. Царь счел возможным одобрить этот план, согласившись с тем, против чего еще две недели назад он решительно возражал, и что никак не согласовывалось с интересами русского правительства на Ближнем Востоке.

Когда собеседники коснулись главного для России аспекта всей ближневосточной политики — вопроса о Проливах, Николай II заметно оживился. Он говорил, что Проливы, в конце концов, должны перейти под русский контроль, ибо Проливы — это дверь в комнату, в которой они (русские — Ю.Л.) живут, и он... должен иметь ключ от этой двери. Тем не менее Солсбери решил прозондировать возможность решения проблемы Проливов в соответствии с интересами Англии: получить доступ для своих военных кораблей в Черное море. «Я предложил достичь без особых трудностей открытия Проливов для всех наций, но он (царь — Ю.Л.) убежденно сказал, что подобное решение вопроса будет отвергнуто русским общественным мнением»²⁹.

Развивая дальше свою мысль, Николай II изложил сущность проблемы Проливов и ее решения в соответствии с интересами России, как на данном этапе, так и в перспективе. Отвечая на замечание Солсбери, что осуществление русского контроля над проливами предполагает исчезновение султана,

российский император заметил, что это верно лишь отчасти и вообще это дело будущего. В настоящее время он стоит за сохранение статус-кво. Впрочем, добавил Николай II, «можно представить себе и такое положение, когда султан остается на месте, а Россия контролирует Проливы... Россия не хочет иметь Константинополь или иную часть турецкой территории на стороне Проливов. Она хочет только владеть дверью и иметь возможность укреплять ее»³⁰.

В ответ британский министр заявил, что необходимо подумать о том, как избежать возможного ущемления интересов таких стран, как Австро-Венгрия, Италия, Франция, или, скажем, Румыния, в результате усиления России после решения проблемы Проливов в соответствии с пожеланиями последней. Царь парировал замечание британского премьера, заявив, что, прося ключи от двери, он не помышляет о водворении новой морской державы в Средиземное море. «Он заверял, — писал Солсбери, — в своей неприязни к самой мысли о войне». Сказав, что между Россией и Англией нет никаких противоречий, кроме как вопроса о Проливах, Солсбери произнес: «Теория о том, что турецкая власть в Константинополе является оплотом нашей империи, не может больше поддерживаться»³¹.

Вывод, который Солсбери сделал из беседы с Николаем II, состоял в том, что «если мы дадим царю Проливы, то он поможет нам и будет положительно относиться к вопросу компенсации для нас. Если мы не дадим ему Проливы, то он поможет нам только формально в отношении теперешних трудностей»³².

Вечером 29 сентября 1896 г. по инициативе Николая II состоялась вторая беседа российского императора и британского премьер-министра. Она началась с того, что Николай II отказался от данного им согласия на смещение Абдул Хамида с трона. Царь сказал, что в течение последних двух дней он думал над этим вопросом и пришел к выводу, что низложение султана на данной стадии сопряжено с огромным риском. Николай аргументировал отказ тем, что хотя в принципе низложение султана возможно и неоднократно имело место в турецкой истории, однако турки не потерпят султана, возведенного на трон христианскими державами.

Однако британскому премьеру удалось получить вторичное согласие царя на английское предложение дать послам великих держав в Турции рекомендации добиться от султана проведения реформ. Кроме того, Солсбери сумел убедить Николая II согласиться на посылку кораблей держав в Константинополь в случае «угрозы безопасности персонала иностранных посольств». Николай II заявил, что «не имеет ничего против» того, чтобы Англия взяла Египет. Вместе с тем он дал понять, что Россия не может санкционировать аннексию Англией Египта, ибо «здесь очень значительные интересы Франции»³³.

Во время второй беседы с императором Солсбери уточнил, на каких условиях он согласен не выступать против претензий России на Проливы. «Эти претензии будут встречены с пониманием, если будут предъявлены после падения Турции. Все остальные державы потребуют удовлетворения, и это может стать частью общего соглашения»³⁴. Солсбери не исключал возможность крушения Османской империи в ходе кризиса 1890-х годов. Выступая в Палате Лордов в январе 1897 г., он говорил о своем «твердом убеждении» в том, что «не за горами то время, когда турецкая империя будет обречена». Соглашаясь отдать России Проливы, когда их уже невозможно будет удержать, Солсбери мог быть уверен, что даже при согласии Англии на такую жертву Россия не сможет практически взять этот «дар»³⁵.

«Сомнительным даром» называла Проливы русская газета «Новое время»: «Англичане предлагают России только выполнить ее назначение, но вовсе не содействовать в этом и, конечно, в расчете, что остальные державы

в состоянии будут оказывать сопротивление России. Англия же будет пользоваться в то время плодами искусного нейтралитета»³⁶.

В заключение английский премьер, оставаясь верным традициям британской дипломатии, заявил, что все сказанное является лишь его личным мнением.

Принято считать, что переговоры в Бальморале не имели политических последствий и практических результатов. Главной целью российской дипломатии на Ближнем Востоке по-прежнему было сохранение статус-кво Константинополя и Проливов. К сожалению для России, в процессе переговоров Солсбери удалось легко переиграть Николая II. Британский премьер сумел убедить его согласиться на право посылки кораблей европейских держав в Константинополь в случае «угрозы безопасности персонала иностранных посольств». В итоге Британия получила первую скрипку в «Европейском концерте». Но она ей была уже не нужна. Бесперспективность «Европейского концерта» отметил 15 октября 1896 г. вице-король Индии Дж. Кёрзон во время выступления в Глазго. Рассматривая позицию Англии в Турции он привел красочное сравнение. «...если бы на соседней улице горел дом, мы конечно бы вызвали пожарную машину или пошли тушить огонь, но это — не наш дом и нас это не касается. Ни в Армении, ни в Турции Англия не ищет себе никаких территориальных приобретений»³⁷. Пустыми словами назвал Кёрзон призыв лидера либералов Розбери к совместным действиям с европейскими странами.

Позиция русской дипломатии в Ближневосточном кризисе была отражена и в письме директора канцелярии МИД России В.Н. Ламздорфа Нелидову: «Мы только что снова пришли к соглашению о поддержке во что бы то ни стало прогнившего статус-кво Османской империи, считая, что сохранение статус-кво вполне возможно, пока существует согласие между великими державами и ни одна из них не предпринимает изолированных действий. Это не препятствует тому, что мощная британская эскадра стоит у входа в Дарданеллы, а царящая в Турции анархия доходит до таких пределов, когда не поддающиеся никакому предварительному учету неожиданности становятся не только возможными, но даже все более вероятными, и притом в недалеком будущем»³⁸.

Однако Франция заняла более сдержанную позицию по вопросу возможных совместных с Англией и Россией действий против Турции. «Я решительно против подобного соглашения с Англией. Это было бы на деле первым шагом к постепенному разделу Турции», — писал барон Моренгейм³⁹.

Французский представитель в Константинополе, сообщая о передвижении английской эскадры, отмечал, что, по словам Кэри, «было бы желательно, чтобы державы, в особенности Франция и Россия, присоединились к Англии для оказания военно-морского давления на султана с целью заставить его назначить великого везира по их выбору; султан поручил бы ему образование ответственного министерства, зависящего от него самого. Такой способ валирования фактического низложения султана обнаруживает... существование заранее продуманного и тщательно подготовленного плана, предназначенного послужить вступлением к разрушению здания Оттоманской империи». Министр иностранных дел Франции Г. Аното хотел бы знать, «разговаривал ли Кэри по данному вопросу с русским представителем, а также быть осведомленным о том, какую совместную позицию... должны были бы занять Россия и Франция»⁴⁰.

Аното, в беседе с российским послом в Париже А.П. Моренгеймом 29 августа 1896 г. отмечал: «Я не думаю, чтобы лондонским кабинетом был уже в дальнейшем выработан план действий, которые направлены были на

разрушение Турецкой империи. Я склонен скорее полагать, что сделанные послом откровения были подготовкой почвы для более широкого обмена мнений с Россией. В интересах России, чтобы Турция протянула как можно дальше. Если в Турции произойдет революция, о которой все открыто говорят, то иностранные державы будут требовать защиты их правительств». По мнению Аното, «самым естественным способом защиты является увеличение здесь иностранных морских сил с возможной высадкой десанта» ⁴¹.

Английский флот располагался недалеко от Дарданелл и продолжал ожидать команды подойти к Константинополю. Проблема Проливов и Восточный вопрос в целом могли быть решены в интересах Великобритании. Однако такой исход кризиса не устраивал другие державы. Аното предлагал российской стороне опередить Англию и направить в Проливы русские военно-морские силы. По мнению французского дипломата, Россия едва ли встретила бы серьезное военное сопротивление со стороны Турции, поскольку укрепления, форты и вход в Босфор были слабо вооружены и плохо охранялись. Самым благоприятным фактором в сложившейся ситуации Аното считал общественно-политическую слабость Османской империи: «При настоящем настроении умов в турецкой столице, можно поручиться, что внезапное появление иностранного флота так озадачило бы гарнизон турецкой батареи, ...что сопротивление не было бы долгое и сильное» ⁴².

Во время кризиса «Анот, вызвав турецкого посла, разговаривал с ним очень сурово, заявив, что дружеский долг и терпение Франции исчерпаны. Отныне она твердо решила не терпеть ни одного лишнего дня двойственной игры турецкого правительства; он лично не намерен больше давать водить себя за нос. Чаша терпения переполнена, и при любой попытке поставить под угрозу безопасность подданных Франции или ее подзащитных, будут безотлагательно приняты меры для предотвращения беспорядков или подавление их вне зависимости от мнения других держав», — гласила секретная телеграмма барона Моренгейма ⁴³.

Российские дипломаты не поддались на провокацию своей союзницы Франции и разумно оценили сложившуюся ситуацию. «Теперь, когда вблизи входа в Дарданеллы плавают английские броненосцы, единоличное наше вмешательство в турецкие дела стало более чем затруднительно» ⁴⁴. Самостоятельное вторжение в Проливы английского флота в случае новых беспорядков в Константинополе представляло бы значительную опасность для России.

Санкт-Петербургу следовало выдержать паузу. Совместное выступление европейских держав «неизбежно приведет к самому опасному для нас установлению на Босфоре европейской комиссии, или опеки иного учреждения, которое передало бы проливы в руки Европы, в самом неблагоприятном для нас случае объявило бы их открытие для судов всех государств», — писал Нелидов ⁴⁵.

Оценивая ситуацию с места событий, Нелидов считал «наиболее целесообразным в первом случае, как только английский флот стал бы входить в Дарданеллы, тотчас же нашей Черноморской эскадре войти в Босфор и занять его верхнюю часть приблизительно до линии Чибукли, с тем, чтобы там в последствие высадить десант и укрепиться». По мнению русского посла, для усиления позиций России было бы желательно, чтобы вместе с английским флотом в Дарданеллы вошли французские и русские корабли, которые успели бы к тому времени достигнуть Эгейского моря. «Будучи поставленным в такие условия, мы могли бы вступить в переговоры с Англией, — рассуждал Нелидов, — хотя мало надежды было склонить их к очищению Дарданелл, т.к. нам уходить из Босфора не следовало бы не под каким предлогом. Само собой разумеется, что для усиления этой задачи важнее всего,

чтобы Черноморская эскадра пришла сюда как можно скорее, прежде чем англичане успели бы занять Верхний Босфор и там укрепиться»⁴⁶.

Российский дипломат настаивал на необходимости держать Черноморский флот в состоянии полной боевой готовности, чтобы он мог выйти в море по первому же требованию. Залогом успеха явились бы координированные действия дипломатов и военных. Момент начала выдвижения русского флота к Босфору, как только поступит известие о входе в Дарданеллы англичан, должен был определить Нелидов.

Российский посол рассматривал и другой вариант развития событий. В случае международного обсуждения проблемы Проливов, Россия, как наиболее заинтересованная в этом вопросе держава, должна требовать для себя права занятия Верхнего Босфора, срытия укреплений с Дарданелл и свободного прохода военных судов всех государств в Мраморное море.

Это предложение Нелидова заслуживало особого внимания. Дело в том, что Россия не стремилась одновременно занять оба Пролива — Босфор и Дарданеллы. «Владея же Верхним Босфором мы будем обеспечены в Черном море, получим решающее влияние в Константинополе и сохраним за собою возможность при благоприятных условиях в будущем, сухим путем или с моря овладеть Дарданеллами», — считал русский дипломат⁴⁷.

Нелидов, верно оценивший сложившуюся ситуацию, понимал, что державы не смогут выработать приемлемое для всех решение вопроса о Проливах и в итоге согласятся с российскими требованиями. Взгляд посла на будущее Оттоманской империи был пессимистичен: даже смена правительства в Турции не гарантировала бы мира и прочного спокойствия. «Все государственные основы здесь слишком расшатаны, власть ослаблена, нет элемента, который мог бы служить твердой опорой для правительственного строя», — полагал он. Нелидов пришел к заключению, что в интересах России оформить соглашение о Проливах с наиболее заинтересованными в этом вопросе державами. Дипломат считал, что основной обмен мнений по проблеме Проливов должен был происходить между Парижем и Санкт-Петербургом. Получив согласие Франции, следовало бы искать «поддержки со стороны других благорасположенных к нам держав, при дружном содействии коих нам легче будет провести наши требования перед Англией»⁴⁸. Россия также должна приложить все усилия, чтобы отодвинуть падение Турции.

Представляет интерес записка Нелидова, которую тот передал Николаю II в ноябре 1896 г.: «Беспорядки в турецких провинциях косвенно затрагивали интересы России, переворот в Константинополе мог отозваться не только на политическом, но и экономическом положении государства. В турецкой столице с конца августа 1896 г. непрерывно нарастало беспокойство. Велика была вероятность государственного переворота путем свержения султана, и последовавших за ним уличных беспорядков, грабежа, убийств. В ноябре 1896 г. вожаки армянского движения обещали приостановить свои действия на шесть месяцев, чтобы посмотреть какие будут приняты меры. Значительное улучшение положения дел в Турции могло бы быть достигнуто, если бы великие державы условились при помощи совместного давления заменить постепенно турецкую администрацию и власть — международной. Установление европейской власти (власти шести держав) в Стамбуле и зоне Проливов создало бы невыносимое положение для России. Жизненные интересы российской империи были бы принесены в жертву Европе, навсегда были бы утрачены безопасность в Черном море и свободное сообщение со Средиземным морем. Великие державы поспешили бы прочно обосноваться в Константинополе и на Босфоре и только шестая из этой общей силы и власти принадлежала бы России. Ей пришлось бы навсегда расстаться с мечтой о

высадке десанта и овладении высотами обоих берегов Верхнего Босфора. В последнее десятилетие XIX века южно-русская хлебная торговля, в которой были заинтересованы помещики, экспортеры и зажиточная часть южно-русского крестьянства, достигла широкого развития. Из портов Черного и Азовского морей, через Проливы стали вывозить ежегодно сотни миллионов пудов хлеба, особенно пшеницы. Закрытие Проливов было серьезным ударом для экономики юга России, открытие Проливов для военных кораблей всех держав также ставило Черноморское побережье России под угрозу»⁴⁹.

Таким образом, в российских дипломатических кругах сталкивались две точки зрения. Одна из них предполагала немедленный захват проливов (А.И. Нелидов, Н.Н. Обручев); согласно другой, которой придерживалось руководство МИД, следовало отложить эту акцию и, пока английский флот не перейдет к решительным действиям, поддерживать статус-кво.

В российском военном ведомстве полагали, что Россия, овладев Верхним Босфором, обеспечит себе безопасность в Черном море. Отметим, что Нелидов тесно сотрудничал с русскими военными агентами в Константинополе, которые занимались решением военно-технических и навигационных вопросов.

Летом 1896 г. чиновники российского Морского министерства были командированы в Константинополь для осмотра узкой части Босфора. Они пришли к выводу об эффективности установки там минных батарей. В августе того же года штаб Одесского военного округа отправил на Босфор комиссию под руководством генерал-майора Чичагова. Эта комиссия получила разрешение от султана на осмотр укреплений Босфора и Дарданелл с условием, что о замеченных недостатках в оборонительной системе Дарданелльского пролива будет информировано турецкое правительство. Заключение комиссии Чичагова, указавшей на недостаточность дарданелльских укреплений, было направлено в МИД России. С документом ознакомилось и правительство султана, которому предлагалось обратиться к России за содействием в организации минной обороны Проливов. Общий вывод был таков: «Дарданеллы не смогут задержать прорыва флота в Мраморное море; потери, которые он может понести, будут зависеть от способа его действий, погоды и времени суток, но даже в худших условиях не могут быть значительными»⁵⁰. Флот любой иностранной державы смог бы пройти через Проливы. Такое заключение было на руку России.

Пешков 16 августа 1896 г. писал: «Считаю, что настоящие обстоятельства не могут не вызвать вмешательство держав, а потому боевая готовность Черноморского флота войск Одесского военного округа необходима»⁵¹.

19 августа 1896 г. Пешков сообщал, какими силами располагает Турция в районе Проливов: «Здесь всего 17 тысяч пехоты, 1800 кавалерии. Из них около половины составляют охрану Ильдиза, остальные теперь разбросаны полуротами и патрулями в селениях Босфора; с укреплений последнего снята половина гарнизонов. Турецкий флот выйти на бой не может. Не касаясь вопросов общей политики, считаю долгом донести, что для решения вопроса о проливах в случае неминуемых новых беспорядков России представлятся благоприятные местные обстоятельства, появление нашего флота и десанта будет радостно приветствоваться не только христианским, (но) и турецким населением»⁵².

Штабом Одесского военного округа велась подготовка Босфорской экспедиции. Однако несогласованность между военным и морским ведомствами существенно затрудняла ее подготовку. К осени 1896 г. черноморский флот мог взять на борт за один рейс не 35 тыс. десантников, как того требо-

валось для успеха операции, а лишь 8 тысяч. Кроме того, флот не имел хорошего вооружения, достаточного запаса снарядов и угля. В качестве сил десанта намечалось использовать войска одесского военного округа, а для их перевозки — пароходы Российского общества пароходства и торговли⁵³.

Согласно плану Нелидова, при возникновении новой опасности беспорядков русские военные суда и десант могли бы появиться в Босфоре раньше войск других великих держав, если команда о начале операции была бы передана в Севастополь непосредственно из Константинополя. Для этого нужно было, сохраняя строжайшую тайну, держать флот и десант в постоянной готовности. Во время армянских погромов Россия могла бы предложить султану «за пропуск наших военных судов в Босфор сохранение его личностной и верховной власти, одновременно бы с этим следовало бы известить о принятом нами решении и другие Великие державы, и пригласив их, если желают, войти в Дарданеллы, причем наша Средиземноморская эскадра непременно должна действовать заодно с отрядами других государств, и если бы они стали высаживать десант, сделать то же самое, в доступных для наших сил размерах»⁵⁴.

Нелидову, как и российским стратегам, решением вопроса о Проливах представлялось занятие русскими войсками Верхнего Босфора и открытие Дарданелл для военных судов всех наций с нейтрализацией этого пролива и обезоруживанием его берегов. «Весьма вероятно, что судьба турецкой столицы могла бы быть решена на международной конференции или конгрессе, который лучше созвать в самом Константинополе, — рассуждал Нелидов. — Ни одна из Великих держав, каковы бы ни были ее военно-морские силы вблизи Проливов не решится тотчас силою оспаривать обладание свое Верхним Босфором или материально препятствовать нашему там утверждению». Дипломат, зная богатое воображение и впечатлительность молодого царя, пустился в утопические рассуждения о том, что если на Босфоре прочно обосноваться, то можно сделать из него «нечто вроде Гибралтара, что позволит нам с большим весом и спокойным сердцем участвовать в разрешении дальнейших судеб земель, входящих ныне в состав распадающейся Османской империи»⁵⁵. Государь был полностью согласен со своим послом. Записку Нелидова Николай II предложил обсудить на совещании в Царском селе. Однако не все сановники разделяли точку зрения Нелидова. В документе «Заключение совещания под председательством императора в царском селе 23 ноября 1896 г.» отражены противоречия, существовавшие между различными государственными ведомствами и чиновниками по вопросу Проливов⁵⁶.

Статс-секретарь С.Ю. Витте при обсуждении записки Нелидова высказал мнение, что занятие Верхнего Босфора без соглашения с великими державами «в данное время и при существующих условиях было бы крайне рискованно и могло иметь гибельные последствия». Управляющий морским министерством вице-адмирал Тыртов заявил, что «российскому послу в Константинополе трудно было бы представить право вызвать непосредственно Черноморскую эскадру с десантом в Босфор». По мнению управляющего морским министерством, Нелидову следовало бы только телеграфировать в Севастополь и Одессу о предстоящем вызове для того, чтобы эскадра приступила без потери времени к принятию десанта, которое потребовало бы значительного времени из-за нехватки пароходов в Севастополе⁵⁷.

В итоге было решено: «Поручить послу Нелидову по возвращении к своему посту изыскать вместе с представителями других держав, согласно предложению Великобританского правительства, средства для упорядочения и поддержки Османской империи, при неперменном условии обеспечить безопасность христианского населения, но стремиться избежать Европейс-

кими державами установления порядка на берегах Босфора... Если бы султан воспротивился принять предложенные ему послами меры, или оттягивал под разными предлогами их осуществление, то послу нашему следует, путем доверчивых разговоров с представителями других держав, к какому способу принуждения их правительства желали бы прибегнуть»⁵⁸.

Демонстрация в Мраморном море нарушила бы не только международные трактаты о закрытии проливов, но и в итоге препятствовала бы реализации целей России, стремившейся к установлению своего контроля над Проливами. Даже при участии русской Средиземноморской эскадры в морской демонстрации, «мы не могли бы согласиться на вступление значительного числа иностранных судов в Дарданеллы, не заняв одновременно Верхнего Босфора для обеспечения условленными трактатами закрытия прохода в Черное море, а потому Д.Т.С. (действительному тайному советнику. — Ю.Л.) Нелидову поручается заблаговременно предупредить императорское правительство о предложении других держав и направить суда из Одессы и Севастополя к Босфору»⁵⁹.

Совещание рассматривало и вариант, когда ситуация могла выйти из-под контроля России. Тогда предлагалось действовать по обстоятельствам: «Российский посол может воспользоваться правом и предупредить секретной телеграммой главного командира Черноморского флота о необходимости немедленной высылки эскадры с десантом в Босфоре, уведомив о том одновременно императорское правительство»⁶⁰.

5 декабря 1896 г. на совещании Совета министров под председательством Николая II было принято решение о высадке русского десанта в Босфоре. Сигналом к началу операции должна была стать телеграмма Нелидова командиру Черноморского флота: «Давно без известий». Руководителем операцией назначался вице-адмирал Н.В. Копытов, под началом которого находилось 6 эскадренных броненосцев: «Синоп», «Чесма», «Двенадцать Апостолов», «Екатерина II», «Георгий Победоносец» и «Три Святителя». В эскадру планировалось включить практически весь наличный состав Черноморского флота: крейсер «Память Меркурия», канонерскую лодку «Терец», минные крейсера «Гриден» и «Казарский», минные транспорты «Буг» и «Дунай», 10 миноносцев и 30 миноносков. Десантным корпусом в составе 33 750 чел. с 64 полевыми и 48 тяжелыми орудиями, предназначенным для высадки, командовал генерал В. фон Шток. Эскадра должна была пройти как будто бы для учений у берегов Кавказа, а затем внезапно повернуть на Стамбул. Десантникам предписывалось в трехдневный срок занять и укрепить берега Мраморного моря. К моменту подхода британской эскадры с Мальты на Босфоре должен был реять российский флаг.

7 января 1897 г. Нелидову пришло секретное послание из Петербурга, в котором говорилось, что он должен срочно телеграфировать о высылке эскадры с десантом, если посол другой державы вызовет свой флот в Пролив. Одинаковые телеграммы из трех слов «Давно без известий» срочно должны были быть отправлены в Санкт-Петербург, Одессу и Севастополь⁶¹. Эта телеграмма служила сигналом к исполнению всех подготовительных распоряжений для посадки десантного отряда на суда. На всех станциях Одесского военного округа необходимо было приостановить отправку частных телеграмм на суда и задержать примерно на сутки выход из портов всех частных судов, особенно пароходов.

«Целью десантного предприятия поставлено только занятие Босфора никоим образом не касается Константинополя. Изменения в ограничении сей цели могут последовать по указанию посла» — отмечалось в секретной телеграмме⁶².

Сухопутный десантный отряд должен был прочно закрепиться на верхнем Босфоре и занять прилегающие к проливу позиции, включительно до Бейкоса на азиатском берегу и до Кичей-Бурку на европейском. После занятия Босфора Нелидову поручалось провести переговоры с султаном, добиться мирной уступки России укреплениям Босфорского пролива (или главной его части), и «надежной, твердой обороны Босфорского пролива от прорыва неприятельских судов в Черное море»⁶³.

Сразу после отплытия Черноморской эскадры из Севастополя и Одессы послу «поручалось предупредить султана о последствиях безоговорочных решений и предложить ему ручательство России за личную его безопасность, если он согласится входу русских судов в Босфор и занятию десантом некоторых пунктов на обоих берегах Пролива, для ограждения прохода в Черное море». Рядом с этим текстом Николай II написал: «Навсегда». И два раза подчеркнул это слово.⁶⁴ Но в последний момент поход был отменен. Силы, убеждавшие царя не втягивать Россию в новую войну и взывавшие к благоразумию, все же одержали верх.

В середине 1890-х гг. расстановка сил на Ближнем востоке изменилась в неблагоприятную как для Англии, так и для России сторону. В регионе появился новый крупный игрок — Германия. Проникновение Берлина в Османскую империю осуществлялось на трех уровнях — экономическом, военном и политическом.

Следует подчеркнуть, что тенденции к дезинтеграции Турции начали проявляться в британской политике в период Ближневосточного кризиса 1895—1897 гг. (резня армянского населения 1894—1896 гг., восстание на Крите и греко-турецкая война 1897 г.). Тогда Англия, единственная из великих держав, наиболее настойчиво выступала за проведение радикальных преобразований в несоюзных провинциях. Причем все ее проекты предусматривали установление европейского контроля и в определенной степени введение самоуправления на восставших территориях. Форин Офис, избегая ставить на повестку дня вопрос о целостности Османской империи, фактически выступал за ее раздел, выражавшийся в предоставлении автономии национальным окраинам империи.

Что касается утверждения России на Босфоре и Дарданеллах — одной из главных целей российской внешней политики, то история сыграла здесь свою злую шутку: царское «навсегда» в итоге превратилось в «никогда». Несмотря на все свои военные и дипломатические усилия, России не суждено было укрепиться на Проливах.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 446/465, л. 4.
2. Там же. Заключение особого совещания по вопросу о подготовке на Черном море. 24.II.1895, л. 203.
3. Там же, л. 210.
4. ЛАМЗДОРФ В.Н. Дневник. 1894—1896 гг. М. 1991, с. 46.
5. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 446/465, л. 9.
6. Там же, л. 11.
7. Там же, л. 18, 19.
8. Там же, л. 22.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 568, оп.1. Ламздорф В.Н., д. 45, л. 56.
10. Правительственный вестник, 6(18).IX.1896.
11. АВПРИ, ф. 139. 2-я газетная экспедиция, оп. 476, д. 421. Дейли Ньюс. 5(17).IX.1896.
12. В 1896 г. на Мальте базировалось 11 британских броненосцев и 10 тыс. солдат, не считая туземного полка королевской милиции.

13. The Times. 18.IX.1896.
14. Parliamentary Debates (P.D.), ser. 3, vol. 37, 11.II.1896, с. 98—102.
15. В.Н. ЛАМЗДОРФ. Ук. соч., с. 390.
16. Там же, с. 392.
17. P. D, ser. 3, vol. 45. 26.I.1897, с. 577—598.
18. Ibid., vol. 47. 26.III.1897, p. 1504—1528.
19. Ibidem.
20. Ibidem.
21. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, д. 446/465. 20.X.1896, л. 13.
22. Там же, ф. 139. 2-ая газетная экспедиция, оп. 476, д. 421, л. 32.
23. Цит. по: Правительственный вестник. 19. IX.1896.
24. GRENVILLE J. A. S. Lord Salisbury and Foreign Policy: The Close of the Nineteenth Century. London. 1964.
25. The Times. 12.IX.1896.
26. JEFFERSON M. Lord Salisbury's Conversations with the Tsar at Balmoral 27 and 29 September 1896 — The Slavonic and East European Review. 39 (N 92), Dec. 1960, p. 217—223. Это текст записи бесед, обнаруженный в личном архиве Солсбери. Солсбери делал свои записи сразу после бесед с Николаем II для представления их в качестве отчета членам кабинета. На документе, обнаруженном М. Джеферсон, стоял гриф «строго секретно». Документ читали 7 человек. Он является главным источником, зафиксировавшим секретные переговоры в замке Бальмораль, которые явились важным эпизодом русско-английских отношений в середине 90-х гг. XIX века.
27. АВПРИ, ф. 139. 2-я газетная экспедиция, оп. 476, д. 421, л. 32.
28. JEFFERSON M. Op. cit., p. 216.
29. Ibid., p. 218.
30. Ibidem.
31. Ibidem.
32. Ibid., p. 219.
33. Ibidem.
34. Ibid., p. 221.
35. P.D., ser. 3, vol. 45. 26.I.1897, с. 577—598.
36. Новое время. 19.IX(1.X).1896.
37. The Times. 15.X.1896.
38. ЛАМЗДОРФ В.Н. Ук., соч. В дневник вложен черновик письма Ламздорфа Нелидову, с. 393.
39. Там же. Секретная телеграмма от барона Моренгейма. Париж. 29.VIII(10. IX).1896, с. 392—393.
40. Там же.
41. Там же.
42. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 446/465. Письмо Нелидова в МИД.
43. Там же. Секретная телеграмма от барона Моренгейма. Париж. 21.VIII(2.IX).1896.
44. Там же, л. 4.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же, л. 10.
48. Там же.
49. АВПРИ, ф. Записка Нелидова от 18(30).XI.1896, д. 447/466, л. 17.
50. Там же, л. 19.
51. РГВИА, ф. Коллекция Турция, оп. 1, л. 59, л. 15.
52. Там же.
53. Там же.
54. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, оп. 467, д. 447/466. 27.XI.1896, л. 38.
55. Там же.
56. Там же, л. 39.
57. Там же.
58. Там же.
59. Там же, л. 40.
60. Там же, л. 41.
61. ГАРФ, ф. 568, оп. 1, д. 156. Совершенно секретное письмо от генерал-адъютанта Ванновского. 14.I.1897, л. 6.
62. Там же.
63. Там же, л. 8.
64. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, д. 447/466, л. 43.

Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов

А.А. Рогожин

Генерал Г.И. Косагов оставил заметный след в истории нашей страны, однако его имя практически неизвестно широкому кругу отечественных историков. Пристальное внимание специалистов было сосредоточено на полководцах эпохи Российской империи, тогда как военные деятели XVII в. в лучшем случае упоминались вскользь в отдельных трудах. Личность же Григория Ивановича Косагова в мире русского XVII столетия, в окружении нечетких силуэтов и расплывчатых образов других военачальников и политиков, неожиданно вырастает из вороха архивных документов, представляя живой, «человечной», резко контрастирующей с аристократией Московского государства. Он был такой не один — XVII век подарил русской истории имена других людей, чья жизнь и деятельность не укладывается в привычные рамки представлений о допетровской эпохе и остается предметом непрекращающихся споров и дискуссий. Достаточно лишь вспомнить князя В.В. Голицына или Федора Шаковитого, хотя при желании список можно продолжить. Быть может, были и другие, не менее талантливые и одаренные деятели, но «сумерки» «бунташного» века скрывают их биографии от нас, отделяют годами, десятилетиями и веками, затрудняя понимания их жизни, мотивов и принципов, что этой жизнью руководили. Тем не менее, даже памятуя об этих исключениях, фигура генерала Григория Косагова остается неординарной и во многом удивительной.

Предки Григория Косагова не относились к старой русской аристократии, происходя из слуг митрополичьего дома¹. Тем не менее, отдельным представителям рода Косаговых удавалось продвинуться в служебной иерархии. Отец Григория Ивановича, Иван Иванович Косагов, в 1646 г. являлся головой «у стряпчих и дворян Московских»². Честь, оказанная отцу Григория Косагова, свидетельствовала об его авторитете и уважении, которое к нему питало московское дворянство.

Дворяне и дети боярские, по достижении определенного возраста, обязаны были нести службу в поместной коннице, что рассматривалось как почетная обязанность. Точной даты начала службы самим Г.И. Косаговым мы привести не можем, но известно, что в 1641 г. он получил чин стряпчего, о

Рогожин Александр Александрович — аспирант Орловского государственного университета.

чем сообщает краткая отметка в Записной книге Московского стола: «Марта в 22 день государь пожаловал из житья в стряпчие Григорья Иванова сына Косагова»³.

Реальный шанс отличиться и обратить на себя внимание Косагов получил в русско-польской войне 1654—1667 гг. С февраля 1655 г. он находился в полку Ю.А. Долгорукова, который входил в Севскую армию А.Н. Трубецкого⁴. Однако дальнейшая служба Косагова была связана на долгие годы с Белгородским разрядом — военно-административным округом, который находился под командованием Г.Г. Ромодановского.

Впервые самостоятельно Косагов возглавил отряд «ратных людей» в 1658 г., во время похода Белгородского полка на Украину против И. Выговского⁵. В дальнейшем Григорий Косагов продолжал пользоваться расположением Ромодановского. Состав и численность отряда Косагова (в мае 1660 г. — 4074 чел.: дворяне и дети боярские разных городов, 250 рейтар, 200 донских и орешковских казаков, 837 солдат и приданный Ахтырский полк Ивана Гладкого⁶) дает основание утверждать, что к 1660 г. Косагов зарекомендовал себя с лучшей стороны перед Ромодановским. Подобный шаг был бы вполне в духе последнего, человека прямого и честного, привыкшего судить о подчиненных по их профессиональным навыкам — так о Ромодановском отзывались сослуживцы, в частности, шотландец П. Гордон⁷.

Косагов со своими «ратными людьми» был одним из важнейших инструментов правительственной политики на территории Украины. Он напоминал об интересе Москвы, был его зримым воплощением и, несмотря на несовершенство организации вверенного ему войска, представлял значимую силу в борьбе на Украине. В делах ему помогали умение руководить казаками, причем как казаками, или черкассами, «украинных земель», так и донскими, яицкими и прочими, а также талант командира конного отряда, умевшего наносить стремительные удары. Впрочем, учитывая удачный опыт «осадного сидения» в небольших крепостях, следует отметить, что Григорий Косагов обладал разнообразными познаниями в области военного искусства.

За время пребывания на Украине Косагов заработал репутацию непобедимого командира, готового исполнить любое, самое сложное задание. В наказах и похвальных грамотах царя Алексея Михайловича, отправленных в 1660-х гг. в Запорожье, стряпчий уважительно назывался по имени-отчеству, «Григорий Иванович Косагов», хотя никакого указа о пожаловании ему права писаться в официальных документах с «вичем» не было⁸. Подобное именование можно считать ценным знаком царского внимания, проявлением уважения со стороны монарха к верному «служилому человеку».

До определенного времени серьезные ранения обходили стороной Косагова. Однако в Боярской книге 1658 г. указано, что за ранение «нынешнего 177-го году по росписке ис приказного стола» Григорий Иванович получил прибавку к поместному и денежному окладам «50 чети, денег 6 рублей»⁹. 177-й г. — это осень-зима 1668 г. или весна-лето 1669 г., в любом случае после заключения Андрусовского перемирия с Речью Посполитой. Вероятно, ранение Косагов мог получить в стычке с татарами. Однако для «служилого человека» в XVII в. на южных рубежах России война не заканчивалась никогда, лишь поздней осенью и зимой затихая, чтобы вспыхнуть с новой силой в будущем году. Ранение серьезных последствий для Григория Ивановича не имело — уже в том же 177-м г. Ромодановский в знак своего благоволения и признательности отправил Косагова с сеунчем в Москву, чтобы сообщить об избрании гетманом Демьяна Многогрешного и о положении на Украине¹⁰.

В марте 1671 г. Косагов, пожалованный ранее, в начале 1666 г., чином стольника, был послан против отрядов С. Разина. Под началом Григория

Ивановича был сводный отряд из рейтар и драгун, поэтому в документах Косагова именовали уже «копейного и рейтарского строя стольник и полковник». Повеление Алексея Михайловича заключалось в том, чтобы «...послать на Дон, в Черкасской городок, копейного и рейтарского строю стольника и полковника, Григорья Косагова, а с ним наших великого государя ратных людей, Севского и Белгородского полков, с начальными людьми, рейтар тысячу человек, драгун то ж число, выбрав самых добрых и конных и оружных и домовных людей, которые по твоему боярина нашего и воеводы розбору ныне оставлены в Курске». Стольнику Косагову велели также выдать государеву жалованье — 20 золотых червонных ¹¹.

Находясь в пути, Косагов получил известие, что необходимость в походе отпала — Разин уже был схвачен ¹². Теперь задача Косагова заключалась в препровождении под конвоем Разина в Москву ¹³.

Алексей Михайлович не забыл верного стольника Косагова и летом 1671 г. отправил его на Дон уже с новым заданием. После поимки Разина нужно было пожаловать верных казаков. С этой благородной миссией и направился стольник и полковник Косагов в сопровождении присланного из Москвы дьяка А. Богданова. Всего из Москвы было послано 3000 руб. денег, 100 пудов «зелья ручного», 50 пудов свинца, в Воронеже также должны быть взяты для дачи казакам 4000 четвертей хлеба и 200 ведер вина. Вместе с Богдановым из Москвы отправились донские войсковые атаманы Корнило Яковлев и Михайло Самаренин с 93 казаками. Они должны были охранять ценный груз. Однако основной задачей Косагова было весьма щекотливое дело — привести донских казаков к «крестному целованью», присяге Алексею Михайловичу ¹⁴.

Приведение вольнолюбивых казаков к присяге было делом непростым. Косагов еще в начале похода узнал, что в Царицыне атаманом Ф. Шелудяком были специально оставлены мятежные казаки с намерением захватить царскую казну. Пробираясь пришлось через казачьи городки в верховьях Дона, а заодно и уговаривать местных казаков служить верно царю и не приставать к шайкам «воров» ¹⁵.

Стольник Григорий Косагов сумел оправдать возложенное на него царем доверие, выполнив весьма непростую миссию с честью — не просто доех до Дона царскую казну в то время, когда все его верховье было наполнено разбойничьими шайками, но и сумел привести казаков к присяге на верность и даже уговорил их отправиться на царскую службу под Астрахань. Да и потери отряда Косагова за время его участия в борьбе против мятежных казаков составили всего 3 человека убитыми ¹⁶. Сказывался навык общения с вольными казаками, приобретенный Косаговым за годы службы с ними в войсках Белгородского разряда. В качестве награды за службу стольник Косагов был отправлен на воеводство в Саранск, что являлось знаком признания его заслуг: назначение на воеводскую службу для представителя неродовитого дворянства было явным выражением монаршей милости ¹⁷.

Впереди заслуженного командира ждали новые победы, чему немало «поспособствовало» новое ухудшение внешнеполитической ситуации. Главным вопросом во внешней политике России 1670-х гг. были отношения с Османской империей. В 1672 г. Московское государство объявило войну Османской империи. На первом ее этапе Алексей Михайлович стремился избежать активных действий и серьезных столкновений с крупными силами противниками, поэтому основные сражения происходили на отдаленном Азовском театре военных действий.

В ходе подготовки этого похода под Лебедянью, близ Воронежа, было начато строительство нескольких сот речных транспортных судов и десятков

судов, предназначенных для действий в море. На этих судах в поход на Азов направились «ратные люди»: два солдатских полка и восемь стрелецких приказов, общая численность которых достигала 7941 человек. Командовать отрядами были назначены И.С. Хитрово и Г.И. Косагов¹⁸. Этот отряд был авангардом русской армии, которая должна была штурмовать турецкую крепость. Волей судьбы «авангард» стал единственным отрядом, боровшимся против турок на Азове¹⁹.

Азовский поход Алексея Михайловича завершился неудачно: хотя и удалось блокировать Азов со стороны моря, но из-за недостатка пехоты и конницы завершить блокаду крепости, лишив ее от сухопутного сообщения не смогли; поэтому от Азова пришлось отступить²⁰.

В 1674 г. Косагов проявил себя в новом качестве — командующего морской «эскадрой». Используя оставшиеся морские суда, построенные под Лебедяню, а также разлив Дона, позволявший пройти мелкосидящим судам в море, 25 стругов с солдатами, стрельцами и донскими казаками под общим командованием Косагова направились мимо турецких укреплений к р. Миусу, пытаясь обойти кочующих здесь несколько тысяч крымских татар. Однако у мыса Кезарог стоял наготове сильный и искушенный в морских делах турецкий галерный флот, и Косагов благоразумно решил повернуть обратно²¹. В октябре 1674 г. его отозвали в Москву.

В 1676 г. начался новый этап в войне с Турцией — Чигиринские походы. Русская армия под командованием Ромодановского собралась в Курске²². Однако в походе главные силы князя продвигались медленно из-за большого обоза и артиллерии. В данной ситуации время играло против русских, так как необходимо было как можно быстрее разгромить войско мятежного гетмана П. Дорошенко, не дав ему шанса отсидеться в крепости и дожидаться помощи со стороны османов. Поэтому за 100 верст до Днепра Ромодановский выделил 15 тыс. корпус под командованием полковника Косагова, который был усилен тремя полками казаков под командованием генерального бунчужного Леонтия Полуботка. Этот сводный отряд, переправившись через Днепр, в коротком сражении разгромил вышедшего из крепости с казаками Дорошенко и осадил Чигирин, в котором успел укрыться правобережный гетман. Сам факт, что столь крупный отряд был доверен Косагову, именовавшемуся в документах полковником копейного и рейтарского строя, говорит об особом положении, которое он занимал в Белгородском разряде. Косагов ценился как военный специалист с боевым опытом, поэтому Ромодановский отдавал под его командование значительную часть своего войска.

19 сентября 1676 г. гетман Правобережной Украины вышел из города в сопровождении жителей и духовенства для присяги царю. Дорошенко был отвезен в лагерь Ромодановскому в сопровождении Косагова и Полуботка, где сдал знаки гетманского достоинства²³. Чигирин оказался в русских руках.

В конце 1676 г. соотношение сил в войне с турками поменялось кардинально. В октябре Ян Собеский заключил с турками мирный договор в Журавне. За Турцией оставалась захваченная ими Подолия с городом Каменец, а поляки обязались оказать помощь в войне против России²⁴. Постепенно из войны коалиций и союзников война превращалась в отпор противникам России почти по всей протяженности южных границ государства.

29 июня 1677 г. турецкая армия под командованием Ибрагима-паша по прозвищу Шайтан выступила в поход от Дуная и осадила Чигирин уже 3 августа. Армия Османской империи состояла из 60 тыс. турецких солдат, из которых от 10 до 15 тыс. человек были янычарами, осадной артиллерии числом 35 орудий, а также 19 тыс. молдаван и валахов, которым была предназначена в этой кампании роль вспомогательных войск. Кроме того, на

стороне турок сражались крымские татары, численностью до 40 тыс. человек, возглавляемые ханом, и Юрий Хмельницкий, выступавший скорее в качестве идеологического подспорья в этой борьбе, потому как реальной военной силы сын Богдана Хмельницкого за собой не имел²⁵.

25 августа русская армия, поддерживаемая казаками И. Самойловича, подошла к Днепру возле Бужина и стала готовиться к переправе²⁶. При переправе через Днепр полк под командованием А.А. Шепелева отправился на противоположный берег и удерживал плацдарм. Следом, на том берегу Днепра, к Шепелеву присоединился со Вторым выборным полком М.О. Кровков. Отличился в этой переправе и Косагов. В походе 1677 г. он еще был в звании полковника, но после него в документах упоминался уже в чине генерал-майора. Заслуги Косагова, позволившие ему получить генеральский чин, заключались, в первую очередь, в его удачных действиях в бою 28 августа. Ибрагим-паша, видя, что малыми силами нет возможности остановить переправу русских войск, приказал усилить обстрел Чигирина, перебросив основную часть армии к Бужину. 28 августа татарско-турецкое войско встретилось с переправленным на противоположный берег 15 тыс. отрядом под командованием Косагова, в состав которого входила отборная конница. При подготовке к переправе, Григорию Косагову передали под начало значительное число ратников, «выбрав из полков, конных знатных и добрых людей». Среди казаков выбирали желающих сразиться с турками и крымцами, «кампанейщиков». Для усиления своего отряда Косагов попутно захватил пехотные отряды с днепровского острова, которые должны были оказать огневую поддержку²⁷.

На противоположном берегу Косагов не стал уклоняться от сражения, и завязал бой с численно превосходящим противником. Фортуна любит смелых, и победа в этом бою досталась русским войскам. Турок и татар «многих побили, гоня их на пять верст от Днепра...» Ожесточенность сражения подтверждал тот факт, что среди убитых оказались сын крымского хана, несколько сыновей турецкого пашы, высшие турецкие офицеры и татарская знать²⁸. Это сражение предопределило исход кампании 1677 года. На следующий день, 29 августа, турки, оставив осадную артиллерию и весь обоз под стенами Чигирина, начали беспорядочное отступление, больше напоминая бегство.

После кампании 1677 г. русское правительство предприняло некоторые шаги по нормализации русско-турецких отношений. Однако отправленное в Константинополь посольство с предложением мира не нашло понимания у турок²⁹. Стал очевидным тот факт, что война с Османской империей далека от завершения.

Грядущие планы турок стали известны русским заранее. В феврале 1678 г. с гетманом Самойловичем встретился уже генерал-майор Г.И. Косагов, посланный с похвальными царскими словами за службу предыдущего года, с богатыми дарами, пожалованными казацким старшинам Федором Алексеевичем, а заодно и с вестями, полученными из Киева и Чигирина: о подготовке турками и крымскими татарами нового, еще более масштабного штурма Чигиринской крепости³⁰. Косагов передал также гетману царское повеление готовить подводы для перевозки пушек и пушечных ядер и прочих запасов под Чигирин³¹.

Князь Ромодановский, помня о трудностях перехода через Днепр при сопротивлении противника, решил заранее позаботиться о переправе с наименьшими потерями. В апреле вперед был отправлен корпус под командованием Косагова, усиленный двумя казацкими полками. Всего под началом Григория Ивановича находилось 9719 человек. В его задачи входило

обеспечение надежной переправы основного русского войска и усиление гарнизона Чигирина ³².

Косагов, не мешкая, отправился к Днепру. Переправу он осуществлял возле Максимовского монастыря, где заранее были заготовлены плоты и лодки. 21 июня 1678 г. укрепленный лагерь на правом берегу Днепра был построен. Однако вскоре выяснилось, что место, выбранное для организации лагеря, Ромодановского не устроило ³³. Дело в том, что привычный походный порядок русского войска предполагал продвижение «вагенбургом», когда пехота и конница ограничены и защищены со всех сторон обозными подводами, позволявшими вести огонь и затруднявшие стремительное нападение противнику. Такой порядок был наиболее действен против легкой конницы крымских татар, единственной силы, которая могла реально представлять угрозу русским в отдалении от Чигирина. В таком порядке пройти до крепости было невозможно из-за природных особенностей местности. Чтобы подойти к Чигирину, необходимо было переправиться через р. Тясьму, а дорога к бродам от укрепленного лагеря Косагова пролегла через лесистую и болотистую местность, непригодную для широкого строя и труднопроходимую для обозов и пушек ³⁴.

В конце июня 1678 г. Косагов устроил новый лагерь, напротив Бужинской переправы, из которого в Чигирин вел широкий и просторный шлях, но имеющий по пути цепь возвышенностей, пригодную для действия вражеской артиллерии и создания укреплений противника. Тогда же для усиления к Косагову присоединились отряды донских казаков. Основные же силы подошли к Днепру только 6 июля, когда уже турецкая армия под командованием визиря Кары-Мустафы начала осаду Чигирина ³⁵.

После этого имя Косагова почти исчезло из летописи Чигиринского похода 1678 года. В документах, подробно описывающих ход противостояния русских и турок лишь упоминались события 9 июля, когда вечером, под охраной корпуса Косагова в Чигирин было отправлено подкрепление в составе 2200 человек. Генерал, оставив по приказу укрепленный лагерь и брод через р. Тясьму, сопроводил подкрепление до крепости ³⁶. После этого решающей роли корпус Григория Косагова не играл. Можно лишь предположить, что он выполнял вспомогательные задачи, защищая русские позиции от наскоков крымских татар. В конце концов, большую часть времени русским войскам под Чигирином приходилось штурмовать укрепленные турецкие позиции, а здесь пехотные формирования были более уместны. Под началом Косагова хотя и был пехотный полк, но все-таки его корпус привык воевать в конном строю, да и сам генерал-майор имел навык лихих кавалерийских атак, которые были больше востребованы против степняков, чем против упорных янычар. Собственно, поэтому знаменитый штурм Чигиринских высот 3 августа 1678 г. обошелся без активного участия генерала. В нем отличились другие командиры, другие полки.

Чигиринский поход 1678 г. закончился для русской армии неудачей — 11 августа крепость была сдана врагу. К тому времени Чигирин представлял собой груды дымящихся развалин — сказались не только усердие турок при осаде, но и храбрость отступавшего гарнизона, успевшего взорвать укрепления крепости. Русская армия отступила от Чигирина в августе 1678 года.

После этого сменился командующий, воевода Белгородского разрядного полка, которым стал вместо Ромодановского боярин И.Б. Милославский: в ноябре 1678 г. в качестве руководителей Белгородского разрядного полка «указано быть против турок» боярину Милославскому, окольничему И.А. Чирикову и «стольнику Григорью Иванову сыну Косагову» ³⁷.

Григорий Косагов именовался уже генерал-поручиком. Можно предположить, что действия стольника в Чигиринском походе были по достоинству

оценены, и Федор Алексеевич пожаловал ему следующий генеральский чин. Косагов получил под свое начало десятитысячный боевой корпус, преимущественно конный, с которым ему управляться было привычнее. В реальности «ратных людей» было несколько меньше, но отряд Косагова по-прежнему оставался грозной силой³⁸.

К концу 1670-х гг. из-за непрекращающихся набегов крымских татар московское правительство осознало необходимость сооружения нового защитного вала, взамен обветшавшей и утратившей прежнее оборонительное значение Белгородской черты. Благодаря этому решению, в 1679 г. Косагову пришлось отметить в новом качестве. Дело в том, что строить новую линию укреплений предполагалось силами «служилых людей», располагавшихся поблизости, в том числе и «ратниками» генерал-поручика Косагова.

Осмотрев отведенный участок строительства, он пришел к мысли о пересмотре генерального плана и перенесении укреплений за р. Мжу, для охвата большей территории. Главным доводом генерала была организация эффективной обороны против набегов крымских татар. По участку строительства Косагова проходил знаменитый Муравский шлях, дорога, по которой татары совершали набеги, в том числе и последний, зимой 1680 года. Согласно новому плану строительства, предложенному Косаговым, оборонительная черта перерезала эту дорогу, затрудняя татарам проникновение на территорию уездов Белгородского разряда³⁹.

После отъезда в Москву боярина П.В. Шереметева Косагов стал товарищем князя П.И. Хованского, продолжая строить вал. За время, проведенное генералом на строительстве Изюмской черты, помимо общего руководства работами на своем участке, он соорудил 13 сажень вала «с себя», то есть с помощью нанятых на собственные средства людей, при норме сажень с человека. Косагов построил также несколько укрепленных городков по новой черте. Кроме того, генерал руководил в 1681 г., до отъезда с южных рубежей в Москву, сооружением городка Изюм, призванного стать одним из центров обороны Изюмской черты. В этих работах он был особенно заинтересован, так как решение построить этот городок, со временем превратившийся в достаточно крупный город на южных рубежах России, принималось благодаря инициативе генерала. Одна из башен в крепости была сооружена Григорием Косаговым за собственный счет, «с поместий»⁴⁰.

В начале 1682 г. было принято решение возобновить строительные работы на черте, работая на наименее укрепленном участке. Однако уже в июне в Москве решили прекратить все работы. Дьяк Разрядного приказа Федор Шакловитый отзывал генерала Григория Косагова в столицу⁴¹.

Время регентства царевны Софьи Алексеевны было наивысшей точкой в карьере генерала Г.И. Косагова, но взлет к вершине завершился падением. Последнее было обусловлено внутривластными распрями, борьбой вокруг трона между царевной Софьей Алексеевной и подростком Петром. На стороне Софьи выступал В.В. Голицын, один из самых известных политиков своего времени, который и приблизил к себе многих способных, но не слишком знатных людей, в числе которых был и Косагов.

В правление царевны Софьи Косагов получил чин думного дворянина, дающий ему право участвовать в заседаниях Боярской думы. Впрочем, часто генерал не имел возможности пользоваться этим по причине нахождения на южных рубежах страны. Пожалование состоялось в январе 1688 г., в период решительной борьбы за первенство в Боярской думе между сторонниками партии Милославских и Нарышкиных. Поэтому Косагов может рассматриваться как «козырь» князя Голицына в этой борьбе⁴².

Генерал участвовал и в Крымских походах Голицына, но фортуна оказалась изменчивой. Отстранение от власти Софьи привело и к ссылке Голицына, который увлек за собой всех своих ставленников. Де ла Невилль, повествуя о событиях 1689 г., приведших к власти партию Петра, достаточно подробно описывал попытку Голицына смягчить свое наказание добровольной явкой к Петру. Князь «взял с собою сына своего Алексея, друзей, дворецкого Толочанова, великого казначея Ржевского, воеводу Севского Неплюева — советника своего и любимца, свою креатуру Змиева, который в армии был генерал-комиссаром, и своего близкого приятеля, некоего Косагова»⁴³.

В отличие от многих других «приятелей» Голицына, Косагов практически не пострадал — он был оставлен в прежней должности. Видимо, в пользу генерала сыграл тот факт, что большую часть жизни он проводил на южных рубежах России, вдали от придворных смут, храбро воюя со всеми ее противниками и не позволив ни разу усомниться в своей преданности монарху как таковому⁴⁴. Однако прежнего доверия со стороны власти генерал уже не имел. В 1692 г. он был назначен Путивльским воеводой⁴⁵, больше никакими сведениями о его службе в составе действующей армии мы не располагаем.

Одной из самых известных, прежде всего современникам, особенностей, жизненных привычек Григория Ивановича была его поистине неистребимая любовь к женщинам. Слабость к женскому полу прошла через всю его жизнь, не будучи ни в коей мере секретом для окружающих. Новый запорожский кошевой Рог, сообщая гетману Брюховецкому причину неожиданного ухода Косагова с русскими ратными людьми из Запорожья, не преминул язвительно заметить: «Мы и сами надивиться не можем, зачем он ушел? Мы его не выгоняли; мы не изменники, как он нас описывает; не знаем, не для того ли пошел, что у нас кукол ночных нет, с которыми, думаю, на Руси уже натешился...»⁴⁶. Намек вполне понятен без дополнительного разъяснения. Возможно, любвеобильность Косагова была известна достаточно широкому кругу людей, с которыми Григорий Иванович сталкивался по долгу службы.

В семье Косаговых, среди его потомков передавался слух, о том, что именно любвеобильность довела храброго генерала до могилы, якобы умер он от «любоострастной болезни». Так это или нет, проверить затруднительно, однако страсть к женщинам, как определяющая родовая черта, передалась от Григория Ивановича его потомкам.

Г.И. Добрынин, чиновник второй половины XVIII — начала XIX в., оставивший любопытные воспоминания, сообщал читателям, как в 1770-х гг. посетил имение последнего представителя рода Косаговых, гвардии капитана Андрея Ивановича Косагова. Оказалось, что А.И. Косагов содержал у себя в имение, втайне от светских и духовных властей, целый гарем на турецкий манер, «с девками разного состояния», даже с «любимой женой», «султаншей», поповной села, принадлежащего бравому капитану. Шила в мешке не утаишь, и слухи о таком «противохристианском блюде» дошли даже до Севского архиерея⁴⁷.

Неординарность Григория Косагова проявлялась и в его интеллектуальных увлечениях. В 1675 г. его духовник подал на генерала «извет», обвиняя его в чтении «еретических книг»⁴⁸. Что подразумевалось под этим определением, сказать сложно, но представляется вполне очевидным, что некоторые книжные пристрастия Григория Ивановича лежали в стороне от привычного на Руси «душеполезного» чтения. Быть может, на увлечения Косагова повлияло долгое пребывание на Украине и возможность познакомиться с литературой Южной и Западной Руси, литературой польского происхождения, которая вполне подходила под определение «еретической».

Генерал и сам довольно бойко владел пером. До нас дошли несколько его писем разным адресатам, написанных в живой и яркой манере. Порой эти письма позволяют добавить несколько штрихов к портрету Косагова. Например, в письме своему отцу стряпчий Григорий Иванович сообщал о непростом положении в Запорожье, грозившем серьезными последствиями: «Батюшка! Помилуй меня, дай благословение и прости, потому что, думаю, в последний раз пишу к тебе. Если черкасские города сдадутся, то и Запорожье сдастся королю и мне с Серком тут мат: и теперь бунтуют и на нас совещаются; чуть только осият, сейчас выдадут нас или ляхам, или татарам»⁴⁹. Кроме проникновенных слов человека, оказавшегося в отчаянном положении, внимание привлекает шахматный термин, естественно проникший в ткань повествования. Этот шахматный «мат» говорит об увлечении генерала древней игрой, увлечении серьезном, коль с такой легкостью употребляется в личном письме. Впрочем, любовь к шахматам в Московском государстве вполне обычна для представителей различных сословий, особенно для «служилых по отчеству».

Григорий Косагов — фигура парадоксальная. Плоть от плоти «бунташного» века, он выбивается из общего ряда персоналий и привлекает внимание по мере освоения документальных свидетельств о его жизни. Порой создается впечатление, что ни одно важное событие второй половины века, вплоть до свержения царевны Софьи, не обошлось без участия Г.И. Косагова. Мы видим его на полях сражений русско-польской войны 1654—1667 гг., на Дону против отрядов Разина, против турок под Азовом, а потом и в кровопролитных битвах под Чигирином. Он разрушал и строил, побеждал и проигрывал, терпел голод и холод, но всегда был верен царю и неизменно честно исполнял долг «служилого человека». Его образ драматичен, невозможно, в силу уникальности его карьеры, его неуклонного движения вверх в иерархии Московского государства, а потом стремительного падения и долгих лет забвения его имени. В каждом его действии, его приказе, письме, челобитной есть отпечаток личности самого Григория Косагова, частица его характера и незаурядных личных качеств. Постепенно имя Г.И. Косагова исчезло из официальных документов, и даже невозможно сказать, в каком году храбрый генерал умер. С правлением Петра началась совсем другая эпоха, выдвинувшая новых, энергичных и талантливых людей, сподвижников царя, «птенцов гнезда Петрова», но заслуги перед страной Григория Ивановича Косагова мы забывать не вправе — его яркая и героическая жизнь достойна памяти потомков.

Примечания

1. ВЕСЕЛОВСКИЙ С.Б. Ономастикон. М. 1974, с. 136.
2. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные II-м отделением собственной Его Императорского величества канцелярии. Т. III. 1645—1676 гг. СПб. 1852, стб. 37.
3. Записная книга Московского стола 7149 года (1640, сентябрь — 1641, август). — Русская историческая библиотека. Т. X. СПб. 1886, с. 260.
4. МАЛОВ А.В. Русско-польская война 1654—1667. М. 2006, с. 15.
5. БАБУЛИН И.Б. Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г. — Единорог: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. Вып. 1-й. М. 2009, с. 272—285.
6. Акты Московского государства. Т. III. СПб. 1901, №89(1), с. 88.
7. ГОРДОН П. Дневник. 1677—1678. М. 2005, с. 7.
8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. V. СПб. 1867, № 63 (I, IV, XI, XIX, XXI), с. 134, 136, 147, 156—157, 161.
9. Боярская книга 1658 года. М. 2004, с. 75.
10. Там же, с. 75.

11. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. Т. III. М. 1962, № 21, с. 27—28.
12. Там же, № 53, с. 60.
13. Там же, № 57, с. 63—64.
14. Там же, № 98, с. 102—103.
15. Там же, № 153, с. 169.
16. Там же, № 153, с. 170; САВЕЛЬЕВ Е.П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. СПб. 1996, с. 365.
17. Дворцовые разряды, по Высочайшему повелению изданные... Т. III, стб. 460.
18. ЗАГОРОВСКИЙ В.П. Изюмская черта. Воронеж. 1980, с. 82.
19. ЛОБИН А.Н. Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672—1681 годов. — Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12—14 мая 2010 г. Ч. II. СПб. 2010, с. 38.
20. СОЛОВЬЕВ С.М. История России с древнейших времен. СПб. Кн. 3. Т. XII, стб. 451.
21. ЗАГОРОВСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 84.
22. МАЛОВ А.В. Московские выборные полки солдатского строя в борьбе за Чигирин в 1677—1678 годах. В кн.: ГОРДОН П. Ук. соч., с. 189.
23. КАРГАЛОВ В.В. Полководцы XVII в. М. 1990, с. 359.
24. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676—1681 гг. В кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Т. VI. М. 1955, с. 520—521.
25. Там же, с. 521.
26. Там же, с. 522—523.
27. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XIII. СПб. 1884, № 80, стб. 301.
28. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 523.
29. Там же, с. 524.
30. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. XIII, № 108, стб. 467—472.
31. Там же, № 111, стб. 475.
32. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 525.
33. КАРГАЛОВ В.В. Ук. соч., с. 383.
34. Там же, с. 384—385.
35. Там же, с. 383, 385.
36. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Ук. соч., с. 525.
37. Записная книга Московского стола 1678—1679 гг. — Русская историческая библиотека. Т. XI. СПб. 1889, с. 332.
38. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IX. СПб. 1875, № 46, с. 116; Записная книга Московского стола..., с. 419.
39. ЗАГОРОВСКИЙ В.П. Ук. соч., с. 143—144.
40. Там же, с. 148, 208.
41. Там же, с. 216—217.
42. ЛАВРОВ А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М. 1999, с. 95.
43. НЕВИЛЛЬ де ла. Любопытные и новые известия о Московии. В кн.: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л. 1986, с. 507.
44. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Т. XIV, стб. 1078.
45. Записная книга Московского стола Разрядного приказа 7202/1693—1694 гг. В кн.: НОВОХАТКО О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М. 2001, с. 332.
46. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Т. XI, стб. 159.
47. ДОБРЫНИН Г.И. Истинное повествование, или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная. 1752—1827. — Русская старина. 1871. Т. III, № 5, с. 564—571.
48. АФАНАСЬЕВ А.Н. Древо жизни. М. 1982, с. 418—419.
49. СОЛОВЬЕВ С.М. Ук. соч. Т. XI, стб. 125.

Швейцарские учителя в России в первой половине XIX в.

А.В. Тихонова

В Российской империи на рубеже XVIII—XIX вв. швейцарские учителя и гувернеры не были редкостью. Сама мода на французский язык среди российского дворянства влекла сюда многих франкоговорящих швейцарцев. Общеизвестно, что наставником будущего императора Александра I был швейцарец Фредерик Сезар Лагарп (1754—1838) ¹. Сверстники императора из его ближайшего окружения бывали в Швейцарии или обучались у швейцарских учителей (граф П.А. Строганов, князь А. Чарторыйский, В.П. Кочубей и др.) ². Воспитателем великого князя Николая Павловича, будущего Николая I, также был швейцарец дю-Пюже ³.

Многие представители российской элиты проявляли интерес к новым педагогическим идеям уроженца Женевы Ж.-Ж. Руссо и знаменитого швейцарского педагога И.Г. Песталоцци ⁴. Не случайно, в первоначальном варианте пушкинского героя Евгения Онегина обучал «мосея Швейцарец». Швейцарские гувернеры и учителя воспитывали многих декабристов. Швейцарская система была достаточно строгой, направленной на воспитание чувства гражданского долга.

Однако, российские власти в отношении к иностранцам проявляли особую осторожность. Обеспокоенность приглашением иностранных учителей и отсутствием у юношества «единообразия общественных правил» прозвучала в записке М.М. Сперанского «Об усовершенствовании общего народного воспитания» (1808 г.). По мнению адмирала Н.С. Мордвинова, высказанному в 1810 г., иностранные наставники не способны для России «приготовить полезных сынов Отечества», а потому их приезд в империю необходимо запретить, а тем, которые уже проживают в России, ограничить время преподавания определенными часами. При нахождении же в стране более пяти или шести лет обязать преподавать на русском языке. Мысль о контроле за иностранными учителями была поддержана назначенным в 1810 г. министром народного просвещения графом А.К. Разумовским. 19 января 1812 г. Александр I утвердил «мнение министра» о необходимости требовать с иностранных учителей письменных свидетельств об их способностях и знаниях, которые должно было выдавать русское училищное начальство. Кроме того, 20 февраля 1823 г. при получении свидетельств на право домашнего обучения был введен сбор в размере 50 рублей ⁵.

Контроль за преподавателями-иностранцами был ужесточен при Николае I. В 1826 г. появились Правила о выдаче паспортов иностранцам, желавшим приехать в Россию для занятия мест учителей и гувернеров ⁶. Согласно Уставу учебных заведений 1828 г., иностранные учителя обязаны были получать свидетельства от россий-

Тихонова Анастасия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Смоленского государственного университета.

кого учебного начальства⁷. 8 декабря 1830 г. во все российские консульства и миссии, в том числе и поверенному в делах России в Берне Д.П. Северину была разослана «циркулярная цидула». При выдаче или «засвидетельствовании» паспортов иностранцев, желавших отправиться в Россию «с целью искать службы по учебной части и заниматься наставлением юношества», предписывалось сообщать министру народного просвещения сведения «о их поведении, всегда действующем на ум и сердце воспитанников»⁸.

12 июня 1831 г. последовал именной Указ, данный министру народного просвещения, «О людях, занимающихся содержанием частных учебных заведений и обучением юношества». В нем обращалось внимание на иностранцев, в первую очередь, на их нравственное поведение и воздействие на юношество. Директора губернских гимназий при осмотре частных учебных заведений должны были, при возникновении сомнений в нравственной стороне обучения, ставить в известность губернского гражданского губернатора. Тот, в свою очередь, при отсутствии в губернии университета мог закрыть попавший под подозрение пансион. В случае же наличия университета — обратиться туда для создания соответствующей комиссии и принятия ею необходимых мер. Со стороны посольств требовалось: «внушать» иностранцам, желавшим учительствовать в империи, чтобы «при отправлении в Россию они снабжали себя нужными документами о своем состоянии, образовании, вероисповедании и поведении». Кроме того, посольства должны были «разведывать ... о сих людях и сообщать сюда все то, что о них узнают», а в случае неблагонадежности таковых «вовсе не выдавать паспортов на отъезд в Россию»⁹.

В России иностранец, претендующий на учительство в частном доме или в учебном заведении, должен был получить как свидетельство от училищного начальства о своих знаниях, так и удостоверение о добропорядочности от гражданской администрации или «от мест и лиц, у которых прежде находился». Право на открытие частного пансиона иностранец получал лишь после пятилетнего проживания в России, а губернские власти должны были «быть сколько можно разборчивее при выдаче иностранцам разрешений на заведение пансионеров». Даже «от дядек и мамок иностранных, употребляемых в частных домах для присмотра за физическим воспитанием детей», а потому не имеющих иметь документы «о познаниях», надлежало требовать свидетельства о «добром поведении» и о благочестии (последнее «от священника их вероисповедания»). Все это не относилось к тем иностранцам, которые обучали детей «не из платы, по родству, по дружбе, или по знакомству»¹⁰. Положения Указа были отражены и в Высочайше утвержденном 12 июня 1831 г. «Дополнительных правилах к уставу 8 декабря 1828 года». Таким образом, от иностранного учителя требовались не только знания, но и высокая нравственность и политическая благонадежность.

О намерениях приехать в Россию учительствовать и дальнейших передвижениях иностранца по территории Российской империи властям должно было быть известно заранее. Существовал следующий порядок: после засвидетельствования в посольстве паспорта иностранца для проезда в Россию, дипломатический представитель уведомлял об этом российское Министерство народного просвещения, которое, в свою очередь, ставило в известность попечителя того учебного округа, куда направлялся иностранец. Исследовательница проблемы участия иностранных гувернанток в воспитании и образовании россиян во второй половине XVIII—первой половине XIX в. О.Ю. Солодянкина в качестве примера подобных действий приводит ситуацию именно со швейцарской учительницей Иоанной Марией Эмилией Лакомб из кантона «Ваядланд» (речь идет, видимо, о кантоне Вауд (Vaud))¹¹.

На обязательное прохождение экзамена, уплату пошлины и получение в губернской гимназии свидетельства на право учительствовать для иностранных учителей указывало и предписание министра народного просвещения от 8 июля 1831 года. Характерно, что о прибывавших иностранных преподавателях тут же наводили справки. Так, учитель из Берна швейцарец Фредерик Жиго прибыл в Петербург в период с 13 по 30 июля 1831 года. Он имел паспорт с отметкой российской миссии и направлялся в Рязань в дом генерала Морозова. Оказалось, что Жиго проходил испытания в Московском университете и получил право обучать французскому языку, о чем ему и было выдано свидетельство¹².

Сам государь, просматривая «Ведомости о прибывших в Россию иностранцах», писал напротив имени иностранного преподавателя или воспитателя: «Имеет ли аттестат?» Наведенные справки не всегда давали положительный ответ. Так произошло с учителем английского и французского языков из Берна Яковом Вистом, прибывшим в Кронштадтский порт с 25 апреля по 2 мая 1832 г. «для приискания места». Уже 9 мая 1832 г. Николай I сделал отметку по поводу аттестата. Выяснилось, что Вист прошел испытания в Санкт-Петербургском университете и признан неспособным и недостоинным аттестата, а потому «обязан подпискою не заниматься обучением и воспитанием юношества». После же осведомления об аттестате гувернантки из Берна, швейцарки Изолины Зигель, также приехавшей в Кронштадт со 2 по 9 мая 1832 г. и остановившейся в доме князя Дундукова-Корсакова, оказалось, что она подверглась испытанию в Санкт-Петербургском университете «и быв признана способною обучать в частных домах французскому языку и нести звание гувернантки, снабжена надлежащим на сей конец свидетельством»¹³.

Иностранцы, занимавшиеся образованием и воспитанием, обязаны были иметь свидетельства. Об этом гласил данный Сенату именной Указ от 25 марта 1834 г. «О воспрещении принимать в должностях по домашнему воспитанию иностранцев, неположивших аттестатов от Русских университетов»¹⁴. Ответственность за неисполнение Указа накладывалась как на принимавшего в свой дом иностранца, так и на самого иностранного наставника.

В 1834 г. Министерство народного просвещения уделило особое внимание проблеме иностранных учителей¹⁵. По мнению как дореволюционных ученых, так и современных исследователей, 1834 г. стал наиболее значимым в создании нормативно-правовой базы для воспитательной и преподавательской деятельности иностранцев в Российской империи в период до реформ 1860-х годов. 1 июля 1834 г. было высочайше утверждено «Положение о домашних наставниках и учителях»¹⁶. Оно устанавливало четкую грань между домашними надзирателями или надзирательницами, задачей которых была забота лишь о физическом здоровье воспитанника, домашними наставниками, которые должны были окончить университет, и домашними учителями или учительницами, обязанными пройти специальное испытание в университете, лицее или гимназии. От допускаемых к педагогической деятельности иностранцев требовали документы о христианском вероисповедании и «одобрительное свидетельство от русской миссии за границей», а от тех, кто уже долго проживал в России, — свидетельства от губернского начальства и благонадежных лиц¹⁷.

Согласно «Положению» от 1 июля 1834 г. домашние наставники и учителя обязаны были предоставлять директору училищ ежегодные отчеты о своей деятельности и одобрительные свидетельства от работодателей и уездного предводителя дворянства¹⁸. В отличие от русских домашних учителей иностранным подданным не предоставлялись права на получение классного чина и продвижение по гражданской службе, а также материальное обеспечение из особого капитала призрения (пенсия). Тем самым, правительство отдавало предпочтение собственным учителям по сравнению с иностранными, ограничиваясь в отношении последних «не более как терпимостью их до времени». За обучение без свидетельств, дающих на это право, полагался первоначально штраф в 250 руб. ассигнациями (75 руб. серебром), при повторном обнаружении нарушения иностранцу грозила высылка из России¹⁹.

Согласно «Дополнительным правилам о домашних наставниках и учителях», утвержденным Министерством народного просвещения 2 августа 1834 г., были определены формы документов, а также было установлено подчинение домашних наставников и учителей, в том числе из иностранцев, губернским директорам училищ. В губерниях надзор осуществляли почетные попечители гимназий, а в университетских центрах — ректоры²⁰.

Жесткие требования российского законодательства не помешали многим швейцарцам успешно учительствовать в России. Примером может служить пансион в Петербурге руководителя реформаторской общины столицы, швейцарского просветителя, друга и последователя Песталоцци Иоганна фон Муральта (1780—1850). Расцвет его педагогической деятельности пришелся на 1830-е годы²¹. Пансион действовал с 1811 по 1837 год²². В него Муральт нанимал в качестве учителей своих соотечественников. Так, в «Ведомостях о прибывших в Россию иностранцах» упомянут учитель

Луи Маризье, имевший паспорт, выданный Российским Поверенным в делах при Швейцарском Союзе. Л. Маризье прибыл в Санкт-Петербург на пароходе «Николай I» 22 августа 1832 года. Целью его приезда значилось: «Поступает в пансион пастора Мюральда». 23 августа 1833 г. из Москвы к пастору Муральту «для определения к месту» направлялся швейцарец Шарль Манюель, учитель французского языка, работавший в России с 1829 года²³. В период расцвета пансион Муральта считается одним из лучших учебных заведений столицы и насчитывал до ста учеников. На базе пансиона Муральт основал в 1818 г. училище при реформаторских церквях в Петербурге, состав учеников которого был всесловным (в отличие от пансиона, где обучались только дворяне). Швейцарский педагог имел широкий круг знакомств в высшем свете Петербурга. Он был вхож в дома Канкриных, Фикельмонов, графов Уваровых. Среди друзей И. фон Муральта были А.С. Пушкин и В.А. Жуковский²⁴.

В монографии Соколянкиной приведены биографические сведения 14 швейцарских гувернанток и 2 швейцарских гувернеров²⁵. Конечно, их число было значительно больше. В «Ведомостях о прибывших в Россию иностранцах» из фонда III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии только в 1831—1835 гг. упоминаются 19 швейцарских учителей и 6 учительниц, 1 гувернер и 16 гувернанток²⁶. К 1844 г. в России, по данным губернаторов, трудилось 43 гувернера и гувернантки и 85 учителей и учительниц из Швейцарии²⁷. Не случайно, Генеральный консул Швейцарской конфедерации в Санкт-Петербурге Ф. Боненблуст в 1844 г., перечисляя профессии, которыми его соотечественники занимались в России, на первое место поставил «деятельность преподавателя, преподавательницы, гувернера, гувернантки», указав, что преподавание приносит швейцарцам в России наибольший доход²⁸.

Важнейшей правительственной мерой, определявшей пребывание иностранных воспитателей и учителей в России, стало распоряжение министра народного просвещения от 8 апреля 1837 г., согласно которому домашние учителя и учительницы, в случае затруднения в получении свидетельства о поведении у местного начальства, могли ограничиться удостоверением об этом у трех «благородных особ» с «засвидетельствованием» их подписей местной полицией. 15 января 1842 г. была введена новая форма для свидетельств на звание домашних наставников и учителей, которая предусматривала указание их обязанностей и последствий в случае неисполнения²⁹.

Управляющий консульством Швейцарской конфедерации в Москве г. Гланер доносил Федеральной Директории 4 октября 1843 г., что Отделение Собственной Его Императорского величества канцелярии особенно внимательно следит за путешественниками и «лицами, занимающимися преподавательской деятельностью. Российское правительство старается в наименьшей степени доверять воспитание детей иностранцам». Главным требованием был экзамен, после успешного прохождения которого иностранцы получали диплом, служивший допуском к преподаванию. По мнению Гланера, сложность представляло не столько само испытание, сколько «большое количество бумаг для допуска к этому экзамену». Для помощи соотечественникам, желавшим преподавать в России, к донесению прилагался список необходимых документов: «1. Паспорт или вид на жительство. 2. Свидетельство о рождении и крещении. 3. Справка о конфирмации для протестантов. Справка о причастии для католиков. 4. Аттестат учебного заведения, в котором человек обучался, или справка о благонадежности, выдаваемая российским послом или посланником в столице страны, откуда приезжает этот человек или выходцем которой он является».

Н.В. Представляется, что обычно бывает трудно получить эту последнюю справку, но во всех случаях и без исключений в выдаче диплома отказывают всем иностранцам, которые не имеют этой справки»³⁰.

В марте 1846 г. было Высочайше утверждено Положение о специальных испытаниях по Министерству народного просвещения³¹ и изданы соответствующие правила, которые предусматривали по каким предметам и каким образом должны проводиться испытания. Иностранцы, недавно приехавшие из-за границы, могли быть освобождены от испытания по русскому языку («по усмотрению начальства учебного округа»).

В период обострения внутренних конфликтов в Швейцарии был предусмотрен специальный запрет на въезд в Россию для швейцарских учителей и гуверне-

ров. 4 июня 1846 г. «по случаю непрерывности и ныне в сильной степени возникших смут в Швейцарии, государь император изволил признать нужным впредь до времени запретить приезд швейцарцев и швейцарок в учителя и гувернантки». Поверенному в делах в Швейцарии барону П.А. Крюднеру было предписано отказывать в выдаче паспортов на въезд в Россию швейцарцам, «которые намерены будут ехать в Россию для образования юношества». Главным начальником III Отделения граф А.Ф. Орлов секретно доводил до сведения министра народного просвещения С.С. Уварова, что даже в случае, если швейцарские гувернеры и учителя прибудут не с территории Швейцарии, то «для совершенного исполнения воли государя императора предписать кому следует, чтобы швейцарцам и швейцаркам, которые, прибыв в наши пределы, пожелают приобрести право на звание наставников и, наставниц при их экзаменовании делалось всевозможное затруднение в выдаче аттестатов»³². Такая жесткая позиция по отношению к швейцарским наставникам была связана с желанием российского правительства защитить своих граждан от возможного влияния «революционных идей» из республиканской Швейцарии.

В дальнейшем запрет на въезд в Россию швейцарским учителям и гувернерам был снят для выходцев из Невшательского кантона, так как «в сем кантоне наблюдается строго заведенное там благоустройство и что паспорта едущим в Россию Невшательским уроженцам выдаются там со всякою предосторожностью. Это засвидетельствовал и сам Барон Криднер». Потому «Его Величество, соизволив принять в уважение засвидетельствование посланника нашего, Высочайше повелел изъять невшательский кантон из общей меры, с тем, однако же, чтобы выдача паспортов невшательским уроженцам и уроженкам, едущим сюда в качестве домашних учителей и учительниц, происходила под личную ответственности Барона Криднера»³³.

III Отделение Собственной его императорского величества канцелярии следило за соблюдением узаконений в сфере образования. 15 октября 1847 г. управляющий III Отделением Л.В. Дубельт подчеркивал, «что по принятому порядку, все приезжающие из-за границы иностранные учителя и учительницы при получении видов на жительство обязываются каждый раз и подписками до приобретения аттестатов, отнюдь не заниматься учебными предметами, подвергаясь в противном случае строгому по узаконениями взысканию»³⁴.

В связи с революционными событиями в Европе в 1848 г. с Высочайшего соизволения была приостановлена выдача свидетельств иностранцам, стремившимся заниматься в империи педагогической деятельностью. 24 марта 1848 г. было сделано циркулярное предписание российским миссиям и консульствам «Об оставлении, на время выдачи одобрительных свидетельств всем вообще без исключения иностранцам и иностранкам, желающим отправиться в Россию для посвящения себя воспитанию юношества»³⁵. Исключение было сделано лишь для тех, кто был вызван с предварительного разрешения российского правительства³⁶. 28 мая 1852 г. Федеральный совет Швейцарской конфедерации отметил, что российское правительство допускает «в пределы Империи выходцев из Республики, и прежде всего воспитателей, учительниц и гувернанток, только при условии изучения каждого частного случая»³⁷.

Контроль за иностранным учительством не был ослаблен даже при либеральных веяниях начала правления Александра II. Попечитель Московского учебного округа в июле 1855 г. уведомлял губернаторов: «Министр народного просвещения предписал мне прекратить на будущее время выдачи свидетельств на право первоначального обучения всем иностранцам, за исключением только тех, которые или родились в России и давно находятся в Империи и известны Правительству по благонадежному обзору мыслей и нравственным качествам»³⁸. В 1856 г. III Отделению Собственной его императорского величества канцелярии предписывалось внимательно следить за приехавшими иностранными воспитателями, чтобы они «были немедленно подвергались секретному надзору, с отобранием подписок, что они отнюдь не будут заниматься у нас преподаванием уроков или воспитанием детей, до выдержания установленного экзамена и предоставления одобрительных о них свидетельств»³⁹. Российское законодательство в конечном итоге подталкивало иностранных учителей и гувернеров, в том числе швейцарцев, желавших длительно проживать и работать в империи, к принятию российского подданства.

1. РЫЖЕНКОВ М.Р. Ф.С. Лагарп — воспитатель будущего российского императора Александра I — Вестник архивиста. 2009, № 4, с. 172—184.
2. Великий князь Николай Михайлович (Романов Н.М.). Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1. СПб. 1903, с. 58—61; ДЮМОН П.Э.Л. Дневник Этьена Дюмона о его приезде в Россию в 1803 г. — Голос минувшего. 1913, № 2, с. 161; ЧЕЧУЛИН Н. Кочубей Виктор Павлович. Русский биографический словарь. СПб. 1903, с. 367.
3. ШИЛЬДЕР Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб. 1903, с. 475.
4. ЛАНКОВ А.В. К истории развития передовых идей в русской методике математики. М. 1951, с. 27—29.
5. СОЛОДЯНКИНА О.Ю. Иностранцы губернанти в России (вторая половина XVIII—первая половина XIX века). М. 2007, с. 50—51.
6. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. 1. П—23. 1826 г., д. 2, л. 6.
7. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ)-2, т. III, № 2502.
8. АВПРИ, ф. 1. П—23. 1830 г., д. 2, л. 3—4 об.
9. ПСЗ-2. Дополнение к VI т., ч. 1, № 4647а.
10. Там же.
11. СОЛОДЯНКИНА О.Ю. Ук. соч., с. 56.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109. 3-я эксп., оп. 226, д. 8. 1831—1853 гг., кн. 1, л. 117—119.
13. Там же, л. 256—259, 262—264.
14. ПСЗ-2, т. IX, ч. 1, № 6928.
15. АВПРИ, ф. 161. П—8, оп. 82, д. 259. 1834 г.
16. ПСЗ-2, т. IX, ч. 1, № 7240.
17. СОЛОДЯНКИНА О.Ю. Ук. соч., с. 59.
18. Там же, с. 61.
19. ПСЗ-2, т. IX, ч. 1, № 7240, § 66, 67.
20. СОЛОДЯНКИНА О.Ю. Ук. соч., с. 61.
21. ДАНИЛЕВСКИЙ Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л. 1984, с. 31—33.
22. МЕДЕР Э. Частная школа шорихского пастора Иоганна фон Муральта. Швейцарцы в Петербурге. СПб. 2002, с. 420—426.
23. ГАРФ, ф. 109, оп. 226, д. 8. 1831—1853 гг., кн. 1, л. 321; оп. 227, д. 1. 1833—1834 гг., л. 113.
24. ДАНИЛЕВСКИЙ Р.Ю. Ук. соч., с. 33.
25. СОЛОДЯНКИНА О.Ю. Ук. соч., с. 381—449.
26. ГАРФ, ф. 109, оп. 226, д. 8. 1831—1853 гг., кн. 1, л. 42.
27. АВПРИ, ф. 161. П—8, оп. 82. 1841 г., д. 116.
28. Россия — Швейцария — Russie-Suisse — Russland — Schweiz. 1813—1955. Документы и материалы. М. 1995, с. 81, 83.
29. Журнал Министерства народного просвещения. 1867, № 1—3, с. 138—139.
30. Цит. по: Россия — Швейцария — Russie — Suisse — Russland — Schweiz, с. 86—87.
31. ПСЗ-2, т. XXI, ч. 1, № 19787.
32. ГАРФ, ф. 109. 3-я эксп., оп. 131. 1846 г., д. 79, л. 1, 5—7.
33. Там же, л. 14.
34. ГАРФ, ф. 109. 3-я эксп., оп. 132. 1847 г., д. 122, л. 9.
35. АВПРИ, ф. 161. П—8, оп. 82, д. 214. 1848 г.; оп. 82. 1848 г., д. 182, л. 3.
36. СОЛОДЯНКИНА О.Ю. Ук. соч., с. 66—67.
37. Россия — Швейцария — Russie — Suisse — Russland — Schweiz. 1813—1955, с. 106.
38. Государственный архив Смоленской области (ГАСО), ф. 1, оп. 2, д. 356. 1855 г., л. 1—1об.
39. Цит. по: АБАКУМОВ О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов. 2008, с. 157—158.

Немецкая пресса в первый месяц Великой Отечественной войны

В.Н. Залепеев

В изучении истории Германии в период второй мировой войны немецкая пресса относится к числу таких источников, без знания и осмысления которых невозможно создать сколь-нибудь полное представление о формировании и изменении общественного сознания в условиях военного времени и политическом курсе нацистского руководства. Конечно, газеты, например, «Фёлькишер беобахтер», «Берлинер берзен цейтунг», «Дейче альгемейне цейтунг»¹ дают нам неполное представление об этих процессах, однако достаточное, чтобы воспринять реальность.

В первый месяц Великой Отечественной войны немецкая пресса наибольшее внимание уделяла положению дел на восточном фронте. Первоначально, в течение всей недели газеты ограничивались, главным образом, пересказом и «обоснованием» ноты министерства иностранных дел Германии, предъявленной Советскому Союзу. Газетные полосы были заполнены описанием «причин», побудивших германское правительство выступить против СССР. Разнузданная антисоветская пропаганда заняла главное место в германской печати. Основными ее мотивами в первое время были следующие утверждения: «Советский Союз готовил нападение на Германию», «Между СССР и Англией существовал стовор», «СССР не оставил мысль о мировой революции», «Россия стремилась создать протекторат на юго-востоке Европы», «Большевизм угрожал европейским странам» и т. д. Так, в статье «Коминтерн и Кремль», опубликованной в «Дейче альгемейне цейтунг», имеется ссылка на советский журнал «Интернациональный Маяк» № 1 за 1941 год, где было сказано: «Дело Ленина победит во всем мире». Это оказалось достаточным немецкой газете, чтобы обосновать «вывод», что «Советский Союз вел против Германии подрывную деятельность и готовил мировую революцию»².

Оправдывая войну против СССР, газеты часто публиковали статьи в которых Советский Союз рассматривался не иначе, как агрессор. Например, руководитель внешнеполитического отдела «Дейче альгемейне цейтунг» Маркс Клаус писал: «Советский Союз сконцентрировал много войск на своей западной границе и усилил гарнизоны в Прибалтике, он вмешивался в дела Югославии и выступал против присоединения Югославии к тройственному пакту, заключив пакт о нейтралитете с враждебным Германии правительством Симовича. Советы незаконно напали на прибалтийские страны и присоединили к себе Бессарабию»³. Характерно, что министерство народного просвещения и пропаганды Германии во главе с Й. Геббельсом выдвинуло в печати против советского государства столько обвинений подобного рода, что они касались всех европейских стран. Для каждой страны была сфабрикована фаль-

Залепеев Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Брянского государственного университета.

шивка на тему о «большевистской угрозе» с расчетом — противопоставить все европейские страны Советскому Союзу⁴. Например, германские газеты обвинили СССР в том, что он вызвал трудности нового режима в Румынии, устраивал беспорядки в стране и стремился вызвать гражданскую войну. По словам «Берлинер бёрзен пейтунг», уже в ноябре 1940 г. «коммунисты и платные агенты Москвы стремились проникнуть в ряды легионеров с целью развала этой организации»⁵.

Таким образом, в первую неделю войны германская пропаганда сконцентрировала свое внимание на том, чтобы фальсифицируя факты, возвести на Советский Союз побольше клеветы и под маской пропаганды о «большевистской угрозе» мобилизовать все силы европейских стран на «кредитный поход» против СССР.

Что касается хода военных действий на советско-германском фронте, то в течение первой недели, а именно до 29 июня, когда верховное командование вермахта опубликовало сводку с цифрами потерь советской армии, в газетах преобладали сообщения военных корреспондентов. В основном печатали статьи общего характера «о противнике на Востоке». Приводили различные цифры о численности советской армии, противостоящей вермахту накануне войны, давали характеристику вооружения⁷.

После опубликования итогов за первую неделю войны хвастливый тон германских газет по поводу успехов на Востоке усилился. Геббельс сам часто выступал со статьями, где предсказывал скорую гибель Советского Союза. Каждый день газеты выходили под крупными сенсационными заголовками. Эти сообщения, судя по публикациям «Фелькишер беобахтер» в июле 1941 г., выглядели следующим образом⁸: 3-го июля — «Хаос в советской армии»; 4-го — «Оборонная сила советской армии сломлена»; 5-го — «Германская армия преследует противника по всему фронту»; 6-го — «Развал дисциплины в советской армии»; 7-го — «52 тыс. красноармейцев перешло на германскую сторону»; 8-го — «Советская авиация окончательно разбита»; 11-го июля — «Окончательно победила германская армия»; 13-го — «Линия Сталина прорвана повсеместно»; 18-го — «Большевики бросили в бой последние резервы»; 19-го — «Ближайшие дни могут принести исторические события»; 20-го июля — «В советской армии начался хаос».

Наряду с громкими сенсациями в газетах все чаще появлялись вынужденные признания о мужественном сопротивлении советской армии. Например, генерал авиации Квадэ писал: «Уже в мировую войну солдат русской империи с исключительным спокойствием умирал в бою. Советские идеи не изменили этот характер»⁹. В передовой под названием «Способы ведения боев на Востоке» военный корреспондент констатировал: «Бои на Востоке носят совершенно особый характер. Битва, которая имеет место на всем восточном фронте, отмечается тем, что русские оказывают всюду упорное и ожесточенное сопротивление»¹⁰. В статье полковника Риттера фон Шрам «Подвижная война пехоты» говорилось следующее: «В местечке, взятом немецкими войсками, уже продолжительное время оказывается упорное сопротивление бойцов Красной армии. Со всех сторон еще продолжается стрельба из глубины леса, иногда даже из горящих домов, но наиболее часто из бункеров, которые еще не взяты, ибо нам еще не удалось сломить последнее сопротивление»¹¹. Публикование подобного рода статей немецкой прессой вызвано было отнюдь не стремлением правящих кругов Германии показать боеспособность и героизм советского народа. Геббельсовская пропаганда этим шагом пыталась объяснить те многочисленные жертвы немецких солдат, которые поступали в Германию с восточного фронта.

Описывая героическое сопротивление советского народа нацистские газеты преследовали и другую цель, а именно: дискредитировать советскую армию, советского человека. В этой связи часто в статью вклинивали небольшой материал, который перечеркивал суть материала. Например, в статье военного корреспондента Герца под заголовком «Методы большевистского ведения войны» отмечалось: «Борьба на Востоке ведется ожесточенно. После того, как наш батальон после непродолжительного отдыха намеревался продолжать движение вперед, он подвергся нападению из домов, амбаров, с полей и был обстрелян с тыла. Советские солдаты, которые вечером накануне под защитой темноты притаились или ушли в поле, во время ночи снова нашли мужество взять в руки оружие. В одних из других местечек были задержаны женщины, девушки и маленькие дети, которые были вооружены револьверами и прикрывали отступление».

Тактикой советской армии является оставление в тылу при отступлении небольших групп в лесах и в полях. Эти группы имеют задачу вести борьбу из-за надежного прикры-

тия на свой собственный страх и риск. Всеми средствами советские офицеры пытаются не допускать, чтобы их солдаты попали в германский плен. Даже там, где положение немцев, как победителей, является неоспоримым и там имеется мало пленных»¹².

Наряду с откровением о войне с Советским Союзом (в прямом и переносном смысле этого слова) немецкая пропаганда в начале июля делается более циничной. Печатается ряд антисоветских статей о различных сторонах жизни СССР: о конституции, о социальном политике, о советском хозяйстве, искусстве, литературе и т.д. Вместе с привычными антисоветскими выпадами немецкая пресса активно муссирует и новые версии. Например, с упоением газеты более недели писали о «зверствах большевиков во Львове»¹³. После того, как в начале июля были выкопаны трупы расстрелянных мирных жителей во Львове, Геббельс послал туда делегацию юристов, журналистов и представителей иностранной прессы вместе с фотографиями и кинооператорами, которые после соответствующей проработки старались воспроизвести «кошмарную картину». Так, «Фёлькишер беобахтер» поместила на первой странице большую статью, с фотографиями жертв во Львове, в которой говорилось: «Как могут помогать убийцам Черчилль и Рузвельт? Уничтожение московского режима является не только европейской задачей, но задачей мировой цивилизации»¹⁴. Эта же газета, в том же контексте, спустя неделю, писала: «В эти дни, когда, наконец, разрывается кровавая завеса, которая опутала эту страну, когда, наконец, наступил час отмщения, Англия пытается облегчить положение своего союзника, а московские военные сводки говорят об этом с большим удовольствием»¹⁵.

Таким образом, средства массовой информации Германии в первый месяц Великой Отечественной войны стремились убедить немецкое население в необходимости борьбы против Советского Союза. Большая часть газет на всех четырех полосах публиковала антисоветские материалы. Авторами подобного рода многочисленных статей являлись лица, как правило, занимающие посты в центральном аппарате германского государства, это: Геббельс, Розенберг, Вайс, Зайберт, Клаус и другие²⁵.

Характерным для внутреннего положения Германии являлись частые выступления гауляйтеров областей и членов правительства на митингах и собраниях, речи которых полностью публиковали газеты. Так, в начале июля 1941 г. в Вейморе на собрании руководителей гитлеровской молодежи выступил их вождь Бальдур фон Ширах. Он произнес как обычно напыщенную речь о задачах германской молодежи, не сказав ничего конкретного. «Мало желать великого, главное состоит в том чтобы создать его», — подвел итог своему выступлению Ширах. В июле предпринял поездку по городам Германии и руководитель нацистского «Арbeitsфронта» Роберт Лей. В своем выступлении в Мюнхене на массовом трудовом фронте заявил: «Лондон и Москва — одно и то же, они призывают массы делать то, что они не в состоянии делать. Теперь большевизм будет уничтожен»²⁷.

Наряду с освещением положения дел на восточном фронте и антисоветскими публикациями, немецкие газеты, как и прежде, уделяли большое внимание вопросам внешней политики. Из высказываний газет первого месяца войны наиболее ясно обозначилась следующая картина: 1) германская пропаганда всячески старалась спрогнозировать Японию на войну с Советским Союзом; 2) большое место в прессе занимало заигрывание германского правительства с Англией и США.

Уже в первые дни войны в германских газетах появились статьи о пакте трех держав, где прямо указывалась его антисоветская направленность. Так, «Дейче альгемайне цейтунг» в связи с признанием Германией прояпонского правительства в Китае Ван Цзин-вэя, писала: «Тот факт, что это признание совершилось в момент, когда Германия и Европа выступили на борьбу против большевистского режима, является симптомом мировой исторической логики тройственного пакта»¹⁶.

После того, как германскому правительству не удалось добиться ясного заявления от Японии по поводу ее отношения к войне против СССР, немецкие газеты в середине июля напечатали ряд провокационных статей, рассчитанных на обострение японо-советских отношений. Так, некий Вильгельм Шульц в статье под заголовком «Советский Союз помогает окружению Японии» писал: «Японо-русские отношения легально могли быть охарактеризованы пактом о нейтралитете между Японией и Советским Союзом, но дух этого пакта должен рассматриваться нарушенным, ибо Советский Союз сотрудничает с врагом Японии, то есть с Америкой». Далее автор

развивает мысль о расширении американских поставок в СССР, приходит к выводу, что Япония в результате растущего сотрудничества между Москвой и Вашингтоном находится в окружении. «От Владивостока до Петропавловска также завершено окружение Японии. Поэтому, — отмечалось в газете, — нет необходимости ссылаться на пакт трех, чтобы увидеть, где ее интересы находятся под угрозой и когда необходимо принять соответствующие меры»¹⁷. Такая линия в отношении Японии в германской прессе сохранялась и в последующее время¹⁸.

Что касается позиции СМИ в отношении Англии и США, то в первый месяц Великой Отечественной войны она была довольно противоречива и двойственна. С одной стороны, чтобы оправдать нападение Германии и ее союзников на Советский Союз, газеты в первые дни доказывали, что между Москвой и Лондоном существовал тайный договор и что СССР в согласии с «английской плутократией» готовил нападение на Германию. Поэтому, — писали газеты, — война против Советского Союза является лишь этапом германской войны против Англии. С другой стороны, боясь образования коалиции между СССР, Англией и США, германская пресса всячески старалась разоблачить политику «дьявольского альянса»¹⁹. Газеты стремились преуменьшить значение этой коалиции или, бросая в другую крайность, выступали с разнузданной руганью в адрес всех трех стран²⁰.

По мере укрепления советско-англо-американских отношений тон германской прессы становится еще резче²¹. Например, 9 июля «Фелькишер беобахтер» под крупным заголовком «Рузвельт провоцирует войну», констатировала: «Покушение Рузвельта на европейский остров Исландию является наглой военной провокацией»²².

Наиболее противоречивым был тон немецкой прессы в отношении Англии. В июне—июле 1941 г., наряду с резкими выпадами против Англии, газеты публиковали материал, в котором неоднократно упоминалось о готовности правительства прийти к соглашению с английским руководством. Например, в середине июля печатный орган НСДАП в передовой статье писал: «Мы снова вспоминаем попытки Гитлера достичь взаимопонимания с Англией. Мы знаем какие жертвы мы приняли строительством флота во имя этого желания. Но все это было напрасно»²³.

Одновременно в печати велась кампания с целью поссорить Англию с Советским Союзом. Одной из ее форм являлась, например, публикация в газетах выдержек из мемуаров и речей У. Черчилля антисоветской направленности или же исторических публикаций об англо-русских конфликтах, например Крымской войне 1853—1856 годов²⁴.

Большое место в газетах занимали сообщения о погибших на восточном фронте. Каждый день газеты печатали 13—15 траурных сообщений. Геббельс, очевидно, дал указание в разделе объявлений о смерти не печатать в одном номере больше 15 таких объявлений. При этом последние касались только офицерского состава. О гибели солдат персонально не сообщалось. Когда в разделе объявлений о смерти уже имелось 15 объявлений, газеты помещали оставшиеся объявления в отделе рекламы и даже под рубрикой «новости спорта», но так, чтобы это не было особенно заметным. Например, в «Фелькишер беобахтер» от 3 июля в отделе рекламы сообщалось: «На восточном фронте погиб Вильгельм Шольц, который был личным адъютантом Бальдура фон Шираха»²⁵. В этой же газете, в отделе спорта, сообщалось: «Рекордсмен, мастер лыжного спорта Руди Кранц погиб на восточном фронте»²⁶.

Газеты нередко помещают статьи о том, что война связана с жертвами. Печатаются стихи памяти погибших. В одном из таких стихотворений говорилось: «Они умерли за нас, они умерли за родину, они думали перед боем о победе, о том, что победа будет наша»²⁷. Подобная тематика в первый месяц войны и в последующие времена оставалась преобладающей на страницах немецких газет.

Что же касается вопросов продовольственного и экономического положения Германии, то они почти не нашли отражения в прессе. Причина этого видится в том, что газеты в этот период решали более важные задачи, поставленные гитлеровским руководством, нежели вопросы освещения внутреннего положения страны. Вся машина немецкой пропаганды была направлена на то, чтобы подготовить германский народ к кровопролитной войне, к огромным жертвам, которые она принесет стране. Война против СССР стала определяющим фактором в жизни нацистской Германии. От ее исхода зависела судьба страны и, естественно, гитлеровское правительство стремилось мобилизовать все имеющиеся силы, в том числе и средства массовой информации.

Нагнетаемая эйфория о скорой победе немецкого вермахта над советским народом, подогреваемая авторитетными заявлениями высокопоставленных нацистских руководителей, однако вскоре прошла. Уже к зиме 1941 г. стало ясно, что в ближайшее время сломить сопротивление советского государства не удастся. В этой связи несколько меняется акцент немецкой пропаганды. Пресса начинает больше писать о хозяйственном положении в Германии, печатаются карикатуры из области криминально-любовной тематики, анекдоты³¹. Геббельс пытался внушить немецкому народу, что война на востоке затягивается, и к этой реальности нужно привыкать. При этом, как и раньше, советская тематика по-прежнему оставалась определяющей на страницах немецкой прессы³².

Примечания

1. «Фёлкишер беобахтер» («Народное обозрение») — печатный орган национал-социалистской немецкой рабочей партии. Была куплена нацистами в конце 1920 года. К началу второй мировой войны «Фёлкишер беобахтер», кроме берлинского, имела еще венское, мюнхенское и северогерманское издания. В освещении внутреннего положения Германии и вопросов внешней политики все они несколько отличались друг от друга. Венское издание занималось, главным образом, положением на юго-востоке Европы, тогда как северогерманское уделяло больше внимания Скандинавии. См.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 12, оп. 2, п. 26, д. 244, л. 3; Берлинер бёрзен цайтунг («Берлинская биржевая газета») — газета, близко стоящая к министерству иностранных дел Германии. См.: АВП РФ, ф. 82, оп. 24, д. 11, л. 98; Дойче альгемайне цайтунг («Немецкая всеобщая газета») — центральное издание, одна из наиболее массовых газет.
2. Deutsche Allgemeine Zeitung, 1941, 22 Juni.
3. Ibid., 25 Juni.
4. Ibid., 24 Juni.
5. Berliner Börsen Zeitung, 1941, 22 Juni.
6. Deutsche Allgemeine Zeitung, 1941, 23—28 Juni; Völkischer Beobachter, 1941, 23—28 Juni.
7. В немецких газетах давали неплохую характеристику советским самолетам, в то время как о танках отзывались отрицательно. Это косвенно подтверждает, что вермахт плохо знал новые советские танки KB и T-34. См.: Deutsche Allgemeine Zeitung, 1941, 26 Juni.
8. Völkischer Beobachter, 1941, 3—20 Juni.
9. Berliner Börsen Zeitung, 1941, 2 Juli.
10. Deutsche Allgemeine Zeitung, 1941, 2 Juli.
11. Ibid., 5 Juli.
12. Ibid., 2 Juli.
13. В конце июня — начале июля 1941 г. во Львове было расстреляно около 2500 мирных жителей. Немецкая пропаганда всю вину возложила на органы НКВД. Однако советская сторона утверждала, что расстрел — дело рук гестаповцев. См.: АВП РФ, ф. 6, оп. 3, п. 13, д. 149, л. 181.
14. Völkischer Beobachter, 1941, 7 Juli.
15. Ibid., 13 Juli.
16. Deutsche Allgemeine Zeitung, 1941, 2 Juli.
17. Ibid., 15 Juli.
18. АВП РФ, ф. 6, оп. 3, п. 13, д. 149, л. 185.
19. Deutsche Allgemeine Zeitung, 1941, 21 Juli.
20. Völkischer Beobachter, 1941, 3—7 Juli.
21. Ibid., 9 Juli.
22. В обращении к нации 27 мая 1941 г. президент США Ф. Рузвельт провозгласил состояние неограниченного чрезвычайного положения в масштабах всей страны. Чтобы обезопасить ее от ударов фашистской авиации, Рузвельт объявил о необходимости взять под контроль США на севере Исландию и Гренландию, на юге — Азорские острова и остров Зеленого мыса. В начале лета 1941 г. эти предложения были осуществлены. См.: УТКИН А. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск. 1990, с. 154—155.
23. Völkischer Beobachter, 1941, 13 Juli.
24. Ibid., 5 Juli.
25. Помимо того, что очень часто руководители нацистского государства публиковали свои статьи, газеты печатали и инспирировали публикации, то есть написанные в стенах министерства пропаганды или в министерстве иностранных дел от первых лиц. См.: АВП РФ, ф. 12, оп. 2, п. 26, д. 244, л. 12.
26. Deutsche Allgemeine Zeitung, 1941, 5 Juli.
27. Der Angriff, 1941, 6 Juli.
28. Völkischer Beobachter, 1941, 3 Juli.
29. Ibid.
30. Ibid., 20 Juli.
31. АВП РФ, ф. 12, оп. 2, п. 26, д. 244, л. 12.
32. По немецким данным, в Германии на начало 1941 г. издавалось 2300 еженедельных газет и 18 тыс. журналов. — См.: АВП РФ, ф. 12, оп. 2, п. 26, д. 244, л. 11.

Кипчакский фактор в истории Золотой Орды и Египта

Н.Т. Абдимомынов

В истории тюркских народов видное место занимает многоплеменной кипчако-кумано-половецкий союз, прославившийся под именем кипчаков и давший степи от Алтая до Дуная имя Дешти-Кипчак. В отечественной и зарубежной историографии далеко не всегда присутствуют понимание необходимости разработки проблемы соотношения этнонима и одноименного этноса «кипчак» во времени и пространстве. Между тем изучение данной актуальной проблемы в диахронном срезе прежде всего важно для выяснения сложного процесса этнической истории кипчаков. Устойчивость названия «кипчак» на протяжении веков не означала стабильности самой этнической общности. В этом смысле этноним «кипчак» следует рассматривать в двух значениях: в узком, этническом, применительно к племени, племенному союзу, и в широком, этнополитическом, для обозначения покоренных и присоединенных племенных группировок в составе созданного ими социально-политического образования. Один и тот же этноним «кипчак» обозначал различное состояние племенного организма, этноса (племя, ядро племенной конфедерации, союз племен, народность) ¹.

Кипчаки сыграли важную роль в истории народов Евразийского материка в XI—XV вв. Они принимали активное участие во всех крупных событиях мирового значения, происходивших на широких просторах от Балканского полуострова до Китая, от Египта и Индии до Руси и Сибири. В Византии и Венгрии их называли команями, а в Руси — половцами, в тюркоязычной среде — кипчаками. В эпоху средневековья этот народ не только был известен всему цивилизационному человечеству, но и, благодаря своей особой исторической активности, оставил след в этногенезе и культуре всех народов, взаимодействовавших между собой в центре Евразии ². Представителей этого могущественного союза, вследствие известной исторической экстраполяции, позже, всех вместе наименовали еще и татарами. Язык господствовавших вплоть до Египта кипчаков-куманов-половцев в XI—XVII вв. зафиксирован не только глоссариями арабских, персидских, греческих, латинских, древнерусских и иных памятников, но и кипчакскими реликвиями ³.

В 20—30-е годы XIII в. для кипчаков самыми могущественными и опасными врагами были монголы. С началом монгольского нашествия на Среднюю Азию и Восточную Европу, как и другие этносы кипчаки также включились в борьбу с монгольскими завоевателями. Кипчаки сыграли основную роль в отторчивании вторгшихся в Дешти-Кипчак монгольских полчищ.

Абдимомынов Нуртас Талгатжанович — кандидат наук, Казахский национальный университет им. аль-Фараби. Республика Казахстан, Алматы.

До нашествия монголов племенной состав кипчаков западного объединения тогда состоял из одиннадцати племен: токсоба, иетиоба, бурджоглы, ельборили, кангароглы, анджоглы, дурут, кулабаоглы, джартан, карабирикли, котан. Отмечается сравнительно однородный этнический состав, куда входили лишь тюркские племена: кипчакские, куманские и печенегские. Ведущим династийным племенем в западной конфедерации племен кипчаков стали токсоба и бурджоглы. Степень развития и углубления этнических связей в Восточнокипчакском объединении, образованном на территории Казахстана, а также уровень формирования кипчакского этноса достаточно рельефно определяются по племенному составу кипчаков Восточного улуса. В сочинениях арабских ученых Ахмеда ат-Тыни (1235—1318) и ад-Димашки (1301—1349) содержатся конкретные данные о родоплеменном составе кипчаков Восточного улуса. Он состоял из 16 этнокомпонентов, из них 8 — основные племена и 8 — более мелкие подразделения. Важно отметить, что сам перечень шестнадцатиплеменной конфедерации кипчаков не носил случайного, беспорядочного характера. Напротив, в нем все было строго регламентировано в соответствии с династийным, социальным и политическим местом и уровнем каждой этнической единицы ⁴.

Первая волна завоевательной подкатилась и хлынула в кипчакские степи в 1218—1224 гг. во времена Хорезмской кампании. При этом одной группой руководил Джучи и Чагатай (в Восточном Дешти-Кипчаке), а во главе другой стояли два талантливых полководца Чигисхана: Джебе и Субедей (в Западном Дешти-Кипчаке). Они появились здесь с юга, пройдя вдоль южного берега Каспия в Азербайджан, оттуда — в Ширван и далее через Ширванское ущелье — на Северный Кавказ и в предкавказские степи. Об этом событии особенно подробно рассказывал арабский автор Ибн аль-Асир: «Перебравшись через Ширванское ущелье, татары двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, лезгины и [разные] тюркские племена... Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они (аланы) употребили все свое старание, собрали у себя толпу Кипчаков, и сразились с ними (татарами). Ни одна из обеих сторон не одержала верх над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: “мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа ни их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними”» ⁵.

Между тем другой арабский историк Ибн Халдун приводит сведения, в которых говорится о кипчакско-монгольских историко-культурных связях, а также о некоторых аспектах истории тюркского этногенеза и социальных отношений. Он сообщает: «У кипчаков издревле была тесная связь с народом (татарами) этого султана (Чингисхана) и его домочадцами. По большей части кипчаки роднились с татарами по женской линии, беря их (татар) дочерей. Поэтому Чигисхан считал их (кипчаков) однородцами» ⁶. Здесь отмечены уходящие в глубь веков, по преимуществу патрилокальные связи кипчаков с татарами. Согласно степным кочевническим традициям, отношения, основанные на «союзе мира и родства», на разных уровнях межплеменных связей имели исключительно важное значение. Кипчаки верили, что «союз мира и родства» с монголами (или как говорил Ибн аль-Асир «уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одежах и прочем; они (татары) действительно принесли им то, что было выговорено») и оставили аланов на поле битвы. «Тогда татары напали на алан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключенного между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторглись в землю их. Тут стали они (татары) нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли. Услышав об этом, жившие вдали кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских...» ⁷. А на реке Калке в 1223 г. объединенное русско-половецкое войско потерпело поражение от полководцев Чингисхана.

Кроме этого, персидский историк Джузджани сообщает что, сыновья Чингисхана «Туши и Чагатай, управившись с делами хорезмскими, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и заповоложили одно за другим войска и племена кипчакские и подчинили все [эти] племена своей власти. Когда Туши, старший сын Чингисхана,

увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих»⁸. На основе кипчакской племенной конфедерации образовался Улус Джучи. Но силы монголов «первой волны» не были особенно крупными. Не все кипчакские племена подчинились монгольской власти. Когда монгольские полководцы «...отправились они (оттуда) в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингисхану, и освободились от них земля кипчаков; кто из них спасая, тот вернулся в свою землю. Пресекась было путь (сообщения) с нею с тех пор как вторглись татары в нее и не получалось от них (кипчаков) ничего по части бургасских мехов, белок, бобров и [всего] другого, что приносилось из этой страны. Когда же они (татары) покинули ее и вернулись в свою землю, то путь восстановился и товары опять стали привозиться; как было [прежде]»⁹.

Вторая волна монголов хлынула в кипчакские степи в 1228—1229 гг. Об этом арабский хронист Ибн Васил сообщает, что «в 627 г.х. (1229—1230 гг.) вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками»¹⁰. Поход был направлен приказом Угедея, избранного после смерти Чингисхана великим кааном. 30 тыс. войско возглавил снова Субедей-багатур. Направлен поход был против саксинов, кипчаков и волжских болгар. И на этот раз силы монголов против кипчаков не были особенно крупными. Но через семь лет, во времена Великого западного похода и «третьей волны» монголов против кипчаков, после завоевания Волжской Булгарии, пал и кипчакский мир. Вскоре обширные кипчакские степи и население превратились в основные земли и народы Золотой Орды. Какая-то группа половцев откочевала в Закавказье. Об этом сохранилась «глухая ссылка» у Рашид ад-Дина на то, что монголы, пройдя Кавказские горы, захватили там кипчаков, «которые бежав, ушли в эту сторону». И в такой ситуации, естественно, не всех поголовно уничтожали или брали в плен. Какая-то часть также оставалась и сливалась с местным населением. Следует сказать, что большое число кипчакских воинов, лишенных собственных кипчакских предводителей, перешли под командование монгольских военачальников.

Однако основная масса кипчакского этноса осталась на прежних своих кочевьях, правда, несколько потесненная из наиболее богатых областей, занятых монголами. Кипчаки стали главным податным населением степи, только у них вместо своих кипчакских феодалов появились новые — монгольские¹¹. Кроме этого, кипчакский фактор был решающим в этнополитической истории Золотой Орды. Об этом арабский автор аль-Умари сообщает: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделали их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кипчаки, как будто одного с ними рода, оттого, что монголы и татары поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков). Таким образом долгое пребывание в какой-либо земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет природные черты согласно ее природе...»¹². Тем не менее, влияние кипчаков продолжало расти, монголы с первых же десятилетий своего пребывания в кипчакской степи начали активно ассимилироваться. К середине XIV в. этот процесс был фактически завершен и потому монгольское государство «Золотая Орда», в персидских и арабских исторических сочинениях нередко именовалось как Кипчакское ханство.

Таким образом, элемент «кипчак» постоянно присутствовал в названии державы Джучидов. Более того, по прошествии достаточно короткого периода времени тюркский язык, на котором говорили кипчаки, стал основным языком общения в Улусе Джучи¹³.

Вместе с тем, огромное количество взятых в плен кипчаков обращалось монголами в рабство. Восточные рынки были наполнены рабами побежденных монголами народов, среди которых в наибольшем количестве были половцы (кипчаки)¹⁴. В плен — в рабство на продажу и для себя брались те воины и их семьи, которые оказывали сопротивление или участвовали в борьбе того или иного феодала против монголов. Судьба их была, несомненно, тяжелой, но даже эти несчастные участвовали в общем процессе этногенеза. Арабский автор аль-Айни писал: «Взятые в плен из этих народов были отвезены в земли Сирийские и Египетское. От них-то и произошли мамлюки 'Адиллийские, Камиллийские, Ашрафийские, Му'аззамийские, Насирийские да 'Ази-

зийские, оставившие прекрасные следы в государствах мусульманских»¹⁵. Особенно отважные и энергичные кипчакские воины в Египетском султанате стали гвардией султанов — мамлюками. В конце концов, мамлюки захватили власть в султанате и поставили своих султанов из кипчакских знатных родов. В числе этих пленных тюрок и был Бейбарыс, родоначальник династии мамлюкских султанов, и правивший позднее Калаун. Оба они происходили, если верить сообщению ал-Айни, из тюркского племени бурджоглы¹⁶. По словам ал-Умари, тюрки, вывезенные из кипчакской степи, отличались добросовестностью, храбростью, совершенством своих станок, красотой своих фигур и благородством характеров. Большая часть египетского войска состояла из мамлюков; из среды которых выдвигались и весьма искусные военачальники. Кроме этого, ал-Умари подчеркивает, что египетские султаны из мамлюков «чувствовали склонность к своим родичам» и стремились как можно больше заселить ими Египет¹⁷. И Хаммер-Пуриштайн в своем труде о Золотой Орде неоднократно упоминает о происхождении Бейбарыса, которое следовало из сообщений восточных авторов, и подчеркивает кровную заинтересованность его в добрых отношениях со своими родичами¹⁸.

Византийский историк и современник Георгий Пахимер сообщает что, «...египтяне по-прежнему ценили скифское племя (команов), покупая в рабство людей из этого народа, особенно набирая из них войско, а теперь, когда скиф стал во главе верховной власти, скифское племя особенно начало цениться в Египте как основа военной силы. ...Вследствие постоянного притока с севера пленников и за деньги купленных юношей росла военная сила египтян, а вместе с тем увеличивалась их смелость, так что они начали выступать с определенных границ и позволяли себе нападать на соседей и наносить вред христианам»¹⁹.

Другой византийский историк Никифор Григор не дает кипчакам другого имени, как команы, и говорит о них как о скифах, сообщая что: «Проходя с одним или двумя судами в год в страны европейски скифов, обитающих у Азовского моря и на Дону, и то набирая у них добровольных перебежчиков, то покупая рабов у господ и детей у родителей, эти суда возвращались в египетский Вавилон и Александрию, доставляя таким образом египтянам скифскую военную силу. Ибо египтяне не пригодны к военному делу, будучи весьма трусливы и лишены мужества; посему принуждены набирать на военную службу иноземцев и допускать наемников, так сказать, к господству над собой, сняв с них заботу о делах, от которых зависит человеческая жизнь. Но прошло не так много времени и египетские арабы, под указанным предлогом составили такое войско, что стали не только грозным врагом не только западным, но и восточным народам. Они поработили Африку и всю Ливию до Геркулесовых столбов (Гибралтарский пролив. — *Н.А.*), затем Финикию и Сирию и всю приморскую страну до Киликии, погубив бывшее там население. Так же поступили с другими и особенно с галатами и кельтами, прибывшими с запада и давно уже владевшими лучшими здесь местами и городами»²⁰.

Египетские султаны стремились иметь как можно больше рабов с Золотой Орды. У них были тысячи мамлюков. По одной из версий султан Калаун имел 12 тыс. мамлюков. Его сын ан-Насир, судя по хроникам, тоже купил 12 тыс. мамлюков. А когда мамлюк возвышался и становился эмиром, он сам покупал невольников. Кроме этого, число мамлюков в Египте постоянно возрастало еще и потому, что преуспевающие мамлюки вызывали к себе родных и близких, по мере сил выдвигали их, помогали получить высокие посты. Мамлюки-кипчаки представляли собой наиболее значительную силу Египта, где были как рабы-кипчаки, так и свободные люди из государства кипчаков. Последних было так много, что их пребывание в стране оставило заметный след в истории Египта. Вся эта масса кипчаков, влиявших на все слои египетского общества, довольно быстро растворилось в нем. Некоторые следы их пребывания и относительной самостоятельности сохранились, в частности, в наименовании одного из каирских кварталов — Орду²¹.

Таким образом, кипчаки в XIII—XIV вв. переживали сложные исторические коллизии, связанные, прежде всего, с нашествием монгольских племен. Часть их продолжала жить в пост-монгольских государствах. Более того, они сыграли важнейшую роль в этнополитических процессах, происходивших в Евразии, и даже в Северной Африке (Египте).

1. КУМЕКОВ Б.Е. Кипчаки: этнос и этноним. — Право и государство. 2002, №1 (24), с. 18.
2. АХИНЖАНОВ С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы. 1999, с. 7.
3. ГАРКАВЕЦ А. Codex Cumanicus: Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII—XIV вв. М. 2006, с. 4.
4. КУМЕКОВ Б.Е. Ук. соч., с. 20.
5. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Алматы. 2005, с. 46.
6. КУМЕКОВ Б.Е. Об этнонимии кыпчакской конфедерации Западного Дешт-и Кыпчака XII — начала XIII века. — Известия НАН Республики Казахстан. Сер. общественных наук. 1993, № 1, с. 60.
7. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, с. 46.
8. Там же. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. Алматы. 2006, с. 40.
9. Там же. Т. I, с. 48.
10. Там же, с. 83.
11. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М. 1973, с. 39—42.
12. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, с. 174.
13. ПОЧЕКАЕВ Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. СПб. 2007, с. 106.
14. ПЛЕТНЕВА С.А. Половцы. М. 1990, с. 182.
15. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, с. 350.
16. LANE-POOLES. A History of Egypt. L. 2010, p. 278.
17. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I, с. 172.
18. HAMMER-PURGSTALL J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. 1840, S. 170, 181.
19. УСПЕНСКИЙ Ф.И. Византийские исторички о монголах и египетских мамлюк. Византийский временник. М. 1926. Т. XXIV, с. 2—3.
20. Там же, с. 5—6.
21. АМИН аль-ХОЛИ. Связи между Нилом и Волгой в XIII—XIV вв. М. 1962, с. 11—12.

Эдуард Тааффе в политической истории дуалистической Австрии

И.В. Крючков

Со времен Марии-Терезии и Иосифа II в Австрии существовала унифицированная бюрократическая система, превратившаяся в своеобразную корпорацию — наднациональную по своему духу, демонстрирующую полную преданность династии¹. Одним из ярких представителей чиновничьего цеха империи Габсбургов являлся граф Эдуард Тааффе, ассоциировавшийся многими современниками с реакционным консерватизмом².

В XIII в. семья Тааффе принадлежала к числу наиболее знатных фамилий Ирландии³. В 1628 г. сэр Джон Тааффе был посвящен в пэры Англии, как барон Баллимот и виконт Тааффе. Один из сыновей сэра Джона Теобальт был приближенным короля Карла II. Два сына Теобальта погибли в войнах, которые вела Австрия: Тибо в боях с Османской империей, Николай в войне за испанское наследство. Третий его сын Франц (Френсис) отличился при осаде Вены турками в 1683 году. В последующем он дослужился до высших офицерских должностей Австрии, став кавалером ордена Золотого Руна. Один из родственников Эдуарда Николай Тааффе (1677—1769) получил звание генерал-фельдмаршала австрийской армии. Семья Тааффе имела собственность в Богемии и принадлежала к элите богемского общества. Самым ценным владением Тааффе являлось имение Эллишау (совр. Нальжови, Чехия), приобретенное в 1769 г., где был построен замок и разбит сад на английский манер.

Эдуард родился 24 февраля 1833 г. в Вене, его отец граф Людвиг Патрик Тааффе (1791—1855) занимал посты министра юстиции Австрии и Президента Апелляционного суда. С 1822 по 1826 г. Л. Тааффе являлся губернатором Галиции. Мать Эдуарда графиня Амалия фон Бретзенхейм (1802—1874) принадлежала к известной аристократической семье Австрийской империи. Эдуард получил хорошее образование, изучая право в Венском университете. В 1851 г. он поступил на государственную службу в округе Винер-Нойштадт в Нижней Австрии. Вскоре его перевели на работу в Венгрию. Важным событием в жизни Э. Тааффе стала женитьба на умной и красивой графине Ирме Чаки (1838—1912). Э. Тааффе демонстрировал исключительные качества для австрийской аристократии, будучи примерным семьянином и стараясь избежать суеты светской жизни⁴.

Граф любил собираться узким кругом со своими друзьями, чтобы за кружкой хорошего пильзенского пива, покуривая дорогую сигару, вести беседы о философии и последних культурных событиях в жизни Вены⁵. Во время губернаторства в Тироле Э. Тааффе пристрастился к длительным пешим прогулкам. В общении с простыми

Крючков Игорь Владимирович — доктор исторических наук, профессор Ставропольского государственного университета.

жителями Австрии он был тактичен и любезен, чем завоевал большую популярность среди венцев и населения тех областей, где он был губернатором. Даже тирольцы, которые всегда демонстрировали свой независимый нрав, уважали губернатора Тааффе. Обедать граф мог где попало, включая обычные таверны, заказывая скромные блюда. Находясь в кафе, первый министр мог спокойно пить пиво, раскланиваясь с рядовыми венцами, приветствовавшими графа. Эта простота нравов не раз становилась объектом насмешек венской аристократии. Будучи министром-президентом (премьер-министром), Тааффе не сколотил большого состояния, граф жил на те скромные средства, которые он получал от короны и своего имения. Тааффе всегда категорически выступал против использования государственных постов для личного обогащения.

После трагической смерти 19 ноября 1873 г. старшего брата, полковника австро-венгерской армии Карла Тааффе, Эдуард унаследовал австрийские и ирландские титулы рода Тааффе (в 1860 г. палата лордов Великобритании подтвердила ирландский титул семьи Тааффе). В 1850—1860-е гг. Тааффе занимал различные должности в Богемии, Зальцбурге, Тироле, пока в 1867 г. он не получил первую высокую должность губернатора (штатгальтера) Верхней Австрии. В том же году император Франц-Иосиф предложил ему пост министра внутренних дел в правительстве Ф. Бойста.

Тааффе последовательно поддерживал традиционную имперскую идею, ориентированную на создание наднациональной и надсословной монархии. Он не ассоциировал себя ни с одной национальностью, не защищал национальную идею того или иного народа, а считал необходимым реализовать в империи Габсбургов принцип полного равноправия наций, что должно было укрепить ее единство. Блестящей карьере Тааффе способствовало несколько обстоятельств. Он являлся талантливым государственным деятелем, обладавшим богатым опытом практической работы. Он слыл трудолюбивым и человеком, с большой ответственностью относящимся к исполнению своих профессиональных обязанностей⁶. Тааффе был скромным в общении с подчиненными, что не могло не imponировать окружающим его людям. Ну, и, пожалуй, самый важный фактор — это дружеские отношения с императором Францем-Иосифом⁷. Эдуард еще в детстве был введен в число приближенных эрцгерцога Франца — будущего императора Австрии (Австро-Венгрии). Император полностью доверял Тааффе. Какой бы пост не занимал граф, он, по сути, выступал в качестве проводника политической воли монарха. В то же время у графа Тааффе не сложились отношения с наследником престола кронпринцем Рудольфом, имевшим тесные контакты с австро-немецкими либералами⁸. Правда Эдуард был плохим оратором, что часто становилось предметом венских анекдотов и шуток, в которых высмеивались неуклюжесть высказываний Тааффе и его ирландское происхождение.

После отставки министра-президента Австрии князя К. Ауэрсберга в сентябре 1868 г. новым главой правительства был назначен Тааффе⁹. Он попытался пойти на компромисс с представителями национальных меньшинств, что нашло отражение и в составе нового правительства. Тааффе стремился создать конституционное большинство в рейхсрате и в земельных парламентах, проведя выборы весной-летом 1868 г., но правительство не добилося желаемого результата¹⁰.

В январе 1870 г. оно вынуждено было уйти в отставку в результате острого конфликта между Тааффе, графом А. Потоцким и И. Бергером, считавшими возможным пойти на ряд уступок федералистам, и сторонниками австро-немецкой либеральной партии, проповедовавшими централизм¹¹. Обе противоборствующие стороны подали императору специальные меморандумы, где они объясняли собственные позиции. Император после некоторых колебаний встал на сторону большинства, то есть либералов. Э. Тааффе после отставки выполнял обязанности губернатора Тироля.

Второй раз Тааффе стал министром-президентом Австрии в сложных условиях. В 1878—1879 гг. эпоха либеральных правительств в Цислайтании приближалась к завершению. Между либералами и императором возник острый политический конфликт. Либералы стремились к дальнейшей демократизации Австрии и укреплению в стране конституционной монархии, что неизбежно вело к ограничению прерогатив императора. Это было неприемлемо для Франца-Иосифа. Еще больший раскол между императором и либералами произошел во время «Боснийского кризиса». Идея оккупации Боснии и Герцеговины занимала центральное место во внешней полити-

ке Франца-Иосифа. Однако либералы к этой инициативе отнеслись негативно ¹². Они опасались колоссальных финансовых затрат, связанных с оккупацией Боснии и Герцеговины ¹³. Кроме того, либералы боялись дальнейшего увеличения удельной численности славянского населения в империи Габсбургов. Особенно остро данная проблема стояла в Австрии, где славяне составляли более 50% населения ¹⁴.

В этих условиях в 1879 г. Франц-Иосиф решился на смену правительства. В результате парламентских выборов 1879 г. либералы утратили доминирование в рейхсрате. Относительное большинство в парламенте получили политические силы, поддерживавшие Тааффе. К ним относились немецкие консерваторы, клерикалы, представители чешских, польских, словенских, русинских и хорватских партий и даже часть умеренных либералов. Этот блок получил название «железное кольцо». В августе 1879 г. Тааффе сформировал новое правительство, которое он сам называл «консервативно-славянским» ¹⁵. Вскоре под давлением своих партийцев либеральные министры торговли Корб-Вейденгейм в 1880 г. и А.Кремер в 1881 г. вынуждены были подать в отставку. Таким образом, попытка Тааффе удержать умеренных либералов в составе своего правительства полностью провалилась ¹⁶.

Тааффе в своей политике, так или иначе, должен был учитывать интересы разношерстной проправительственной коалиции, что вело к постоянным уступкам. В Вене его называли «мастером компромиссов». Клерикалы ждали от Тааффе ревизии антиклерикального законодательства либералов, консерваторы — политической стабильности, славяне — федерализации Австрии и преобразования австро-венгерского дуализма на началах триализма. Это давало основание противникам министра-президента обвинять его в непоследовательности и в отсутствии решительности. Правительство Тааффе в основном ориентировалось на решение текущих проблем и злые языки называли его правительством «дальнейшего прозябания» ¹⁷. Однако, как показал исторический опыт, данная тактика себя оправдала, политика прагматизма и компромиссов дала свои результаты. Правительство Тааффе находилось у власти 14 лет. Ни одно австрийское правительство эпохи дуализма не смогло показать такой результат.

Придя к власти, Тааффе поставил перед собой основную задачу: «примирить австрийские национальности между собой». В своей первой речи министр-президент заявил по данному поводу: «Австрия должна...сделаться Габсбургской Австрией и, как таковой, служить пунктом соединения для равноправных национальностей, а права последних должны сдерживаться в известных границах, налагаемых австрийским государственным единством» ¹⁸.

Тааффе относился негативно к централистской системе, созданной австро-немецкими либералами, не способствовавшей их популярности среди представителей национальных меньшинств ¹⁹. Поэтому Тааффе начал постепенно подтачивать основы централизма в Австрии. Прежде всего, он удалил идеологов этой доктрины из ведущих министерств и ведомств, заменил наместников Богемии, Моравии и Силезии. Затем Тааффе принялся за административную реформу. «Вестник Европы» отмечал, что административная система Австрии очень напоминала аналогичную систему России ²⁰. К 80-м гг. XIX в. она погрязла в бюрократизме и неэффективности, существенно ущемляя права органов местного самоуправления. Правительство Тааффе не подвергло данную систему коренной реформе, внеся в нее лишь некоторые изменения, которые, по его мнению, должны были улучшить работу органов государственной власти и несколько перераспределить властные полномочия в пользу местного самоуправления.

Самым большим завоеванием правительства Тааффе явилось развитие в Австрии социального законодательства. В нем была реализована доктрина социального партнерства всех сословий страны под эгидой монархии. Кроме того, министр-президент с его помощью стремился остановить рост в Цислайтании рабочего и социалистического движения. Для австрийских законодателей в качестве образца для подражания выступала германская система социальной защиты трудящихся. В Австрии был запрещен детский труд (дети до 12 лет), а рабочий день детей от 12 до 16 лет не должен был превышать 3 час. в день с обязательным посещением школы. Ограничивалась сфера применения труда женщин, в стране вводился 12-часовой рабочий день, воскресенье объявлялось нерабочим днем, создавались промышленные инспекции, контролировавшие соблюдение социального законодательства в стране ²¹.

В 1887 г. в Австрии была введена система медицинского страхования рабочих от несчастных случаев, в 1888 г. — страхование по болезни. Авторство этих законов принадлежит Э.Штейнбаху, одному из талантливых чиновников в правительстве Тааффе²². Согласно законам 1887, 1888 и 1894 гг. рабочие формировали 10% фонд страховых касс, остальные средства перечислялись работодателями. В случае инвалидности рабочие получали пенсию в размере 60% от уровня заработной платы²³. Такой же размер компенсации они получали во время болезни от 3-х дней до 20 недель. В случае частичной потери трудоспособности рабочим полагалось 50% заработной платы. Если рабочий погибал на производстве, на его похороны выделялось 25 гульденов, кроме того нетрудоспособная вдова получала 25% заработной платы погибшего, дети до 15 лет — по 15% на каждого ребенка, внебрачные дети получали по 10%, но общая сумма выплат не должна была превышать 50% заработной платы погибшего²⁴. Австрийская система медицинского страхования рабочих считалась одной из лучших в Европе. В целом социальное законодательство Тааффе, несмотря на его недостатки, создавало предпосылки для дальнейшего улучшения положения рабочего класса в Австрии.

Экономическая политика Тааффе также носила компромиссный характер, в ней меры, направленные на развитие крупной промышленности, банков, транспортной инфраструктуры, сочетались с мероприятиями, ориентированными на учет интересов крестьянства и мелкой буржуазии, страдавших от экономической модернизации. П.Б.Струве, отвечая оппонентам Тааффе, обвинявшим его в проведении политики, направленной против австро-немцев, и, прежде всего, немецких крестьян, убедительно доказывал, что правительство Тааффе стремилось поддержать крестьян вне зависимости от их национальности. Проблемы немецких крестьян были порождены не действиями Тааффе, а болезненным переходом крестьянского хозяйства от натурального состояния к функционированию в условиях рыночной экономики²⁵.

В экономической сфере большим успехом правительства Э.Тааффе стала удачная подготовка Австрии к проведению денежной реформы (до 1891 г. за это направление отвечал Ю.Дунаевский, а с 1891 г. — новый министр финансов Э.Штейнбах). Стратегию денежной реформы определяло общеимперское Министерство финансов, но успех реформы полностью зависел от согласованности действий правительства Австрии и Венгрии. Кредитно-финансовая система империи Габсбургов требовала скорейшего проведения такой меры. Это должно было стимулировать в дуэдинной монархии инвестиционную активность и способствовать ее экономическому росту. В 1892 г. Австрия и Венгрия синхронно перешли на новую денежную единицу — крону. Старые гульден обменялись по курсу 2 кроны = 1 гульдону. Особенностью реформы стал переход на золотой стандарт²⁶. К достижениям экономической политики правительства Тааффе следует отнести заключение с Венгрией в 1887 г. очередного десятилетнего таможенного соглашения, что традиционно являлось серьезной головной болью для австрийской правящей элиты.

Тааффе не являлся клерикалом, однако он вынужден был учитывать интересы католической церкви, пользовавшейся огромной популярностью среди аристократических кругов и крестьян Австрии. В 1883 г. были внесены поправки в закон об образовании, в свое время принятый либералами. Крестьяне получали право забирать детей из школы после 6 класса, чтобы использовать их труд на сельскохозяйственных работах²⁷. Более того, в угоду клерикалам вводилась поправка об обязательном знании учителями «Закона Божьего». Однако данная норма не распространялась на Галицию, где значительную часть населения составляли русины (украинцы) и евреи²⁸. В то же время в 1892 г. именно правительство Тааффе дало согласие на создание в Австрии женских гимназий²⁹.

Тааффе, в отличие от немецких либералов, стремился достичь компромисса с национальными меньшинствами. Влиятельной силой в Австрии в последней трети XIX — начале XX в. стало чешское национальное движение, без поддержки которого правительство не могло обойтись. С 1880 г. был предпринят ряд мер, направленных на частичную реализацию требований чешских партий. Первым шагом стало обязательное параллельное использование чешского и немецкого языков административными и судебными органами Богемии, Моравии и Силезии³⁰. В пражской и брюннской (Брюнн — совр. Брно — *И.К.*) судебных палатах в 1880—1881 гг. пришлось сроч-

но переводить 8600 дел на немецкий язык и 7700 дел на чешский³¹. Многие немецкие судьи и сотрудники органов юстиции отказались выполнять данное предписание, предпочтя уйти в отставку. Языковая реформа в чешских землях шла в русле конституционного законодательства Австрии 1867 года. Статья 19 гарантировала полное равноправие языков народов, населявших страну. Таким образом Тааффе всего лишь реализовал на практике либеральную конституционную норму³².

Особое нарекание чехов вызывала система выборов в богемский ландтаг, где при меньшей численности населения немцы, тем не менее, имели преимущество. В 1882 г. Тааффе реформировал богемскую избирательную систему, в результате чего чешские представители получили большинство мест в богемском парламенте³³. Идя на уступки чешскому национальному движению, Тааффе в 1882 г. дал согласие на раздел Пражского университета на два учебных заведения: Пражский (немецкий) университет и Пражский (чешский) университет. Одновременно он оказал содействие развитию начального и среднего чешского образования в Богемии, Моравии и Силезии, вызвав недовольство со стороны немецких националистов³⁴. События в Богемии во многом подтолкнули к объединению различные националистические организации австро-немцев в чешских землях и в других областях Австрии. Крупным явлением в политической жизни страны стал съезд немецких националистов в Линце³⁵. Несмотря на это, Тааффе планировал пойти на дальнейшие реформы в чешских землях. В ответ немецкие депутаты богемского парламента несколько лет бойкотировали его заседания.

На этом политика компромиссов со славянским населением Австрии не заканчивалась. Вскоре по чешскому образцу было введено языковое равноправие для словенского языка в Штирии и в Крайне. Увеличилась численность словенских чиновников в Штирии и особенно в Крайне. Большой резонанс в Австрии вызвало назначение в 1891 г. директором государственных австрийских железных дорог поляка Билинского, жстати, поляки Г. Земляковский и Ю. Дунаевский входили в состав правительства Тааффе. Данные назначения были частью польской политики Э. Тааффе. Опираясь на поддержку поляков, он в качестве ответного шага предоставил широкую автономию Галиции, где польская элита сосредоточила в своих руках всю власть к большому недовольству русин.

В 1889 г. немецкие депутаты австрийского рейхсрата также решили присоединиться к тактике бойкота³⁶. Это заставило Тааффе предпринять усилия по поиску чешско-немецкого компромисса. В январе 1890 г. по инициативе министра-президента в Вене представители немецкой и чешской политических элит Богемии разработали «Пунктуацию». Согласно данному документу Богемия делилась на чешские и немецкие округа в зависимости от доминирующего населения. Чиновники в немецких округах не были обязаны знать чешский язык, в то время как чешским чиновникам предписывалось обязательное владение немецким языком³⁷. Все государственные, земельные, муниципальные, образовательные (Областной училищный совет, Областной культурный совет) и торгово-промышленные учреждения делились на две секции (чешскую и немецкую). Разделу подлежали судебные округа и Пражский верховный суд. Ландтаг делился на три курии: немецкую, чешскую и крупных землевладельцев. Каждая курия получала право вето. Если представители меньшинства собирали класс в 40 чел., то в данном случае предполагалось создание национальных школ. «Пунктуации» поддержали правительство, император, старочехи и немецкая часть населения Богемии, значительная часть чешской политической элиты, и, прежде всего, младочехи выступила против соглашения, что привело к срыву утверждения «Пунктуаций» ландтагом Богемии. Младочехов не устраивало то, что данный документ родился вне стен богемского парламента, к тому же он не распространялся на Моравию и Силезию, а это расценивалось младочехами как ущемление «чешского исторического права»³⁸.

Тааффе решил обойти стороной конституционные нормы, введя «Пунктуации» в действие в административном порядке, что еще больше обострило ситуацию в Богемии и в Моравии. В июне 1890 г. произошел раздел Областного училищного совета. В январе 1891 г. последовало предписание, согласно которому руководители каждого Совета должны были знать оба языка, что вызвало недовольство немцев³⁹. Результатом этого стало дальнейшее обострение чешско-немецкого конфликта и распростра-

нение идей пангерманизма в Богемии. Данный факт, наряду с провалом новой избирательной реформы, привел, в конечном итоге, к отставке Тааффе.

Существовавшая в Австрии избирательная система вызывала большие нарекания, она была недемократичной, поскольку верхняя палата — палата господ, назначаемая императором, могла заблокировать решения нижней палаты. Еще более несправедливой являлась куриальная и цензовая система выборов депутатов в нижнюю палату⁴⁰. К моменту прихода к власти Тааффе право голоса имело всего 5,9% мужского населения Австрии. Для сравнения — в Германии данный показатель составлял 21,4%⁴¹. Избирательная реформа правительства Тааффе в 1882 г. свелась к изменению системы выборов по курии крупных землевладельцев в Богемии, где немецкая и чешская аристократия стала избирать отдельно друг от друга депутатов нижней палаты. Вторым шагом явилось снижение суммы прямых налогов для избирателей четвертой курии с 10 до 5 гульденов. Это позволило увеличить численность избирателей до 7,5%⁴². Тааффе не собирався на этом останавливаться, он хотел существенно увеличить численность избирателей за счет крестьянства, рассчитывая тем самым укрепить позиции партий «железного кольца».

К избирательным реформам в Австрии кроме австро-немецких либералов с большим опасением относились и консерваторы. Они стремились не допустить значительного увеличения численности избирателей, что могло привести к краху их доминирования в рейхсрате и в земельных парламентах. Когда в 1893 г. Тааффе предложил новый проект избирательной реформы, предполагавший включение в четвертую курию всех взрослых мужчин, консерваторы и либералы добились его отставки⁴³. Ее ускорили события в Богемии, где на выборах 1891 г. в местный парламент потерпели поражение умеренные старочехи, союзники Тааффе, а свои позиции укрепили радикально настроенные младочехи⁴⁴. Они устроили правительству абстракцию в рейхсрате. В таких условиях в Богемии начался раздел административных и судебных округов по национальному признаку, вызвавший массовое недовольство чешского населения. В Праге в 1893 г. прошло несколько крупных антиправительственных демонстраций, сопровождавшихся различными эксцессами⁴⁵. В сентябре 1893 г. в Праге и в окружающих город районах было введено осадное положение. Таким образом, конфликт с консерваторами и австро-немецкими либералами, наряду с победой в Богемии национальных радикалов, предопределил уход Тааффе из большой политики.

После отставки в ноябре 1893 г. граф поселился в своем имении Эллишау, где вел тихую и скромную жизнь. В октябре 1895 г. он стал сильно болеть, и 29 ноября 1895 г. скончался. Бывшего министра-президента Австрии похоронили в Эллишау в семейном склепе. Сын Тааффе после гибели империи Габсбургов жил в Чехословакии в замки Эллишау, правда в 1937 г. он его продал и покинул страну. В 1948 г. коммунистические власти ЧСР национализировали замок, в нем помещались школа, военные учреждения и т.д., что привело к полному запустению и разорению семейного склепа Тааффе.

Тааффе оставил яркий след в политической жизни Австрии последней трети XIX века. Он был самым узнаваемым и известным премьер-министром дуалистической Австрии. Тааффе не принадлежал к числу реакционеров, многие его реформы носили прогрессивный характер и не противоречили передовым идеям конца XIX века. Он являлся прагматиком и мастером компромиссов, что следует расценивать не как недостаток, а как достоинство. В империи Габсбургов любая политика была сопряжена с достижением бесконечного числа компромиссов, иначе многонациональное, поликультурное общество не могло развиваться. Следование жестким идеологическим принципам в Австро-Венгрии зачастую вело к политическому банкротству, и опыт австро-немецких либералов об этом ярко свидетельствовал. Тааффе уловил главную стратегию развития Средней Европы, которая заключалась в постепенной реализации на практике принципа равноправия народов и федерализации Дунайской империи. В этом отношении он опередил свое время, а политические элиты австро-немецких и национальных меньшинств не готовы были идти на значительные компромиссы друг с другом, опьяненные борьбой за явные и мнимые права.

1. ДЖОНСТОН У.М. Австрийский Ренессанс. Интеллектуальная и социальная история Австро-Венгрии 1848—1939 гг. М. 2004, с. 64.
2. STROUZ H. The Multinational Empire Revisited: Reflections on Late Imperial Austria — Austrian History Yearbook. 1992, vol. XXIII, p. 3. В России также сформировался образ Э.Таафе как реакционного консерватора. См.: КАРЕЕВ Н.И. История Западной Европы в новое время. СПб. 1910, с. 297.
3. Письма графа П.Василия. Лондонское общество. Венское общество. СПб. 1886, с. 442.
4. Там же, с. 445.
5. Там же, с. 446.
6. Там же, с. 449.
7. ШИМОВ Я. Австро-Венгерская монархия. М. 2003, с. 325.
8. ДЖОНСТОН У.М. Ук. соч., с.47.
9. ТОРСОЕ А. История нашего времени. 1815—1899. Киев-Харьков. 1902, с. 265.
10. ЛОУЭЛЛЬ А.Л. Правительства и политические партии в государствах Западной Европы. М. 1905, с. 313.
11. ЛОЗИНСКИЙ С.Г. Царствование Франца-Иосифа. Политический очерк современной Австрии. Пг. 1916, с. 97.
12. Письма графа П.Василия, с. 428.
13. BELLER S. A concise history of Austria. Cambridge. 2006, p. 150.
14. ВОЦЕЛКА К. История Австрии. М. 2007, с. 300.
15. ЛОЗИНСКИЙ С.Г. Национальный вопрос и политические партии Австрии. М. 1907, с. 47.
16. Письма графа П.Василия, с. 438.
17. ВОЦЕЛКА К. Ук. соч., с. 313.
18. Цит. по: ТОРСОЕ А. Ук. соч., с. 339.
19. The Garden and the Workshop: Disseminating Cultural History in East-Central Europe. In Memoriam Peter Hanak. Budapest. 1998, p. 78.
20. Корреспонденция из Вены. Три года управления гр.Таафе — Вестник Европы. 1882, № 7, с. 338.
21. ВАСИЛЕВСКИЙ Л. Современная Галиция. СПб. 1910, с. 172—173.
22. ДЖОНСТОН У.М. Ук. соч., с. 64.
23. Страхование рабочих в западно-европейских государствах. Австрия. — Вестник финансов, промышленности и торговли. 1905, № 2, с. 47.
24. Государственное страхование рабочих. Австрийское законодательство по страхованию рабочих от несчастных случаев и от болезни. СПб. 1905, с. 3—11.
25. СТРУВЕ П.Б. На разные темы (1893—1901 гг.). СПб. 1902, с. 358—367.
26. ФИСКЕ А.К. Современные банки в Северо-Американских соединенных штатах и в других государствах. Очерк банковских систем. СПб. 1910, с. 250, 312.
27. Письма графа П.Василия, с. 439.
28. BELLER S. Op. cit., p. 152.
29. ПОЛТАВСКИЙ М.А. История Австрии. Ч. 2. М. 1992, с. 114.
30. ПОПОВ И.В. Культурная политика австрийских властей в чешских землях. Последняя треть XIX в. Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М. 1997, с. 48—49.
31. ЛОЗИНСКИЙ С.Г. Царствование Франца-Иосифа, с. 135.
32. Конституционный закон об общих правах граждан для королевств и областей, представленных в рейхсрате от 12 декабря 1867 г. Собрание конституций. М. 1905, с. 20.
33. BELLER S. Op. cit., p. 153.
34. ВЕБЕР Г. Всеобщая история. Т. 15. Ч. 2. М. 1893, с. 586.
35. BARANY G. Political Culture in the Lands of the Former Habsburg Empire: Authoritarian and Parliamentary Traditions — Austrian History Yearbook, vol. XXXIX, 1998, p. 213.
36. ЛЮБАВСКИЙ М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М. 1918, с. 228.
37. ПОЛТАВСКИЙ М.А. Ук. соч., с. 119.
38. Иностранное обозрение. — Вестник Европы. 1890, № 5, с. 389—390.
39. ЛЮБАВСКИЙ М.К. Ук. соч., с. 228.
40. Конституционный закон от 21 декабря 1867 г., изменяющий закон от 26 февраля 1861 г. об имперском представительстве — Собрание конституций. М. 1905, с. 20—26.
41. ЛОЗИНСКИЙ С.Г. Царствование Франца-Иосифа, с. 116.
42. Системы избирательного права Западной Европы и Северо-Американских соединенных штатов. СПб. Б.г., с. 95.
43. ШИМОВ Я. Ук. соч., с. 26.
44. ЛОУЭЛЛЬ А.Л. Ук. соч., с. 320.
45. ЛОЗИНСКИЙ С.Г. Национальный вопрос и политические партии в Австрии, с. 63.

Российско-шведские отношения периода первой мировой войны в отечественной историографии

И.Н. Новикова

Современный период развития исторической науки характеризуется тенденцией к ее интернационализации посредством интенсификации международных контактов, усиления мобильности ученых, увеличения количества совместных исследовательских проектов, появления историков с транснациональными научными карьерами и использования глобальной сети Интернет. Примерно одни и те же исследовательские подходы влияют сейчас на развитие исторической науки, как в России, так и за рубежом.

Тем не менее, историческая наука в разных странах продолжает оставаться научной дисциплиной, которая в подавляющей степени имеет дело с вопросами национальной истории¹. Историческое прошлое народа является тем стержнем, вокруг которого формируется и развивается национальная идентичность. Поэтому историографическая традиция имеет определенную специфику применительно к конкретному государству. На развитие историографии влияют такие факторы, как отношение к профессии историка в обществе, национальная интеллектуальная традиция, специфические условия функционирования исторической науки².

Национальный подход и вопросы национальной истории по-прежнему доминируют в исторической науке. Как выразился известный немецкий историк, президент Международного комитета исторических наук (ICHS) Юрген Кокка, «историческая наука — это дом, в котором много комнат. В разных странах мира этот дом имеет разные формы и различное содержание»³.

Вышеуказанные соображения побуждают рассматривать проблемы отечественной историографии российско-шведских отношений, во-первых, в контексте развития национальной историографической традиции, во-вторых, принимая во внимание фактор времени, в-третьих, группируя работы историков по тематическому признаку.

Первые работы по истории российско-шведских отношений изучаемого периода вышли непосредственно после окончания войны и принадлежали видным деятелям РСДРП(б), проживавшим в годы войны в Швеции. Они носили преимущественно пропагандистский характер. Такой, например, была брошюра полномочного представителя советской России в Скандинавии В. Воровского, в которой сообщались лишь общие сведения о том, чем занималась в Стокгольме советская дипломатическая миссия в первые месяцы после октябрьской революции. Автор уделял много внимания разоблачению деятельности российских белогвардейцев в Швеции, но при этом, по вполне понятным причинам, хранил полное молчание относительно германо-советских неофициальных консультаций в Стокгольме во время Брест-Литовских мирных переговоров⁴. Картину становления совет-

Новикова Ирина Николаевна — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

ко-шведских отношений дополняет основанный на личных воспоминаниях биографический очерк о Воровском Якова Ганецкого, друга и соратника первого полпреда⁵.

В 1920-е годы советская историческая наука не была еще полностью унифицирована. Наблюдалась борьба мнений между представителями старых, дореволюционных направлений и сторонниками школы М.Н. Покровского, отрицавшего всякую полезность дореволюционной исторической науки и ратовавшего за новое «коммунистическое общественное сознание». Традиция, заложенная Покровским, нашла свое выражение в брошюрах, посвященных Швеции. В этих произведениях, основанных на минимальном количестве первоисточников и напомнимающих по содержанию политические памфлеты, подчеркивалась несамостоятельность внешней политики Швеции, которая неизменно «плелась в хвосте империализма» западных стран. При этом внешнеполитический образ Швеции был все же более привлекательным, чем хищнический оскал великих держав — «акул империализма». Рассуждая о внутриполитической борьбе в Стокгольме в годы мировой войны, авторы изучали преимущественно деятельность левого крыла шведской социал-демократии, считая партию в целом мелкобуржуазной и давно изменившей задачам классовой борьбы⁶.

К концу 1920-х гг. период «мирного сожительства» дореволюционной профессуры и сторонников нового «коммунистического общественного сознания» закончился. Многие известные скандинависты, не принявшие советский строй, оказались в эмиграции⁷. После разгрома школы Покровского и чисток среди профессиональных историков, во второй половине 1930-х гг. завершился процесс складывания советской историографии, которая, с точки зрения российского исследователя Р.Г. Пихоя имела следующие признаки: признание в качестве методологической основы марксистско-ленинского учения, понимание исторического развития как прогрессивного процесса развития производительных сил и обусловленных ими производственных отношений, механизм достижения социального прогресса — это классовая борьба, торжество не декларируемого публично позитивистского подхода в практике конкретно-исторических исследований, историческая наука становилась одним из существенных факторов формирования советского патриотизма⁸.

В 1930—1940-е гг. в советской историографии преобладали работы о Швеции в основном страшеведческого, публицистического и пропагандистского характера. Например, в 1940 г. вышел в свет труд Д. Страшунского. Автор обвинял Стокгольм в великодержавных амбициях в период мировой войны, которые, по его мнению, особенно оживились с падением царизма в России. Страшунский полагал, что шведская буржуазия мечтала воспользоваться анархией в России и неурядицами в Германии, чтобы снова стать хозяйкой Балтийского моря. После октябрьской революции, с его точки зрения, отношение к советской России определялось «классовой ненавистью шведской буржуазии и помещиков к молодой стране социализма». Несколько страниц произведения автор также посвятил доказательству, на примере Швеции, популярного в советской историографии тезиса о «загнивании капитализма»⁹. Тем не менее, говоря о российско-шведских отношениях периода первой мировой войны, Страшунский справедливо подчеркивал, что шведские правящие круги культивировали слухи о «русской угрозе», запугивая население русским варварством. При этом «варварство русского царизма», по мнению автора, «облегчало данную задачу». Используя шведскую статистику и работы экономиста Э. Хекшера, ему удалось наглядно показать, что послевоенный экономический подъем Швеции в значительной степени был обусловлен капиталом, заработанным на своем нейтральном статусе в годы войны.

Следует отметить, что принцип историзма обязывает нас судить о научных заслугах историков не по тому, что они не сделали по сравнению с современным состоянием науки, а по тому, что они дали нового в сопоставлении со своими предшественниками. Необходимо также учитывать тот факт, что советская историческая наука функционировала в экстраординарных социально-политических условиях, при этом источниковедение стало, пожалуй, важнейшим фактором ее развития. В данной связи, в 1920—1940-е гг. положительным моментом являлись публикации документов по истории международных отношений и внешней политики¹⁰. Не потеряла научного значения серия «Международные отношения в эпоху империализма», содержащая документы из архивов царского и Временного правительств. Большевики стремились развенчать империалистическую политику своих предшественников, вследствие чего осуществили беспрецедентную публикацию секретных дипломатических документов, на основе которых можно реконструировать основные грани российско-шведских дипломатических отношений военного периода. Однако серьезным недостатком публика-

ции стало стремление к разоблачению российского империализма, что обусловило однобокий подбор документальных материалов, в том числе и касающихся контактов со Швецией.

Стремление к разоблачению внешней политики царизма также присуще сборникам документов о поисках сепаратного мира между Россией и Германией, составленных в 1920-е годы В.П. Семенниковым¹¹. Последний был наиболее активным сторонником тезиса о «заговоре царизма», согласно которому русская императорская власть стремилась к сепаратному миру и союзу с Германией. Поэтому предпринятый им подбор источников из личной переписки Романовых, протоколов допросов царских чиновников осуществлялся в рамках указанной концепции. Несмотря на определенную тенденциозность, следует выделить и положительные моменты упомянутых публикаций — это тщательный подбор всех известных к тому времени фактов о попытках Германии заключить с Россией сепаратный мир и роли датской и шведской королевской дипломатии в указанном процессе. В частности, автор опубликовал письма шведского короля Густава V к Николаю II, сообщения А.Д. Протопопова о встрече в Стокгольме в 1916 г. с германским представителем Ф. Варбургом, в ходе которой предпринималась попытка мирного зондажа условий возможного мира. И хотя свидетельства Протопопова требуют серьезного критического анализа, на документы, собранные Семенниковым, до сих пор ссылаются все исследователи, отечественные и зарубежные, кто занимается проблемой поисков сепаратного мира между Германией и Россией в годы первой мировой войны.

Традиционно в отечественной историографии большое внимание уделялось вопросам экономической истории. Так, в 1955 г. вышла в свет работа И.Н. Каверина, посвященная английской морской блокаде в годы первой мировой войны. Это произведение было написано в обстановке разгоревшейся «холодной войны», под влиянием которой автор объявил главными поджигателями первой мировой войны США, хотя Америка вступила в войну только в 1917 году. Несмотря на идеологическую ангажированность, впервые в советской историографии Каверину удалось показать влияние союзнической блокады на нейтральные страны, в том числе на Швецию, продемонстрировать роль Швеции в подрыве усилий Антанты в экономическом удушении Германии. Вместе с тем, неуделительным представляется вывод Каверина о решающей роли России в союзнической блокаде Германии¹², современные исследования говорят об обратном — решающей роли Англии в данном процессе¹³.

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. происходит возрождение отечественной скандинавистики. Хрущевская «оттепель» благотворно отразилась на развитии данного направления исторической науки. В это время возобновились международные контакты советских исследователей. С 1956 г. по инициативе одного из ведущих историков-скандинавистов В.В. Похлебкина на базе Тартуского университета начали издаваться специализированные «Скандинавские сборники»¹⁴, целью которых являлось объединение усилий специалистов самого различного профиля: лингвистов, историков, экономистов, искусствоведов для комплексного изучения скандинавских стран.

Новаторским был подход к подготовке «Скандинавских сборников», на страницах которых обязательно имелся историографический раздел, где советские читатели знакомились с новинками скандинавской историографии, а скандинавские исследователи — с советской историографией. Редакторы направляли работу ученых на исследование «белых пятен» и наиболее неясных вопросов истории скандинавских стран. Тем не менее, преимущественное внимание уделялось мирным периодам истории, как периодом наиболее естественным для отношений между народами. Поэтому российско-шведские отношения периода первой мировой войны оказались обойденными вниманием составителей сборника. В 1963 г. скандинавистика получила новый импульс для своего развития, когда в Тарту прошла первая всесоюзная конференция специалистов данной отрасли.

В этот же период Похлебкин перевел на русский язык труд шведского исследователя Кнута Бекстрёма по истории рабочего движения в Швеции, где содержался интересный материал о деятельности шведской социал-демократии в период первой мировой войны. Похлебкин подготовил также содержательные предисловие и комментарии к изданию, где в частности, со ссылкой на «имеющиеся документы» (не представленные в тексте), упомянул о тесных связях между руководством шведской социал-демократической партии в лице Я. Брантинга и российской дипломатической миссией в Стокгольме, заявив о выполнении Брантингом целого ряда поручений Антанты и даже намекнув на получение им денежных сумм за подобного рода деятельность от царского и Временного правительств¹⁵. Упомянутый сюжет пока не подтвержден документально и нуждается в дальнейшем изучении.

В конце 1950-х — 1960-е в советской исторической науке активно дискутировались проблемы, связанные с различными аспектами понятия «нейтралитет», историки задумывались над вопросами о разновидностях политики нейтралитета, в том числе и о специфичности шведского нейтралитета¹⁶. В этой связи, представляет большой интерес статья известного скандинависта А.С. Кана, в которой рассматриваются два взаимосвязанных вопроса — отношение В.И. Ленина к нейтралитету скандинавских стран и проблема сотрудничества с нейтральной Швецией после октябрьской революции. Автор аргументировано показал, что правительство большевиков всерьез заботилось о налаживании и расширении отношений с нейтральной Швецией, его позиция по отношению к Стокгольму была более дружественной, чем к великим державам¹⁷.

Накопленные в 1960-е годы знания о Швеции получили обобщение в фундаментальном труде, изданном под редакцией Кана. В данном произведении раскрываются основные направления внешней и внутренней политики Стокгольма в годы первой мировой войны¹⁸.

В 1960—1970-е гг. советские историки уделяли немало внимания экономическим отношениям между СССР и Швецией. Однако акцент при этом был сделан на периоде 1920—1924 гг. Одной из первых работ по истории двусторонних связей 1917—1918 гг. стала книга журналиста М.Е. Сонкина¹⁹. Автор подробно рассмотрел дискуссии в советском руководстве по вопросам формирования внешнеэкономической политики государства, проанализировал первые шаги российского торгпредства в Стокгольме, охарактеризовал торгово-экономические соглашения со Швецией. До появления научных трудов В.А. Шишкина, указанное исследование являлось единственным, в котором были столь объемно представлены сведения об экономических связях России и Швеции в 1918 году.

Проблемы союзнической транзитной торговли через Скандинавию были затронуты в научных статьях П.Э. Бациса, Т.М. Китаниной и И.М. Бобович²⁰. К сожалению, дальше публикаций тезисов и научных статей, напрямую посвященных российско-шведским экономическим отношениям периода мировой войны, отечественная наука пока не продвинулась. Отсутствуют комплексные работы, посвященные влиянию первой мировой войны на внешнеэкономические связи Швеции и России. При этом достаточно разработанным в отечественной историографии является период становления внешнеэкономических связей советской России со странами Запада, в том числе со Швецией. Большая заслуга в исследовании указанного исторического периода принадлежит российскому историку В.А. Шишкину²¹.

За исключением, пожалуй, экономических вопросов, многие аспекты двусторонних российско-шведских связей в годы первой мировой войны практически не изучались в советский период. Это было связано, во-первых, с тем, что отношения со Швецией в изучаемый период не были настолько динамичными и драматичными, в отличие от отношений с крупными воюющими державами; во-вторых, война 1914—1918 гг. постепенно теряла свое значение в качестве самостоятельного объекта исследования и превращалась в «служанку революции»²². На протяжении всего советского периода война 1914—1918 гг. находилась в тени октябрьской революции как некий, не совсем самостоятельный исторический феномен, намертво привязанный к событиям октября 1917 года. Этот глобальный военный конфликт рассматривался учеными преимущественно в качестве ускорителя революционного процесса, значительного сократившего время для приближения социалистической революции. Отсюда не удивительно, что на периферии исторических исследований оказались также и международные отношения в указанный период.

Изменение политической ситуации в стране в конце 1980-х — начале 1990-х гг. положило начало предпринятому в отечественной историографии «походу против белых пятен истории» и борьбе со стереотипами прошлого. Перестройка сопровождалась ростом небывалого интереса российских историков к проблемам первой мировой войны. Критическое переосмысление работ предшественников, отказ от схематических представлений, стремление к изучению нового фактического материала и запретных ранее тем проявились в научных статьях и в работе «круглых столов» и конференций²³.

В Москве была создана российская Ассоциация историков первой мировой войны, которая в 1994 г. опубликовала сборник «Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории», охвативший спорные проблемы международных отношений, дипломатии и общественных движений²⁴. В 1998 г. Ассоциация провела международную конференцию, результатом которой стало издание сборника, посвященного слабо изученным проблемам мировой войны, в том числе и вопросам внешней политики воюющих держав и нейтральных стран²⁵. Социально-культурный подход к проблемам

первой мировой войны, выразившийся в изучении таких новых тем, как особенности военного менталитета и влияние войны на психологию людей, пробивает дорогу в Санкт-Петербурге, о чем свидетельствуют материалы нескольких крупных научных конференций²⁶.

Важные изменения произошли и в российской скандинавистике. Прежде всего, как остроумно заметил Кан, «прекратилась “холодная война” перьев. У российских скандинавистов отпала задача идейной борьбы, опровержения и разоблачения и возникла потребность заполнить “белые пятна”..., сказать, наконец, правду по большим вопросам»²⁷. Заметно интенсифицировались международные контакты российских исследователей со скандинавскими коллегами. Символами возрождения скандинавистики стало регулярное проведение с конца 1990-х в Санкт-Петербурге двух международных конференций: «Скандинавские чтения» и «Санкт-Петербург и страны Северной Европы».

Свободным стал выбор тем для исследований. Например, успешно развивается такое направление научных интересов, как изучение стереотипов, представленных образов русских и шведов в начале XX века. В данной связи следует выделить труды О.В. Чернышевой, в которых представлена богатая палитра восприятия шведами и русскими друг друга на протяжении длительной временной перспективы²⁸. Продолжает издавать яркие научные труды проживающий ныне в Швеции профессор А.С. Кан, курс лекций которого по истории русско-шведских отношений пользуется большим успехом среди, как специалистов, так и среди студенчества²⁹. Кан также много полемизирует со своими шведскими коллегами, которые, акцентируя внимание на разногласиях между шведскими социалистами и российскими большевиками, стремятся отделить судьбы шведского рабочего движения от потерпевшего поражение советского коммунизма. В статье, посвященной реакции шведской социал-демократии на февральскую революцию в России, он проанализировал различные аспекты помощи, которую оказывали шведские левые социалисты российским большевикам³⁰.

В современный период весьма востребованным жанром является историко-документальное исследование. В данной связи, необходимо выделить книгу московских историков Е. Сергеева и Ар. Улуныя, посвященную информационно-аналитической деятельности российских военных агентов в Европе³¹. Особенностью этого произведения является сочетание двух текстуальных уровней: впервые опубликованные обширные отрывки из донесений военных атташе сопровождаются ненавязчивыми комментариями профессиональных историков. Таким образом, авторы предоставили возможность самим военным атташе «высказаться» по актуальным вопросам внутренней и внешней политики стран аккредитации. Можно лишь сожалеть о том, что хронологические рамки этого исследования охватывают только предвоенный период. Но методика, предложенная в данном произведении, может быть с успехом использована и при изучении более поздних исторических периодов, в том числе и первой мировой войны. Донесения российских военных властей в Финляндии и военноморских агентов в Скандинавии используются в качестве важных источников информации для характеристики российско-шведских отношений в годы первой мировой войны в статьях Е.Ю. Дубровской³².

В начале XXI в. появились глубокие исследования о деятельности русских дипломатических представителей в эмиграции. Примером такого издания служит монография М.М. Кононовой, подготовленная на основе рассекреченных архивных материалов³³. К сожалению, Швеции в этой бесспорно содержательной книге посвящено всего несколько страниц. До настоящего времени в историографии существуют серьезные лакуны в отношении судеб многих российских дипломатов, военных и военноморских атташе, работавших в годы первой мировой войны в Стокгольме и оставшихся там после октябрьской революции. В данной связи, следует выделить статью О.В. Владимирова и В.Я. Могильникова, которые на основе архивных документов восстановили недостающие факты биографии В.А. Сташевского, российского военно-морского атташе в Стокгольме в 1914—1918 годах³⁴.

Успешно разрабатываются сегодня военно-политические аспекты шведского нейтралитета. В частности, историк российского флота Д.Ю. Козлов, на основе архивных материалов, наглядно показал роль и место Швеции в германском и российском военно-морском стратегическом планировании на Балтике, действия российского Балтийского флота на морских коммуникациях Германии, направленные на разрушение системы поставок железной руды из Швеции в Германию³⁵.

Важным событием в научной жизни России стало появление в 2008 г. подготовленного в Институте всеобщей истории РАН коллективного научного труда «Война и общество в XX веке» (руководитель проекта О.А. Ржешевский)³⁶. В первой книге этого трехтомного издания, охватывающей период первой мировой войны, специальная глава посвящена нейтральным странам. Ав-

торы (Ю.В. Кудрина, И.Ю. Медников, Г.А. Шатохина-Мордвинцева) выделили общее и особенное во внешней и внутренней политике европейских нейтралов: скандинавских стран, Испании и Голландии. Применительно к Швеции, они показали серьезный раскол в шведском обществе на сторонников Антанты и Тройственного союза, возрастающее влияние социал-демократии на внутреннюю политику, рассмотрели влияние войны на экономическую политику Швеции³⁷.

В целом, связи России со странами Северной Европы становятся сегодня одним из перспективных направлений исторических исследований. При этом российско-шведским отношениям посвящено наибольшее количество работ, среди которых, тем не менее, отсутствуют специальные труды о российско-шведских отношениях периода первой мировой войны³⁸. Трудно не согласиться с мнением скандинависта В.В. Рогинского, согласно которому, с точки зрения изучения взаимоотношений России и Швеции, XX век представляет собой большое «белое пятно»³⁹.

Подводя итог, можно заключить, что в отечественной историографии российско-шведских отношений (1914—1918 гг.) достаточно разработанными являются следующие аспекты: влияние внутриполитической ситуации на внешнюю политику Швеции и России, воздействие октябрьской революции на отношения со Швецией, становление экономических отношений между советской Россией и Швецией. При этом нужно иметь в виду, что господствовавший в советской историографии исследовательский подход к изучению взаимоотношений со Швецией имел серьезный дефект: внешняя политика России как великой державы априори изображалась как активная и наступательная по отношению к Швеции, в то время как шведская внешняя политика характеризовалась в сугубо пассивном ключе. Швеция, будучи малой нейтральной державой, лишалась в исторических исследованиях существенного элемента самостоятельности на внешней арене. Настала пора устранить данный «перекосяк».

Следует также выделить перспективные направления дальнейшего изучения российско-шведских отношений периода 1914—1918 годов. Прежде всего, это необходимость исследования гуманитарной роли Швеции, в частности, изучение деятельности шведского Красного Креста в Германии и России. Перспективным представляется также анализ культурных аспектов шведско-российских отношений. Наконец, на сегодняшний момент отсутствуют специальные исследования, посвященные деятельности российского дипломатического представительства в Швеции и шведской дипломатической миссии в России. Особое внимание следует также уделить проблемам взаимоотношений между русской дипломатической миссией и советским полпредством в Стокгольме на завершающей стадии первой мировой войны.

Однако дальнейшее развитие исследований в области истории международных отношений невозможно, во-первых, без изучения огромного эмпирического материала, содержащегося как в российских, так и в зарубежных архивах. По этому поводу справедливо заметил один из ведущих американских специалистов по истории России Стивен Коэн: «Сегодня необходим отказ от... пренебрежения фактографией и упаковки тщательно подобранных "данных" в заимствованные концепции, помеченные ярлыком "новая теория" и возвращение к истинной эмпиричности»⁴⁰. Во-вторых, современный историк-международник не должен пренебрегать знанием теории международных отношений. Необходимо преодолеть тот гигантский разрыв, образовавшийся между теорией и историей международных отношений. Пока эти две отрасли научного знания развиваются если не параллельно, то, по крайней мере, достаточно изолированно друг от друга. Это порождает в свою очередь, с одной стороны, появление легковесных теорий, созданных без необходимого эмпирического обоснования, с другой — не позволяет историкам подняться до должной степени обобщений. Постмодернистский вызов требует от историков-международников поиска новых подходов.

Примечания

1. BERGER S. A Return to the National Paradigm? National History Writing in Germany, Italy, France, and Britain from 1945 to the Present. — *The Journal of Modern History*. Sept. 2005. Vol 77, p. 634.
2. Подробнее см.: СЕЛУНСКАЯ Н.Б. Методологическое знание и профессионализм историка. — *Новая и новейшая история*. 2004, № 4, с. 25, 40.
3. КОКА Ю. Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире. — *Новая и новейшая история*. 2003, № 3, с. 17.

4. ВОРОВСКИЙ В.В. В мире мерзости и запустения. Русская белогвардейская лига убийц в Стокгольме. М. 1919.
5. ГАНЕЦКИЙ Я. В.В. Воровский. Биографический очерк. М.-Л. 1925.
6. См., напр.: ИОГАНСОН П. Швеция. М.-Л. 1928.
7. Например, покинул страну приват-доцент Санкт-Петербургского университета Карл Тиандер, автор многочисленных научных работ по истории Скандинавии и Финляндии, переводчик со шведского.
8. ПИХОЯ Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20—30-е годы XX века. — Новая и новейшая история. 2004, № 2, с. 53.
9. СТРАШУНСКИЙ Д. Швеция. М. 1940, с. 34.
10. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительства. 1878—1917. Сер. 3. 1914—1917. М. 1931—1938; Международные отношения 1870—1918 гг.: Сб. док. М. 1940.
11. СЕМЕННИКОВ В.П. Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии). По новым документам. М.-Л. 1926; Монархия перед крушением 1914—1917 гг. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. СЕМЕННИКОВА. М.-Л. 1927.
12. КАВЕРИН И.Н. За кулисами английской блокады. Из истории первой мировой войны. М. 1955, с. 38.
13. VINCENT P. The Politics of Hunger: The Allied Blockade of Germany, 1915—1919. Ohio Univ. Press. 1985.
14. В 1962 г. Похлебкин был снят с поста редактора сборника, новым редактором стала Хильда Мосберг (Тарту).
15. БЕКСТРЕМ К. История рабочего движения в Швеции (1902—1917). М. 1966, с. 262.
16. См., напр.: ЕГОРОВ Ю.А. Некоторые факты из истории нейтральной политики Скандинавских стран. — Скандинавский сборник. 1958. Вып. 4, с. 143—149.
17. КАН А.С. В.И. Ленин, Советская Россия и нейтральные государства Европы. В кн.: Ленинская внешняя политика Советской страны. М. 1969, с. 166—181.
18. История Швеции. М. 1974.
19. СОНКИН М.Е. Окно во внешний мир. Экономические связи Советского государства в 1917—1921 гг. М. 1964.
20. БАЦИС П.Э. Транзитный вопрос в русско-шведских отношениях в годы первой мировой войны (1914—1917). — Материалы VII Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Л.-М. 1976. Ч. 1, с. 75—77; БОБОВИЧ И.М., КИТАНИНА Т.М. Финляндский транзит и союзнические поставки стран Антанты в годы Первой мировой войны. В кн.: Россия и Финляндия в XVIII—XX вв. Специфика границы. СПб. 1999, с. 81—88; КИТАНИНА Т.М. Экономические отношения России и Швеции в годы первой мировой войны. — Материалы X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М. 1986. Ч. 1.
21. См. напр.: ШИШКИН В.А. В.И. Ленин и международные экономические связи. В кн.: Ленинская внешняя политика Советской страны. М. 1969; ЕГО ЖЕ. Советское государство и страны Запада в 1917—1923 гг. Л. 1969; ЕГО ЖЕ. В.И. Ленин и внешнеэкономическая политика Советского государства (1917—1923 гг.). Л. 1977; ЕГО ЖЕ. Становление внешней политики послереволюционной России (1917—1930 годы) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму». СПб. 2002.
22. Подробнее см.: КОЗЕНКО Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны. — Новая и новейшая история. 2001, № 3, с. 3—28.
23. ПИСАРЕВ Ю.А. Новые подходы к изучению истории первой мировой войны. — Новая и новейшая история. 1993, № 3, с. 46—58; Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Крулый стол» историков. — Новая и новейшая история. 1994, № 4—5, с. 109—132; ВИНОГРАДОВ В.Н. Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны. — Новая и новейшая история. 1994, № 5; Первая мировая война и международные отношения. СПб. 1995; Первая мировая война: пролог XX века. М. 1998; Последняя война императорской России. Сб. статей. М. 2002.
24. Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М. 1994.
25. Первая мировая война: пролог XX века. М. 1998.
26. Первая мировая война: История и психология. Материалы российской научной конференции. СПб. 1999; Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб. 1999.
27. КАН А.С. Советская и постсоветская историческая нордистика — первые итоги. — Северная Европа: Проблемы истории. М. 2003. Вып. 4, с. 18.
28. ЧЕРНЫШЕВА О.В. Шведский характер в русском восприятии: По свидетельствам XIX—XX вв. М. 2000; ЕЕ ЖЕ. Образ шведа в русском восприятии (XIX—XX века). — Северная Европа. Вып. 3. М. 1999, с. 127—155; ЕЕ ЖЕ. Шведы о русских. По материалам начала XX века (1900—1920). — Северная Европа. М. 2003. Вып. 4, с. 102—125.
29. КАН А.С. Швеция и Россия — в прошлом и настоящем. М. 1999.
30. КАН А.С. Шведские левые социалисты и Февральская революция в России. — Проблемы всемирной истории. Сб. статей в честь А.А. Фурсенко. СПб. 2000, с. 206—215.
31. СЕРГЕЕВ Е., УЛУНЯН А. Не подлежит оглашению. Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах 1900—1914. М. 2003, с. 194.

32. ДУБРОВСКАЯ Е.Ю. Сведения о Швеции в годы первой мировой войны (по донесениям русских военных властей в Финляндии). В кн.: Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб. 2001, с. 43—47.
33. КОНОНОВА М.М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925). М. 2004.
34. ВЛАДИМИРОВ О.В., МОГИЛЬНИКОВ В.Я. «Я — русский, я — военный, я — патриот». — Военно-исторический журнал. 2004, № 4, с. 31—38.
35. КОЗЛОВ Д.Ю. Цель — шведская руда. Действия надводных сил флота Балтийского моря на неприятельских коммуникациях в кампанию 1916 года. М. 2008; ЕГО ЖЕ. Флот Балтийского моря в кампании 1915 года: новые проблемы и новые достижения. — Военно-исторический журнал. 2007, № 10, с. 25—31; ЕГО ЖЕ. Стратегическое затишье. Некоторые подробности кампании 1916 года на Балтийском море. — Военно-исторический журнал. 2009, № 3, с. 3—9; ЕГО ЖЕ. Роль российского Балтийского флота в экономической блокаде Германии. 1914—1917 гг. — Вопросы истории. 2010, № 9, с. 70—84.
36. Война и общество в XX веке. Кн. 1—3. М. 2008. См. также рецензию на данный труд: МОНИН С.М. Война и общество в XX веке. — Новая и новейшая история. 2009, № 6, с. 101—114.
37. КУДРИНА Ю.В., МЕДНИКОВ И.Ю., ГА. ШАТОХИНА-МОРДВИНЦЕВА. Нейтральные страны: Политика нейтралитета и настроения в обществе. Война и общество в XX веке. Кн. 1. В кн.: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М. 2008, с. 472—514.
38. Подобная ситуация наблюдается и в Швеции, где в центре внимания остаются проблемы ее внутренней политики, а также отношения Стокгольма с Германией и Англией в изучаемый период.
39. Цит. по: ВАХРУШЕВА К.В. Россия и Швеция: прошлое и настоящее. — Новая и новейшая история. 2002, № 4, с. 219.
40. КОЭН С. Изучение России без России. Крах американской постсоветологии. М. 1999. Вып. 4, с. 31.

В.Е. ВОРОНИН. Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.). Изд-во «Спутник». 2009. 369 с.;

В.Е. ВОРОНИН. Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х — середина 80-х гг. XIX в.). Изд-во «Спутник». 2010. 220 с.

Центральная проблема двух монографий доктора исторических наук, профессора Московского государственного педагогического университета В.Е. Воронина — это ход и исход продолжавшейся в течение 20 лет вязкой ожесточенной борьбы в верхних эшелонах российской политической элиты по широкому комплексу вопросов выбора пути пореформенного развития. На протяжении многих десятилетий эта проблема приковывала к себе внимание исследователей, в том числе П.А. Зайончковского, Н.П. Ерошкина, Л.Г. Захаровой, И.В. Оржеховского, В.А. Твардовской, Б.С. Итенберга, В.Г. Чернухи, И.А. Христофорова, А.В. Мамонова, А.А. Комзоловой, Е.Л. Стаферовой и др. Перед каждым новым поколением историков встает непростая задача — найти свое место в творческом осмыслении данной проблемы.

В рецензируемых монографиях главное внимание сосредоточено на анализе динамики взаимоотношений в правительственных кругах в 1860-е — 1880-е годы. Привлекают внимание, во-первых, авторские характеристики и оценки

«византийских» методов подбора кадров на высшие государственные должности; во-вторых, оценка процесса формирования и функционирования различных группировок в бюрократической среде, в частности, в Государственном совете, Комитете министров, Особых совещаниях и других структурах; в-третьих, анализ взаимоотношений между членами романовской династии, императором и высшими чиновниками-министрами, руководителями ведомств, а также между самими этими руководителями. Своим мерилom поведения сановной элиты автор избрал личность и деяния великого князя Константина Николаевича, одного из ведущих деятелей реформ 1860-х — 1870-х годов.

Автор изучил массу архивных документов и материалов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве военно-морского флота, в рукописных отделах Российской национальной и Российской государственной библиотек. Используются дневники и мемуары участников дискуссий по вопро-

су о выборе пути пореформенного развития страны. Воссоздана также и картина взаимоотношений между различными правительственными и общественными структурами, представителями «направленческой» печати.

Основным предметом дискуссий являлась, с одной стороны, ретроспективная оценка политическими деятелями сущности и направленности реформ 1860-х и 1870-х годов, с другой — их дальнейшая судьба: продолжение либо постепенное торможение, а в конечном счете и свертывание реформ. За каждым из политических направлений стояли свои социальные силы и их интересы. В качестве основного двигателя реформаторских преобразований выступал вел. кн. Константин Николаевич, последовательно и настойчиво борющийся против «аристократической оппозиции» за продолжение Великих реформ, видя в этом служение России.

В принципе соглашаясь с авторскими аргументами, в подкрепление такого понимания, следует обратить внимание на ряд проблем терминологического и теоретико-методологического характера. Прежде всего это касается таких терминов, как «правительственные либералы», «либеральные бюрократы», «либеральная партия», «аристократическая партия», которые нуждаются в авторском пояснении. Подобные термины широко использовались в рассматриваемый период и были вполне понятны участникам тех событий. Вместе с тем в строго научном смысле эти выражения не дают адекватного отражения сути явлений. Если следовать научной сущности указанных понятий — «либерал», «либерализм», «партия», то применительно к пореформенной России говорить о «правительственных либералах» и «бюрократах-либералах», «политических партиях» не приходится, поскольку в реальной действительности их не существовало. Поэтому речь может идти не о создании постоянно действующих политических партий с определенной программой, стратегией и тактикой, а о попытках (либо вел. кн. Константина Николаевича, либо со стороны П.А. Валуева или П.А. Шувалова) создать те или иные временные группировки для решения текущих задач. Такие группировки под патронатом тех или иных государственных деятелей действительно существовали, но они имели мало общего с настоящими политическими партиями, для возникновения которых в России еще не были созданы реальные условия. Иное дело — политические группировки как в правительственных, так и в общественных кругах.

Поскольку центральное место в монографии занимает именно проблема борьбы между различными политическими группировками, то именно под этим углом зрения Воронин и рассматривает стоявшие «перепады» в личных отношениях между лидерами данных группировок, состав которых постоянно менялся в зависимости от конкретной ситуации и от характера рассматриваемых проблем, а также от настроения императора. При всей остроте личных и групповых столкновений лидеры группировок не покушались на исходные принципы Великих реформ, ограничиваясь их корректировкой.

Несмотря на различия в позициях группировок, ни одна из них не стремилась к возврату в дореформенное положение. Если учесть волю по этому принципиальному вопросу Александра II, стоявшего у истоков реформ и их санкционировавшего, то много и быть не могло. Несмотря на некоторые колебания Александра II, он до конца своей жизни оставался приверженцем собственных реформаторских убеждений. Другое дело, что изменения во всех сферах жизни страны, вызванные реформами 1860-х годов, в последующие два десятилетия, о которых идет речь в исследовании, требовали соответствующего анализа и оценки как со стороны непосредственных инициаторов, так и правительственных учреждений и представителей общественных сил, получивших в лице земского и городского самоуправления возможности самоорганизации и выражения своих интересов.

В монографиях Воронина обстоятельно рассмотрены вопросы, касающиеся прежде всего продолжения реформаторского курса 1860-х годов, а во-вторых, изменения позиций различных группировок. В правительственных кругах и в обществе зрело осознание необходимости разработки конституции, речь шла о реформе политической системы, на что в начале 1860-х годов так и не решилась верховная власть. Анализ расхождений по проблемам реформирования авторитарной системы заслуживает дальнейшего изучения. Анализируя проекты П.А. Валуева, вел. кн. Константина Николаевича, Д.Н. Милютин, А.В. Головина, П.Н. Игнатьева, П.А. Шувалова, М.Т. Лорис-Меликова и др., Воронин показывает, как складывались соответствующие группировки, боровшиеся за влияние на монарха. В силу родственных отношений и определенной приверженности курсу реформ победа все чаще оказывалась на стороне вел. князя Константина Николаевича, который в своих проектах полити-

чешской реформы стремился учесть изменения в Российском пореформенном обществе. Вместе с тем в книге рассматривается вопрос о степени «эластичности» позиции самого великого князя, о его «толерантности» в ходе переговоров с политическими противниками.

Оценивая содержание и направленность проектов реформирования политической системы, исходивших от различных группировок, нельзя не обратить внимание на их непоследовательность и ограниченность, которые объяснялись прежде всего разным видением перспектив общественного развития России и прямыми интересами политического и социального характера. В целом внутрисистемные группировки выступали за сохранение монархической формы правления, за дозированное привлечение новых общественных сил к законосовещательному участию в обсуждении проектируемых реформ.

В монографиях Воронина показана непоследовательность реформаторов во второй половине 1860-х — середине 1870-х годов, серьезные расхождения и нарастание напряженности в политической элите, неизменно ориентировавшейся на верховную власть как на главный ис-

точник личного благополучия и карьерного роста. Что касается учета настроений и психологии российского общества, то влияние этого фактора прослеживается, по мнению автора, гораздо слабее. Представителям элиты так и не удалось преодолеть своего отчуждения от общества, а также освободиться от архаичных представлений о путях преобразования страны, которое мыслилось возможным лишь по инициативе власти. Приводимые в книге данные говорят о том, что отход от реформаторского курса после убийства Александра II ускорил стагнацию режима, который стал окончательно терять свой творческий потенциал, что не могло не отразиться на самом составе борющихся группировок, вынудив уход в отставку вел. кн. Константина Николаевича и ряда его соратников.

Авторские наблюдения и выводы позволяют лучше разобраться в историческом контексте поиска правящими и общественными кругами вариантов общественного развития, наметить новый подход к изучению отечественной истории на ее переходных этапах.

В.В. ШЕЛОХАЕВ

Р.Г. БУКАНОВА. *Города-крепости на территории Башкортостана в XVI—XVII вв.* Китап. Уфа. 2010. 264 с., ил.

Книга доктора исторических наук, профессора Башкирского государственного университета Розы Гафаровны Букановой посвящена одной из малоисследованных проблем отечественной истории: основанию первых русских городов-крепостей на территории Башкирии, ставшей с середины XVI в. частью российской территории в результате добровольного признания башкирами российского подданства. На освоение огромной территории к востоку от Волги и Камы со своеобразным экономическим укладом и полиэтническим составом населения ушло несколько столетий. Как показано в монографии Р.Г. Букановой, одним из направлений государственного освоения новых земель стало строительство городов-крепостей и укрепленных линий.

В книге на фоне общероссийской истории XVI—XVII вв. описывается сооружение городов-крепостей на вновь присоединенных землях. Автор выделяет несколько направлений градостроительной политики в Башкирии, тесно связанных с общими стратегическими задачами

Российского государства на юго-восточной окраине. Так, если строительство г. Уфы в 1586 г. в историческом центре Башкирского края способствовало вовлечению этой территории в сферу общероссийской системы управления, приведя к образованию административно-территориальной единицы в виде Уфимского уезда и созданию уездной администрации — Уфимской приказной избы, то другие города-крепости, возникшие позже, выполняли несколько иные функции. Строительство городов-крепостей в северо-западной части Уфимского уезда в первой половине XVII в. — Чалнинского городка, Мензелинска, крепостей Закамской черты — было обусловлено обострением внешнеполитической обстановки на юго-восточных рубежах России. Другого рода обстоятельства, например, образование единого всероссийского рынка, способствовавшие строительству Бирского и Соловарного городков, появившихся в результате торгово-промышленного освоения края.

Необходимость решения геополитических задач, связанных с политической стабилизаци-

ей и экономическим освоением юго-восточных окраин, осторожная и гибкая политика России в этом регионе предопределили особенности становления городов-крепостей: социально-словный и этнический состав населения, хозяйственно-культурный уклад городских жителей и перспективы развития городского хозяйства. Многие города-крепости впоследствии приобрели статус штатного города и ныне являются крупными административными, промышленными и культурными центрами.

Книга базируется на богатом документальном материале, преимущественно почерпнутом из центральных московских и петербургских, а также местных архивов. Она снабжена обширным историографическим обзором, учитывающим основные достижения отечественного городоведения. Все это позволило Букановой разрешить многие спорные вопросы, связанные с историей и датами основания ранних городов на территории края. Автор не обошла вниманием историю средневековых городов на территории Урала и Поволжья, существовавших задолго до присоединения этой территории к Российскому государству, раскрыв причины и предпосылки появления первых русских крепостей. Она убедительно отстаивает ныне забытую, но определенную еще в XIX в. академиком П.П. Пекарским дату основания г. Уфы — 1586 г., и не только доказывает, но и выясняет, когда и каким образом появилась господствующая ныне ошибочная дата его основания.

В этой связи большое внимание уделено личности первого воеводы г. Уфы Михаила Александровича Нагого, который, будучи родственником жены Ивана Грозного М.Ф. Нагой, в период правления Бориса Годунова оказался отлученным от двора и служил воеводой в небольших городах-крепостях на окраине страны,

а с приходом к власти Лжедмитрия I был возведен в бояре. В книге приводится схема родословной Нагого, составленная автором.

«Принятие башкирами Российского подданства имело геополитическое значение, ознаменовав новый этап в развитии не только Поволжья и Приуралья, но и России. В истории Башкортостана XVI—XVII вв. занимают особое место. До 20-х гг. XVII в. шел процесс стабилизации внутривосточной жизни, укрепления вотчинного землевладения, консолидации башкирского народа в составе Российского государства. Башкиры непосредственно подчинялись государю, и это на первых порах ограждало их от произвола приказных людей. Первый административный центр России на территории Башкортостана — г. Уфа появился по просьбе самих башкир сравнительно поздно... лишь в 1586 году. Город гармонично вписался в иномыслие пространство. Башкиры вместе с уфимскими служилыми людьми оберегали внешние границы Российского государства, осуществляли дипломатические и торговые связи с другими восточными странами» (с. 246).

Сложные научные проблемы, поставленные в книге, легко воспринимаются, благодаря культуре изложения материала и хорошему литературному языку. Книга снабжена схематическими картами, указателями имен и географических названий, что значительно повышает ее научную значимость и привлекательность.

Появление данного монографического исследования не только логически восполнило пробел в исследовании городов-крепостей юго-востока России. Рецензируемая работа Р.Г. Букановой является существенным вкладом в историю российского городоведения.

Ш.М. МУХАМЕДИНА

Contents

The political archives of the Twentieth century: At the threshold of complete schism. Contradictions and conflicts in Russian social-democracy, 1908—1912. Articles: **A.A. Iskenderov**. History and myths. Historical profiles: **O.M. Morozova**. Nikolai Fedorovich Gihkalo. Letters from the Past; **V.M. Molotov's** letter to the CC CPSU, 1964. Historical publicists: **Frolova E.I.** Political Red Cross and Soviet Russia. Contributions: **A.G. Danilov**. The Rostov period in the history of the Warsaw university; **V.V. Penskoi**. The Moscow servicemen in the bequest charters of late 15th — 16th centuries; **A.G. Gorin**. On the imperial state order of Ancient Rus', the 10th—11th centuries; **Iu.V. Luneva**. The Near East crisis of 1895—1897 and the plans for partition of the Ottoman empire. History and fates: **A.A. Rogozhin**. The Dumnyi noble general-in-charge **G.I. Kosagov**. People. Events. Facts: **A.V. Tikhonova**. The Swiss tutors in Russia, early 19th century; **V.N. Zalepeev**. German press during the first month of the Great Patriotic war; **N.T. Abdimomynov**. The Kypchak factor in the history of Golden Horde and Egypt; **I.V. Kriuchkov**. Eduard von Taaffe in the political history of Dual Monarchy. Historiography: **I.N. Novikova**. Russian-Swedish relations during the WWI in Russian historiography. *Reviews on books*: **V.E. Voronin**. Russian governmental liberals in struggle against the "aristocratic party" (mid 1860s — mid 1870s); **V.E. Voronin**. Russian autocracy and liberal governmental faction during the political crisis (late 1870s — mid 1880s) (by **V.V. Shelokhaev**); **R.G. Bukanova**. Fortified towns in Bashkortostan, the 16th—17th centuries (by **Sh.M. Mukhamedina**).

Учредители: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»
Российская академия наук

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

В.И. Кузищин, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, И.В. Созин, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 9, 2011

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Художественное и техническое оформление — **Е.П. Лебедева**

Подписано в печать 25.08.2011. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 2600. Заказ 4046 Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Отпечатано с готовых диапозитивов ОАО «Издательский дом «Красная звезда».
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 38.